

Наполеон Бонапарт

Джон С. К. Эббот

Napoleon Bonaparte

John S. C. Abbott

Электронная книга проекта "Гутенберг" Наполеона Бонапарта

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Титул: Наполеон Бонапарт

Автор: Джон С. С. Эббот

Дата выхода: 1 февраля 2003 г. [Электронная книга № 3775]

Последнее обновление: 8 января 2021 г.

Язык: Английский

Втитрах: Продюсер - Бретт Фишберн

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "НАПОЛЕОН БОНАПАРТ" ***

Продюсер: Бретт Фишберн (william.fishburne@verizon.net)

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

АВТОР: ДЖОН С.К. ЭББОТТ.

Наполеон, обнаружив, что его мирные предложения были с упреком отвергнуты Англией и отвергнуты Австрией, теперь приготовился с присущей ему энергией отразить нападение союзников. Когда он сидел в своем кабинете в Тюильри, раскаты грома их безжалостного наступления доносились до его ушей со всех границ Франции. Враждебные флоты Англии прорвались через Ла-Манш, полностью уничтожив торговлю Республики, высадив полки вооруженных эмигрантов на ее побережье, снабдив деньгами и военным снаряжением, чтобы вызвать приверженцев бурбонов к гражданскому конфликту, и забрасывая ядрами и снарядами каждый незащищенный город. На северной границе маршал Крэй с грохотом прорвался через Шварцвальд к берегам Рейна с могучим войском в 150 000 человек, которые, подобно легионам саранчи, хлынули во все северные провинции Франции. Артиллерия самого тяжелого калибра и великолепная кавалерия сопровождали эту, казалось бы, непобедимую армию. В Италии Мелас, другой австрийский маршал, с 140 000 человек при поддержке всех сил британского военно-морского флота устремился к восточным и южным границам республики. Французские войска, обескураженные поражением, бежали на глазах у своих врагов за Альпы или поедали своих лошадей и сапоги в городах, где они были осаждены. Почти с каждого мыса на побережье Республики, омываемого Ла-Маншем или Средиземным морем, глаз мог различить английские фрегаты, черные и грозные, державшие всю Францию в состоянии блокады.

Человек всегда находит определенное удовольствие в том, что у него получается хорошо. Наполеон полностью осознавал свой военный гений. Он тщетно умолял о мире во имя

истекающего кровью человечества. Теперь он с готовностью и радостью поднялся, чтобы нанести удары, которые должны были почувствовать его многочисленные враги. Он делал это с такой огромной энергией, что получил от своих противников самое лестное прозвище из ста тысяч человек. Где бы Наполеон ни появлялся на поле боя, одно его присутствие считалось эквивалентным этой силе.

Следующее воззвание прозвучало, как призывная труба, над холмами и долинами Франции. "Французы! Вы стремились к миру. Ваше правительство желало этого с еще большим рвением. Его первые усилия, его самые постоянные желания были направлены на это достижение. Английское министерство раскрыло тайну своей незаконной политики. Она хочет расчленить Францию, разрушить ее торговлю и либо стереть ее с карты Европы, либо низвести до второстепенной державы. Англия желает втянуть все нации Континента во вражду друг с другом, чтобы она могла обогатиться за счет их добычи и завладеть мировой торговлей. Ради достижения этой цели она разбрасывается своим золотом, расточает свои обещания и умножает свои интриги".

При этом призыве весь воинственный дух Франции бросился к оружию. Наполеон, в высшей степени преданный благосостоянию государства, казалось, забыл даже о своей собственной славе в пылу своего желания одержать победу над врагами Франции. С самым великодушным превосходством над любым чувством ревности он собрал армию в 150 000 человек, самую элиту войск Франции, ветеранов ста сражений, и передал их в руки Моро, единственного человека во Франции, которого можно было назвать его соперником. Наполеон также представил Моро план кампании в соответствии со своей собственной энергией, смелостью и гениальностью. Его выполнение придало бы репутации Моро непревзойденный блеск. Но осторожный генерал побоялся принять его и представил другой, возможно, столь же безопасный, но не производящий ослепительного впечатления на воображение людей. "Ваш план, - сказал один из друзей Моро первому консулу, - грандиознее, решительнее, даже надежнее. Но она не приспособлена к медлительности и осторожности человека, который должен ее осуществить. У вас есть свой метод ведения войны, который превосходит все остальные. У Моро есть свой, конечно, хуже, но все равно превосходный. Предоставьте его самому себе. Если вы будете навязывать ему свои идеи, вы раните его самолюбие и приведете в замешательство".

Наполеон, глубоко сведущий в человеческих сердцах, немедленно ответил. "Вы правы, Моро не способен понять план, который я задумал. Пусть он следует своим собственным курсом. План, которого он не понимает и не осмеливается осуществить, я сам приведу в исполнение на другой части театра военных действий. То, что он боится предпринять на Рейне, я совершу в Альпах. Может наступить день, когда он пожалеет о славе, которую уступил мне". Это были гордые и пророческие слова. Моро одержал умеренную победу на Рейне, отбросив захватчиков. Солнце Наполеона вскоре взошло над полем Маренго в ослепительном сиянии, которое превратило мерцающую звезду Моро в полную темноту. Но мы не знаем, где на страницах истории можно найти акт более высокого великодушия, чем эта капитуляция благороднейшей армии Республики тому, кто считал себя и кого другие считали соперником, — и, таким образом, открыть ему театр военных действий, где, по-видимому, должны были быть завоеваны самые богатые лавры. И он знает, где искать поступок, более гордо выражающий уверенность в себе. "Этим актом, - сказал он, - я дам Моро сто пятьдесят тысяч самых храбрых и дисциплинированных солдат Франции, победителей в сотне сражений. Я сам возьму

шестьдесят тысяч человек, новобранцев и остатки полков, которые останутся, и с ними я выступлю навстречу столь же могущественному врагу на более трудном поле боя".

Маршал Мелас рассредоточил свое огромное войско из ста сорока тысяч австрийцев по всем опорным пунктам Италии и с огромной энергией и уверенностью в себе наступал на границы Франции. Наполеон, вместо того чтобы выступить со своими неопытными войсками, две трети из которых никогда не видели настоящего выстрела, навстречу головам торжествующих колонн Меласа, решил взобраться на скалистые и, по-видимому, неприступные твердыни Альп и, спустившись с облаков над непроходимыми пропастями, обрушиться лавиной на их тыл. Необходимо было собрать эту армию в каком-нибудь благоприятном месте; — собрать в обширных хранилищах ее военное снаряжение. Было необходимо, чтобы это было сделано тайно, чтобы австрийцы, взбираясь на вершины Альп и защищая ущелья, по которым войска Наполеона были бы вынуждены прокладывать свой трудный и извилистый путь, не сделали бы переход совершенно невозможным. Английские и австрийские шпионы незамедлительно сообщали враждебным державам о каждом движении Первого консула. Наполеон назначил Дижон и его окрестности местом сбора своих войск. Однако он ловко и полностью обманул своих врагов, демонстративно объявив о том самом плане, который намеревался привести в действие.

Конечно, союзники сочли это глупой попыткой отвлечь их внимание от реальной точки атаки. Чем больше они высмеивали воображаемую армию в Дижоне, тем громче Наполеон повторял свои приказы собрать там батальоны и склады. Шпионы, посетившие Дижон, доложили, что в этом месте собралось всего несколько полков и что это объявление явно было очень слабой попыткой ввести в заблуждение. Типографии Лондона и Вены были заполнены карикатурами на армию Первого консула Дижона. Особенно развеселились англичане, когда великая армия Наполкона взобралась на Альпы. Считалось, что энергия Республики была совершенно исчерпана на то, чтобы собрать силы, которые были даны Моро. Одна из карикатур изображала армию, состоящую из мальчика, одетого в одежду своего отца, с мушкетом на плече, который он с трудом мог поднять, и поедающего кусок имбирного печенья, и старика с одной рукой и деревянной ногой. Артиллерия состояла из ржавого мушкетона. Эта насмешка была именно тем, чего желал Наполеон. Хотя он пребывал в тени той таинственной меланхолии, которая всегда окутывала его дух, в глубоких тайниках своей души он, должно быть, наслаждался величественным осуществлением своих планов.

На восточных границах Франции вздымаются с роскошных лугов, поросших виноградом полей и склонов холмов величественные хребты Альп, пронзающие облака и вздымающиеся сверкающими вершинами в область вечного льда и снега. Обширные отроги гор простираются по обе стороны, открывая мрачные ущелья и устрашающие ущелья, через которые безудержно несутся пенящиеся потоки, окруженные почти отвесными скалами, вершины которых, увенчанные унылыми елями, недоступны для ног человека. Главным перевалом через этот огромный хребет был перевал Большого Сенбернара. Путешественник в сопровождении проводника, верхом на муле, медленно и с трудом поднимался по крутой и неровной тропинке, теперь пересекая узкий мост, перекинутый через бездонную пропасть, снова пробираясь по краю пропасти, где орел парил и кричал над верхушками елей в пропасти внизу, и где перпендикулярная стена поднималась на головокружительную высоту в облаках вверху. Тропинка временами была такой узкой, что казалось, горный козел с трудом находит опору для своих тонких копыт. Неверный шаг или поскользнувшийся на обледенелых камнях

путешественник, изуродованный труп, унесся бы на тысячу футов по осколкам гранита в пропасти внизу. По мере того как он все выше и выше взбирался по этим диким, неровным, окутанным облаками тропам, ведомый безошибочным инстинктом верного мула, его шаги часто останавливали рев лавины, и он сужасом смотрел на ее неудержимый натиск, когда камни, деревья, земля, снег и лед проносились мимо него с ужасным и непреодолимым отчаянием далеко вниз, в смутно различимые потоки, которые неслись у него под ногами. По велению Бога лавина сошла. Никакие предосторожности не могли спасти путника, оказавшегося на ее пути. Он был немедленно унесен к гибели и похоронен там, где никакой голос, кроме трубы архангела, никогда не мог достичь его ушей. Ужасающие штормы с ветром и снегом часто проносились над этими унылыми высотами, ослепляя и удушая путешественника. Сотни тел, подобных ледяным столбам, забальзамированным в снегу, теперь погребены в этих сугробах, чтобы спать там до тех пор, пока пламя последнего пожара не поглотит их извивающийся покров. После двухдневного труда среди таких сцен запустения и опасностей отважный путешественник стоит на вершине перевала, на высоте восьми тысяч футов над уровнем моря, на две тысячи футов выше гребня горы Вашингтон, нашего собственного горного монарха. Эта вершина, над которой петляет тропинка, представляет собой небольшую ровную равнину, окруженную снежными горами еще большей высоты.

Представленная здесь сцена невыразимо мрачна и наводит ужас. Природа в этих диких краях принимает свой самый суровый и мрачный вид. Когда спускаешься с крутого и скалистого подъема в эту Долину Запустения, как ее выразительно называют, взору предстает монастырь Святого Бернара. Эта унылая обитель, самое высокое населенное место в Европе, уже более тысячи лет обслуживается чередой безрадостных и самоотверженных монахов, которые в этом холодном убежище из гранита и льда пытаются служить своему Создателю, спасая сбитых с толку путешественников от разрушения, которым им всегда угрожают штормы, сражающиеся с ними. Посреди этой скованной льдом долины раскинулось озеро, чистое, темное и холодное, в глубине которого даже в середине лета отражаются вечные ледники, величественно возвышающиеся вокруг. Спуск на равнины Италии еще более обрывист и опасен, чем подъем с зеленых пастбищ Франции. Никакая растительность не украшает эти мрачные и подверженные штормам скалы из гранита и льда. Даже орлиная шестерня терпит неудачу в его разреженном воздухе, а серна не отваживается взбираться на его крутые и скользкие утесы. На этих унылых вершинах никогда не встретишь людей, за исключением нескольких продрогших путешественников, которые останавливаются на час, чтобы воспользоваться гостеприимством монастыря, и монахов в капюшонах, закутанных в толстые и грубые одежды, которые их посохи и собаки пробираются ощупью сквозь бури с мокрым снегом. Даже дрова, которые бережливо тлеют в очагах, тяжелым бременем поднимаются по склонам гор на плечах монахов.

Таков был барьер, который Наполеон намеревался преодолеть, чтобы ударить в тыл австрийцам, которые рушили стены Генуи, где был осажден Массена, и которые, окрыленные победой, грохотали у самых ворот Ниццы. По этому дикому горному перевалу, где мул мог пройти с трудом и где ни одно колесо никогда не каталось и вообще не могло катиться, Наполеон намеревался перевезти армию численностью в шестьдесят тысяч человек с тяжеловесной артиллерией и тоннами пушечных ядер, обозом и всем громоздким военным снаряжением. Англия и Австрия с презрением отнеслись к этой идее. Осуществление такого предприятия было, по-видимому, невозможно. Однако Наполеон был столь же искусен в организации мельчайших деталей, как и в замысле грандиознейших комбинаций. Хотя он решил провести основную часть своей армии, численностью в сорок тысяч человек, через

перевал Большой Сен-Бернар, но все же отвлечь внимание австрийцев, он организовал также отправку небольших дивизий через перевалы Сен-Готард, Малый Сен-Бернар и гору Сени. Таким образом, он внезапно собрал бы, к крайнему изумлению противника, корпус численностью в шестьдесят пять тысяч человек на равнине Италии. Эта сила, спустившаяся, подобно призраку из облаков, в тыл австрийской армии, возглавляемой Наполеоном, и перерезавшая всякое сообщение с Австрией, действительно могла посеять панику в сердцах нападающих во Франции.

Войска были собраны в различных местах в окрестностях Дижона, готовые по первому сигналу собраться в месте встречи и в спешном порядке войти в ущелье. Огромные запасы пшеницы, бисквитов и овсяных хлопьев были бесшумно собраны в разных местах. Были отправлены большие суммы наличными, чтобы нанять на службу каждого крестьянина с его мулом, населявшего долины среди гор. Вдоль дороги, как по волшебству, внезапно возникли механические мастерские, хорошо укомплектованные искусными мастерами, чтобы отремонтировать все повреждения, демонтировать артиллерию, разделить лафеты и обозные повозки на фрагменты, чтобы их можно было перевезти на спинах людей и мулов по крутой и неровной дороге. Для боеприпасов было приготовлено огромное количество небольших ящиков, которые можно было легко погрузить на мулов. Вторая рота механиков с походными кузницами была выделена для того, чтобы пересечь гору вместе с первым подразделением и развернуть свои мастерские на равнине с другой стороны, чтобы починить сломанную упряжь, восстановить экипажи и заново установить детали. По обе стороны горы были созданы госпитали, обеспеченные всеми удобствами для больных и раненых. Предусмотрительность Наполеона простиралась даже до того, что в самый последний момент он отправил в монастырь на вершине огромное количество хлеба, сыра и вина. Каждый солдат, к своему удивлению, должен был, достигнув вершины, измученный геркулесовым трудом, обнаружить щедрый ломоть хлеба и сыра с освежающим вином, подаренным ему монахами. Все эти мельчайшие детали организовал Наполеон, в то же время выполняя работу дюжины энергичных людей по реорганизации всей структуры общества во Франции. Если за величие приходится платить тяжелым трудом, то Наполеон приобрел известность, которой он достиг. И все же его тело и разум были устроены так, что эта бессонная деятельность доставляла ему удовольствие.

Наконец настал назначенный час. 7 мая 1800 года Наполеон сел в свою карету у Тюильри, сказав: "Прощай, моя дорогая Жозефина! Я должен ехать в Италию. Я не забуду тебя и недолго буду отсутствовать". Одним словом, вся величественная процессия пришла в движение. Подобно метеору он пронесся над Францией. Он прибыл к подножию гор. Войска и все военное снаряжение были на месте в назначенный час. Наполеон немедленно назначил очень тщательную инспекцию. Каждый пехотинец и каждый всадник проходили перед его пристальным взглядом. Если башмак был порван, куртка порвана или мушкет поврежден, дефект немедленно устранялся. Его пылкие слова вдохновили войска тем же пылом, который горел в его собственной груди. Гений первого консула влился в могучее войско. Каждый человек приложил максимум усилий. Отовсюду был виден взгляд их вождя, и его подбадривающий голос побуждал армию к почти сверхчеловеческим усилиям. Были посланы два опытных инженера, чтобы исследовать путь и сделать все возможное для устранения препятствий. Они вернулись с ужасающим описанием кажущихся непреодолимыми трудностей пути. "Возможно ли, - спросил Наполеон, - пересечь перевал?" "Возможно, - последовал нерешительный ответ, - это в пределах возможного". "Тогда вперед", - последовал энергичный ответ. Каждый солдат должен был иметь при себе, помимо оружия, продовольствие на несколько дней и большое

количество патронов. Поскольку по извилистой тропинке можно было пройти только гуськом, тяжелые колеса сняли с повозок, и каждое, подвешенное к шесту, несли двое мужчин. Задача пеших солдат была гораздо меньше, чем у всадников. Последние карабкались наверх пешком, таща за собой своих лошадей. Спуск был очень опасным. Драгун на крутой и узкой тропинке был вынужден идти впереди своей лошади. При малейшем оступлении он рисковал с головой погрузиться в разверзшуюся перед ним пропасть. Таким образом погибло много лошадей и несколько всадников. Для транспортировки тяжелых пушек и гаубиц сосновые бревна были расколоты в центре, части выдолблены, а орудия вставлены в пазы. Длинная вереница мулов, идущих гуськом, была прицеплена к тяжелым боевым машинам, чтобы тащить их вверх по скользкому склону. Вскоре мулы начали сдавать, и тогда мужчины с искренней доброжелательностью впрягли в упряжь свои плечи — сотня человек на одно орудие. Наполеон предложил крестьянам двести долларов за перевозку двенадцатифунтового орудия через перевал. Жажда наживы была недостаточно сильна, чтобы побудить их к таким огромным усилиям. Но очарование Наполеона сердцами его солдат было более мощным импульсом. С ободряющими криками они трудились над тросами, сменяя друг друга группами по сто человек каждые полчаса. Высоко на этих скалистых обрывах, просвечивая посредине, появились сверкающие отряды вооруженных людей, похожие на призраков. Орел кружил и кричал у них под ногами. Горный козел, напуганный непривычным зрелищем, отскочил в сторону и с явным облегчением остановился на утесе, чтобы посмотреть на боевые порядки, которые так внезапно заполнили уединенное место.

Когда они приближались к какому-нибудь особенно трудному месту, трубы трубили сигнал к атаке, который эхом отдавался от вершины к вершине скал и льда. Воодушевленные звуками горна, солдаты напрягли все нервы, словно бросаясь на врага. Наполеон предложил этим отрядам ту же награду, которую он обещал крестьянам. Но все они отказали в золоте. Они впитали дух своего вождя, его энтузиазм и его гордое превосходство над всеми корыстными побуждениями. "Мы трудимся не ради денег, - говорили они, - а ради вашего одобрения и для того, чтобы разделить вашу славу".

Наполеон со своим замечательным тактом внес небольшие изменения в артиллерийскую службу, что привело к огромным моральным результатам. До сих пор орудийными лафетами управляли простые возчики, которые, считаясь не солдатами, а слугами и не разделяя славы победы, не были подвержены влиянию какого-либо чувства чести. При первом приближении опасности они были готовы оборвать свои следы и ускакать с поля боя, оставив свои пушки в руках врага. Наполеон сказал: "Канонир, который приводит свое орудие в действие, оказывает столь же ценную услугу, как и канонир, который им управляет. Он подвергается той же опасности и нуждается в том же моральном стимуле, которым является чувство чести". Поэтому он превратил артиллерийских водителей в солдат и одел их в форму их соответствующих полков. Они составляли двенадцать тысяч всадников, которые были воодушевлены такой же гордостью за то, что вводили свои орудия в бой и выводили их быстро и безопасно, какую испытывали артиллеристы, заряжая, направляя и разряжая их. Теперь великой славой этих людей было бережное отношение к своему оружию. Они нежно любили безжалостных монстров. Они расточали ласки и ласковые слова сверкающей, отполированной, смертоносной меди. Сердце человека - странная загадка. Даже в самом низменном состоянии ему нужно что-то, что можно любить. Эти окровавленные солдаты, озверевшие от порока, среди всех боевых почестей любовно ласкали смертоносные машины войны, отвечая на призыв "называй меня ласкательными именами, дорогая". Неумолимая пушка была возлюбленной сурового канонира.

Он поцеловал ее немытыми усатыми губами. В грубой набожности он был готов скорее умереть, чем отказаться от единственного объекта своего идолопоклоннического почитания. Последовательно он крестил кровью пожирающее жизнь чудовище. Он ласково называл ее Мэри, Эмма, Лиззи. При переходе через Альпы наступила темная ночь, когда несколько артиллеристов пробирались через снежные заносы, возясь со своим оружием. Они не оставили бы ружье одно в холодную бурю, чтобы поискать себе сухой бивуак; но, как братья, охраняющие сестру, они бросились на ночь на холодный и замерзший снег рядом с ним. Это был гений Наполеона, который таким образом проник в эти таинственные глубины человеческой души и призвал себе на помощь эти могучие энергии. "Это не что иное, как воображение", - сказал кто-то однажды Наполеону. "Ничего, кроме воображения!" он возразил. "Воображение правит миром".

Когда они прибыли на вершину, каждый солдат, к своему удивлению и радости, обнаружил изобилие удобств, созданных доброй заботой Наполеона. Можно было ожидать, что там царила ужасная неразбериха. Прокормить армию из сорока тысяч голодающих - нелегкое дело. Однако все было так тщательно организовано, а влияние Наполеона столь безгранично, что ни один солдат не покинул ряды. Каждый получил свой кусок хлеба и сыра, осушил кубок с вином и пошел дальше. Никто не должен был останавливаться - это было делом чести. Какие бы препятствия ни встречались на пути, их следовало преодолевать во что бы то ни стало, чтобы длинная вереница, протянувшаяся почти на двадцать миль, не была сбита с толку. Спуск был более опасным, чем подъем. Но фортуна, казалось, улыбнулась. Небо было ясным, погода восхитительной, и через четыре дня вся армия была вновь собрана на равнинах Италии.

Наполеон послал Бертлье вперед встретить дивизию и проследить за всеми необходимыми ремонтными работами, в то время как сам остался, чтобы продвигать вперед могучее войско. Он был последним, кто пересек горы. Сидя на муле, с молодым крестьянином в качестве проводника, медленно и задумчиво он поднимался по этим безмолвным пустынным местам. Он был одет в серое пальто, которое носил всегда. Искусство изобразило его скачущим по утесу, гордо восседающим на гарцующем скакуне. Но истина представляет его в позе более простой и возвышенной. Даже молодой крестьянин, который был его проводником, совершенно не подозревал о высоком звании простого путешественника, за которым он следил. Большую часть пути Наполеон молчал, погруженный в свои мысли. И все же он находил время для человеческого сочувствия. Он открывал своему молодому и бесхитрому проводнику тайны своего сердца. Молодой крестьянин был искренним и добродетельным. Он полюбил прекрасную девушку среди гор. Она любила его. Самым большим желанием его сердца было заполучить ее в свои руки. Он был беден, у него не было ни дома, ни земли, чтобы прокормить семью. Наполеон, изо всех сил сражавшийся против объединенной Англии и Австрии, и со всеми заботами армии, на марше навстречу ста двадцати тысячам врагов, переполнявших его разум, с задумчивым сочувствием завоевал доверие своего спутника и вызвал это бесхитроное признание в любви и желании. Когда Наполеон отпустил своего проводника с обильной наградой, он достал из кармана карандаш и на обрывке бумаги написал несколько строк, которые просил молодого человека передать по возвращении командующему армией на другой стороне. Когда проводник вернулся и вручил записку, он обнаружил, к своему безграничному удивлению и радости, что провел Наполеона через горы и что Наполеон подарил ему поле и дом. Таким образом, он получил возможность жениться и осуществить все мечты своего скромного честолюбия. Великодушные порывы, должно быть, были инстинктивны в сердце, которое в час, столь чреватый великими событиями, могло отвернуться от тягот

империи и войны, чтобы найти утешение в сочувствии к любви крестьянина. Этот молодой человек совсем недавно умер, проведя свою спокойную жизнь в наслаждении полем и коттеджем, подаренными ему правителем мира.

Теперь армия с большой готовностью продвигалась вперед вдоль берегов Аосты. Они ехали по прекрасной долине, богатой зеленью и цветущей под лучами раннего весеннего солнца. Коттеджи, виноградники и фруктовые сады в полном цвету украшали их дорогу, а по обе стороны от них величественно вздымались поросшие елями склоны гор. Австрийцы, прижатые к границам Франции, не имели ни малейшего представления о буре, которая так внезапно разразилась и которая с неудержимым размахом надвигалась на их тыл. Французские солдаты, воодушевленные совершенным ими геркулесовым подвигом и полные доверия к своему командиру, весело продвигались вперед. Но долина перед ними становилась все более и более узкой. Горы по обе стороны стали более крутыми и скалистыми. Аоста, собравшись в узкий канал, неслась, пенясь, по камням, едва оставляя место для дороги вдоль склона горы. Внезапно продвижение всей армии было остановлено фортом, построенным на неприступной скале, пирамидально возвышавшейся над руслом ручья. Ощетинившиеся пушки, умело установленные на хорошо построенных бастионах, прочесали перевал и сделали дальнейшее продвижение, по-видимому, невозможным. Быстро весть об этом неожиданном препятствии распространилась от авангарда до тыла. Наполеон немедленно поспешил к передним рядам. Поднявшись на гору напротив форта по козьей тропинке, он бросился на землю, когда несколько кустов скрыли его от выстрелов противника, и в свою подзорную трубу долго и тщательно осматривал форт и окружающие его скалы. Он заметил одно возвышенное место, намного выше форта, где, возможно, могла быть установлена пушка. С этого места ее выстрел мог быть направлен на незащищенные бастионы внизу. На поверхности противоположного утеса, далеко за пределами досягаемости пушечных ядер, он различил узкую полку в скале, по которой, как ему показалось, мог пройти человек. Марш был немедленно начат, гуськом, вдоль этого головокружительного гребня. И даже лошади, застрахованные от ужасов Большого Сенбернара, были ведомы своими всадниками по узкой тропинке, по которой лошадиные копыта никогда раньше не ступали и, вероятно, никогда больше не ступят. Австрийцы, находившиеся в форте, были огорчены, увидев, как тридцать пять тысяч солдат с многочисленными лошадьми дефилируют вдоль этой воздушной линии, словно придерживаясь скалы. Но ни пуля, ни пуля не могли причинить им вреда.

Наполеон взошел на этот горный хребет и на его вершине, совершенно измученный днями и ночами бессонницы и тяжелого труда, улегся в тени скалы и заснул. Длинная шеренга осторожно и молча прошла мимо, каждый солдат успокаивал своего товарища, чтобы не потревожить покой их любимого вождя. Это было интересное зрелище - наблюдать нежную привязанность, сиявшую на лицах этих загорелых и измученных войной ветеранов, когда каждая нога ступала мягко, а каждый взгляд, проходя мимо, был прикован к стройной фигуре и бледной иссохшей щеке спящего Наполеона.

Артиллерия никоим образом не могла быть перевезена таким образом; а армия без артиллерии - это солдат без оружия. Австрийский командующий написал Меласу, что он видел армию в тридцать пять тысяч человек и четыре тысячи всадников, ползущую мимо форта по склону горы Альбаредо. Однако он заверил главнокомандующего, что ни одно артиллерийское орудие не прошло и не могло пройти под орудиями его крепости. Когда он писал это письмо, половина пушек и боеприпасов армии уже были доставлены в форт и благополучно и быстро

продвигались по своему пути вниз по долине. В ночной темноте верные люди, соблюдая большую осторожность и тишину, посыпали дорогу сеном и соломой. Колеса неуклюжих повозок были тщательно обвязаны тряпками и пучками соломы, а оси, хорошо смазанные маслом, приводились в движение руками этих отборных людей под самыми стенами крепости, на расстоянии половины пистолетного выстрела от ее орудий. Таким образом, за две ночи артиллерия и обозы были пропущены, а через несколько дней сам форт был вынужден сдаться.

Австрийский командующий Мелас теперь проснулся в ужасе от осознания грозящей ему опасности. Наполеон — наводящий Ужас Наполеон — каким-то чудом пересек Альпы. Он перекрыл все свои поставки и отрезал австрийцам любую возможность отступления. Сбитый с толку масштабом грозящей ему опасности, он больше не думал форсировать свой марш на Париж. Вторжение во Францию было прекращено. Вся его энергия была направлена на то, чтобы открыть для себя обратный путь в Австрию. Его терзали самые жестокие затруднения. С самой вершины победы ему грозила опасность скатиться в глубочайшую пропасть поражения. Для Наполеона это был также час напряженного беспокойства. У него было всего шестьдесят тысяч человек, две трети из которых были новыми солдатами, которые никогда не видели настоящего выстрела, с которыми ему предстояло остановить марш отчаявшейся армии из ста двадцати тысяч ветеранов, в изобилии оснащенной всей самой эффективной военной техникой. Существовало множество путей, по которым Мелас мог сбежать, на расстоянии нескольких лиг друг от друга. Наполеону было необходимо разделить свой маленький отряд, чтобы он мог охранять их всех. Он мог в любой момент подвергнуться нападению превосходящих сил дивизии своей армии и быть разорванным на куски прежде, чем она сможет получить какое-либо подкрепление. Он не ел, не спал, не отдыхал. День и ночь, ночь и день напролет он был верхом на лошади, бледный, задумчивый, явно слабого здоровья, и привлекал каждого зрителя своей серьезной и меланхоличной красотой. Его разведчики рыскали во всех направлениях. Он изучил все возможные передвижения и комбинации своих врагов. Он быстро захватил Ломбардию и с триумфом вступил в Милан. Мелас с тревогой сосредоточил свои силы, чтобы прорваться через сеть, в которую он был опутан. Он делал все, что было в его силах, чтобы различными уловками обмануть Наполеона, чтобы цель его предполагаемой атаки не была известна. Наполеон следующим громким тоном воззвал к энтузиазму своих войск:

"Солдаты! когда мы начали наш марш, один департамент Франции был в руках врага. Ужас охватил юг Республики. Вы продвигались вперед. Территория Франции уже освобождена. Радость и надежда в нашей стране сменились оцепенением и страхом. Враг, охваченный ужасом, стремится лишь вернуть свои границы. Вы забрали его больницы, его журналы, его заповедные парки. Первый акт кампании завершен. Миллионы мужчин обращаются к вам с похвалами. Но позволим ли мы нашим дерзким врагам безнаказанно вторгаться на территорию Республики? Вы позволите уйти армии, которая посеяла ужас в ваших семьях? Вы этого не сделаете. Тогда марш ему навстречу. Сорви с его чела лавры, которые он завоевал. Научи мир, что проклятие постигает тех, кто вторгается на территорию Великого Народа. Результатом наших усилий станет безоблачная слава и прочный мир!"

В тот самый день, когда Наполеон покинул Париж, Дезэ прибыл во Францию из Египта. Откровенный, искренний, прямолинейный и безупречно благородный, он был одним из немногих, кого Наполеон по-настоящему любил. Дезэ считал Наполеона бесконечно выше себя и взирает на него с каким-то обожанием; он любил его с пылом чувств, доходившим почти до страсти. Наполеон, тронутый любовью столь благородного сердца, ответил на нее самой

доверительной дружбой. Дезэ по прибытии в Париж нашел там письма для него от Первого консула. Когда он читал эти доверительные строки, его поразила меланхолия, которой они были проникнуты. "Увы! - сказал он. - Наполеон добился всего, и все же он несчастлив. Я должен поспешить встретиться с ним". Без промедления он пересек Альпы и прибыл в штаб-квартиру Наполеона всего за несколько дней до битвы при Маренго. Они провели вместе всю ночь, обсуждая события в Египте и перспективы Франции. Прибытие своего благородного друга придало Наполеону сил, и он немедленно поручил ему командование дивизией своей армии. "Дезэ, - сказал он, - мой якорь на шканцах".

"У вас была долгая беседа с Дезэ", - сказал Буррьен Наполеону на следующее утро. "Да!" - ответил он. "Но у меня были на то причины. Как только я вернусь в Париж, я назначу его военным министром. Он всегда будет моим помощником. Я бы сделал его принцем, если бы мог. Он воплощение героизма древности!"

Наполеон полностью осознавал, что вскоре произойдет решающее сражение. Мелас быстро со всех сторон концентрировал свою армию. Следующий лаконичный и характерный приказ был отдан Первым консулом Ланну и Мюрату: "Соберите свои силы у реки Страделла. Самое позднее, 8-го или 9-го числа у вас на руках будет пятнадцать или восемнадцать тысяч австрийцев. Встретьтесь с ними и разрежьте на куски. В день решающей битвы, которую мы ожидаем со всей армией Меласа, на наших руках будет намного меньше врагов". Предсказание сбылось. Австрийские войска продвинулись вперед, восемнадцать тысяч человек. Ланн встретил их на поле Монтебелло. Они были укреплены, с батареями, расположенными по склонам холмов, которые охватывали всю равнину. Крайне важно было не допустить соединения этого отряда с другими крупными силами австрийцев. У Ланна было всего восемь тысяч человек. Если бы он мог выдержать неравный бой в течение нескольких часов, Виктор, находившийся в нескольких милях в тылу, мог бы подойти с резервом в четыре тысячи человек. Французские солдаты, полностью сознавая, с какими трудностями им предстоит бороться, и в гущу резни, в которую они ввязываются, с криками энтузиазма бросились на своих врагов. Мгновенно шквал картечи со всех батарей пронесся по его рядам. Ланнес сказал: "Я слышал, как в моей дивизии ломаются кости, как стекло во время грозы с градом". Девять долгих часов, с одиннадцати утра до восьми вечера, продолжалась ужасная резня. Снова и снова искалеченные, истекающие кровью, истощенные колонны поднимались в атаку. Наконец, когда три тысячи французов были разбросаны мертвыми по земле, австрийцы сломались и обратились в бегство, оставив за собой также три тысячи изуродованных трупов и шесть тысяч пленных. Наполеон, поспешивший на помощь своему лейтенанту, прибыл на поле боя как раз вовремя, чтобы увидеть выигранную битву. Он подъехал к Ланну. Бесстрашный солдат стоял посреди курганов мертвецов — с его меча в измученной руке капала кровь, лицо почернело от пороха и дыма, а мундир был испачкан и изодран в клочья в результате долгой и ужасной битвы. Наполеон молча, но гордо улыбнулся героическому генералу и не забыл о его награде. В результате этой битвы Ланн получил титул герцога Монтебелло, титул, которым его семья отличается по сей день.

Это было началом кампании. Это вселило энтузиазм во французов. Это довело австрийцев до отчаяния. Теперь Мелас решил предпринять отчаянное усилие, чтобы прорваться сквозь трудности. Наполеон с напряженным вниманием следил за каждым движением своего врага, не

зная, на какой рубеж обрушится наступление. Перед рассветом, утром 14 июня, Мелас, собрав сорок тысяч человек, включая семь тысяч кавалеристов и двести пушечных единиц, предпринял стремительную атаку на французов, но двадцать тысяч человек были сосредоточены на равнине Маренго. Десо с резервом в шесть тысяч человек находился на таком расстоянии, почти в тридцати милях от Маренго, что его никак не могли отозвать до конца дня. Существовала ужасная опасность, что французы будут полностью разбиты на куски, прежде чем успеет прибыть какая-либо помощь. Но чуткий слух Десо уловил звуки тяжелой канонады, которая гремела над равниной, подобно отдаленному грому. Он вскочил со своего ложа и прислушался. Тяжелый и непрерывный рев возвестил о решающей битве, и он встревожился за своего любимого вождя. Он немедленно поднял свои войска, и они бросились на помощь своим товарищам. Наполеон отправлял курьера за курьером, чтобы поторопить дивизию, в то время как его войска стойко держались в течение ужасных часов, в то время как их ряды разрывались от смертоносных выстрелов врагов. Наконец разрушения были слишком ужасны, чтобы их могли вынести смертные. Многие подразделения армии сломались и бежали, крича: "Все потеряно — спасайся, кто может". Последовала сцена ужасного беспорядка. Вся равнина была покрыта беглецами, сметенными, как наводнение, многочисленными австрийцами. Наполеон все еще удерживал вместе несколько каре, которые медленно и угрюмо отступали, в то время как двести артиллерийских орудий, тесно прижимая их, вливали в их ряды непрерывную смерть. Каждый фут земли был завален мертвецами. Было уже три часа дня. Мелас, измученный тяжелым трудом и уверенный, что одержал полную победу, покинул генерала. Зак закончил работу. Он удалился в свою штаб-квартиру и немедленно разослал курьеров по всей Европе, чтобы сообщить о великой победе при Маренго. Как сказал австрийский ветеран, который до этого сталкивался с Наполеоном при Арколе и Риволи: "Мелас слишком оптимистичен. Поверьте, наша сегодняшняя работа еще не закончена. Наполеон все еще будет наступать на нас со своим резервом".

Как раз в этот момент встревоженный взгляд Первого консула заметил плотные колонны Десо, вступавшие на равнину. Дезэ, вонзив шпоры в своего коня, обогнал всех остальных и галопом подскочил к Наполеону. Окинув взглядом дикую неразбериху и опустошение на поле боя, он поспешно воскликнул: "Я вижу, что битва проиграна. Полагаю, я не могу сделать для вас ничего большего, кроме как обеспечить ваше отступление. "Ни в коем случае", - ответил Наполеон с таким спокойствием, как будто он сидел у собственного камина. "Я надеюсь, битва выиграна. Атакуйте своей колонной. Разрозненные войска сплотятся у вас в тылу". Подобно скале, Дезэ со своей десяти тысячной фалангой встретил надвигающийся вал австрийской победы. В то же время Наполеон отдал приказ Келлерману со своей кавалерией атаковать победоносную колонну австрийцев во фланг. Это было делом одного мгновения, и весь вид поля боя изменился. Наполеон проехал вдоль рядов отступавших, восклицая: "Друзья мои, мы отступили достаточно далеко. Теперь наша очередь наступать. Вспомни, что у меня есть привычка спать на поле боя". Беглецы, оживленные прибытием резерва, немедленно сплотились у себя в тылу. Двойная атака спереди и с фланга была предпринята мгновенно. Австрийцы были остановлены и пошатнулись. Настоящий смерч пуль из дивизии Десо пронесся по их рядам. Они дали ответный залп в грудь французов. Пуля пробила грудь Десо, он упал и почти сразу же испустил дух. Его последними словами были: "Передайте Первому консулу, что я сожалею о смерти только потому, что погиб, не успев сделать достаточно для того, чтобы жить в памяти потомков". Солдаты, которые преданно любили его, увидели его падение и с еще большей яростью бросились мстить за его смерть. Нарастающая волна возмущения, замешательства и смятения

теперь развернулась и бурными волнами покатилась в противоположном направлении. Не прошло и минуты, как австрийцы, окрыленные победой, оказались ошеломлены поражением. Посреди этой ужасающей сцены к Наполеону подъехал помощник и сказал: "Дезэ мертв". Но за мгновение до этого они разговаривали бок о бок. Наполеон судорожно прижал ладонь ко лбу и скорбно воскликнул: "Почему мне не позволено плакать? Победа такой ценой дорога".

Теперь французы огласили поле боя победными криками. Неописуемое смятение наполнило ряды австрийцев, когда они яростно бросились на своих безжалостных преследователей. Их бегство было полным и безнадежным. Когда солнце село над этим кровавым полем, после двенадцати часов самой ужасной резни, взору предстала сцена, достаточно ужасная, чтобы ужаснуть сердце демона. Более двадцати тысяч человеческих тел были разбросаны по земле, умирающих и убитых, покрытых запекшейся кровью и во всех мыслимых формах обезображивания. Лошади с разорванными конечностями бились в конвульсиях. Обломки ружей и мечей, а также всевозможных военных повозок были разбросаны вокруг в виде диких руин. Частые пронзительные крики, которые агония исторгала из истерзанных жертв войны, заглушали общие стоны боли, которые, подобно завываниям бури, тяжело отдавались в ушах. Ночные тени теперь опускались на эту ужасную сцену страданий. Количество раненых было так велико, что, несмотря на предельные усилия хирургов, час за часом тянулась долгая ночь, в то время как тысячи раненых и умирающих корчились в агонии.

Если в войне есть свое рыцарство и пышность, в ней есть также отвратительное уродство и демоническое горе. Молодые, благородные, сангвиники корчились там в агонии. Пули не уважают красоту. Они вырывают глаз, раздробляют челюсть, рассекают щеку и превращают божественное человеческое лицо в вид, на который можно смотреть только с ужасом. С поля Маренго многие молодые люди возвращались домой такими разношерстными, что друзья их больше не узнавали, и проводили утомительную жизнь в отталкивающем уродстве. Милосердие покидает арену битвы. Обезумевший боевой конь железным копытом топчет изуродованное лицо, пульсирующие и воспаленные раны, раздробленные кости и не обращает внимания на крики пыток. Раздавленный в кровавое болото тяжелыми колесами тяжелой артиллерии, жертва варварской войны думает о матери, и отце, и сестре, и доме, и кричит, и стонет, и умирает; его тело раздевают бродяги, которые следуют за лагерем; его обнаженный искалеченный труп засыпают несколькими лопатами земли и оставляют на корм стервятникам и собакам, и о нем забывают навсегда — и это называется славой. Тот, кто любит войну ради ее волнений, ее зрелищ и ее воображаемой славы, является самым выдающимся из всех обманутых безумием и грехом. Тот, кто ненавидит войну с невыразимым отвращением, кто сделает все, что в его силах, чтобы предотвратить страшное бедствие, но кто, тем не менее, в последней крайности с решимостью встретит все ее опасности, из любви к стране и дому, кто готов пожертвовать собой и всем, что ему дорого в жизни, чтобы способствовать благополучию своих близких, всегда получит уважение мира, и мы также полностью верим, что он получит одобрение Бога. Вашингтон питал отвращение к войне во всех ее формах, и все же он смело шел навстречу всем ее опасностям.

Наполеон не может нести ответственности за кровавую бойню на поле Маренго. Вся вина за эту ужасную трагедию должна лежать на Англии и Австрии. Наполеон сделал все, что мог, чтобы остановить кровопролитие. Он пожертвовал инстинктами гордости, умоляя надменного врага о мире. Его мольбы были тщетны. Триста тысяч человек шли маршем на Францию, чтобы навязать

ей ненавистного короля. В обязанности Франции не входило подчиняться такой диктатуре. Обнажив меч в целях самозащиты, Наполеон сражался и победил. "Te Deum Laudamus."

Это невозможно, но Наполеон, должно быть, был в восторге от столь блистательной победы. Он знал, что Маренго будет классифицирован как самое блестящее из его достижений. Удар был нанесен с такой ужасающей серьезностью, что надменные союзники были полностью унижены. Теперь Мелас был в его власти. Наполеон мог диктовать мир на своих условиях. И все же он ехал по полю своей победы с опечаленным духом и скорбно взирал на руины и убожество вокруг себя. Когда он медленно и задумчиво проходил мимо груд мертвецов, которыми была усеяна земля, он встретил несколько повозок, тяжело нагруженных ранеными, изуродованными ядрами, пулями и осколками снарядов, превратившимися в самые отвратительные зрелища уродства. Когда тяжелые колеса загрохотали по неровной земле, скрежеща раздробленными костями, оставляя синяки и вновь открывая воспаленные раны, из жертв вырвались крики пыток. Наполеон остановил свою лошадь и обнажил голову, наблюдая за печальной процессией несчастий. Повернувшись к товарищу, он сказал: "Мы не можем не сожалеть о том, что не были ранены, как эти несчастные люди, чтобы мы могли разделить их страдания". Более трогательного выражения сочувствия никогда не было зафиксировано. Тот, кто говорит, что это было лицемерием, незнаком с великодушными порывами благородного сердца. Этот инстинктивный всплеск эмоций никогда не мог быть спровоцирован политикой.

Наполеон бесстрашно подвергал себя всем опасностям во время этого конфликта. Его одежда неоднократно была пробита пулями. Пули попали между ног его лошади, засыпав ее землей. Пушечное ядро оторвало кусок ботинка от его левой ноги и часть кожи, оставив шрам, который так и не затянулся.

Прежде чем Наполеон выступил в поход на Италию, он приложил все возможные усилия для достижения мира. Теперь, с великодушием выше всяких похвал, не дожидаясь первого наступления со стороны своих побежденных врагов, он снова написал, умоляя о мире. На поле Маренго, рассеяв перед собой всех своих врагов, как мякину, когда дым сражения все еще застилал воздух, а стоны умирающих доносились до его ушей, отбросив все государственные формальности, с искренним чувством и серьезностью он написал императору Австрии. Это необычное послание начиналось так:

- Сир! Именно на поле битвы, среди страданий множества раненых и в окружении пятнадцати тысяч трупов, я умоляю ваше величество прислушаться к голосу человечества и не допустить, чтобы две храбрые нации перерезали друг другу глотки не в своих интересах. В мои обязанности входит втолковать это вашему величеству, находясь на самом театре военных действий. Сердце вашего величества не может чувствовать это так остро, как мое ".

Письмо было длинным и весьма красноречивым. "За что вы сражаетесь?" спросил Наполеон. "За религию? Затем объявите войну русским и англичанам, которые являются врагами вашей веры. Вы хотите защититься от революционных принципов? Именно эта война распространила их на половину Континента, расширив завоевания Франции. Продолжение войны не может не привести к их дальнейшему распространению. Это для равновесия в Европе? Англичане угрожают этому равновесию гораздо больше, чем Франция, ибо они стали хозяевами и тиранами торговли и находятся вне досягаемости сопротивления. Это для того, чтобы обеспечить интересы австрийского дома! Давайте тогда заключим Кампо-Формийский мирный договор, который гарантирует вашему величеству крупные контрибуции в качестве

компенсации за провинции, потерянные в Нидерландах, и закрепляет их за вами там, где вы больше всего желаете их получить, то есть в Италии. Ваше величество может посылать переговорщиков, куда вам заблагорассудится, и мы добавим к Кампо-Формийскому мирному договору положения, рассчитанные на то, чтобы гарантировать вам дальнейшее существование второстепенных государств, в потрясении которых обвиняют Французскую Республику. На этих условиях, если хотите, будет достигнут темп. Давайте объявим перемирие общим для всех армий и немедленно приступим к переговорам".

В Вену был немедленно отправлен курьер, чтобы передать это письмо императору. Вечером Бурьен поспешил поздравить Наполеона с его выдающейся победой. "Какой чудесный день!" - сказал Бурьен. "Да!" — печально ответил Наполеон. "Очень славно ... если бы я не мог сегодня вечером обнять Дезэ на поле битвы".

В тот же день и почти в тот же час, когда роковая пуля пронзила грудь Дезэ, египетский убийца вонзил кинжал в грудь Клебера. Души этих прославленных людей, этих окровавленных воинов, таким образом, неожиданно встретились в стране духов. Там они блуждают и сейчас. Как непроницаема завеса, скрывающая их судьбу от нашего взора. Душа жаждет более ясного видения того далекого мира, людей рядом с бесчисленным сонмом могущественных мертвецов. Там сейчас обитает Наполеон. Сохраняет ли он свое интеллектуальное превосходство? Собираются ли его генералы вокруг него с любовью и почтением! Погрузился ли его задумчивый дух во мрак и отчаяние, или он воспарил в безоблачные области чистоты и покоя! Тайна смерти" Только смерть может разрешить ее. Христианство, с его возвышенными откровениями, проливает на мир лишь тусклые сумерки, исходящие от духов умерших. На острове Святой Елены Наполеон сказал: "Из всех генералов, которыми я когда-либо командовал, Десо и Клебер обладали величайшими талантами. В частности, Десо, поскольку Клебер любил славу только как средство приобретения богатства и удовольствий. Десо любил славу саму по себе и презирал все другие соображения. Для него богатство и удовольствия не имели никакой ценности, и он никогда ни на минуту не задумывался о них. Это был маленький чернокожий человек, примерно на дюйм ниже меня ростом, всегда плохо одетый, иногда даже в лохмотьях, и одинаково презиравший комфорт. Завернувшись в плащ, Дезэ бросался под ружье и спал так спокойно, словно отдыхал во дворце. Роскошь не имела для него никакого очарования. Откровенный во всех своих действиях, он был назван арабами султаном Справедливым. Природа предназначила ему роль непревзойденного полководца. Клебер и Десо были невосполнимой потерей для Франции".

Невозможно описать смятение, охватившее лагерь австрийцев после этого ужасного поражения. Они были полностью отрезаны от путей отступления и находились во власти Наполеона. Ночью австрийские офицеры провели военный совет, на котором было единогласно решено, что капитуляция неизбежна. Рано утром следующего дня в штаб-квартиру Наполеона был отправлен флаг перемирия. Австрийцы предложили покинуть Италию, если великодушие победителя дарует им возможность не попасть в плен. Наполеон встретил посланника с большой вежливостью и, по своему обыкновению, быстро и бесповоротно изложил условия, на которых он был готов вести переговоры. Условия были щедрыми. "Австрийские армии, - сказал он, - могут беспрепятственно вернуться в свои дома, но вся Италия должна быть оставлена". Мелас, которому было восемьдесят лет, надеялся изменить условия и снова послал переговорщика предложить некоторые изменения. "Месье!" - сказал Наполеон, - "Мои условия не подлежат отмене. Я не вчера начал войну. Я понимаю вашу

позицию так же хорошо, как и вы сами. Вы обременены мертвыми, больными и ранеными, лишены провизии, лишены элиты вашей армии, окружены со всех сторон, я мог бы потребовать всего. Но я уважаю седые волосы вашего генерала и доблесть ваших солдат. Я не прошу ничего, кроме того, что строго оправдано нынешним положением дел. Предпринимайте любые шаги, какие только сможете, других условий у вас не будет". Условия были немедленно подписаны, и было согласовано приостановление поставок вооружений до получения ответа из Вены.

Наполеон покинул Париж для участия в этой кампании 7 мая. Битва при Маренго произошла 14 июня. Таким образом, за пять недель Наполеон преодолел Альпийский барьер: с шестьюдесятью тысячами солдат, в большинстве своем недисциплинированных рекрутов, он наголову разбил армию в сто двадцать тысяч человек и вернул себе всю Италию. Грудь каждого француза трепетала от благодарности и гордости. Из объединенной Франции вырвался дикий крик энтузиазма. Наполеон заложил фундамент своего трона глубоко в сердце французской нации, и там этот фундамент до сих пор остается непоколебимым.

Теперь Наполеон с триумфом вступил в Милан. Он оставался там десять дней, очевидно, каждый час, днем и ночью, занимаясь реорганизацией политического положения Италии. Серьезные и религиозные тенденции его ума раскрываются в следующей записке, которую через четыре дня после битвы при Маренго он написал консулам в Париже: "Сегодня, что бы ни говорили на это наши атеисты, я в большом восторге иду на "Te Deum", который будет пропет в Миланском соборе. * * Te Deum - хвалебный гимн, исполняемый в церквях по случаю дня благодарения. Это называется так с первых слов "Te Deum laudamus", "Тебя, Бога, мы восхваляем"

Недостойный дух умаления тщетно пытался отнять у Наполеона честь этой победы и приписать все это атаке с фланга, предпринятой Келлерманом. Подобные попытки не заслуживают подробного ответа. Наполеон тайно и внезапно создал армию и своим, по-видимому, чудесным созданием поразил Европу. Он эффективно обманул бдительность своих врагов, оставив их в полном неведении относительно своей точки атаки. Он перевел эту армию со всеми ее припасами через непроходимые утесы Большого Сен-Бернара. Подобно лавине, он спустился с гор на равнины потрясенной Италии. Он окружил австрийские войска, хотя они были вдвое превосходили его численностью, сетью, через которую они не могли прорваться. В решающем сражении он разметал их ряды перед собой, как мякину под порывом ветра. Ему благородно помогали те генералы, которых выбрал и создал его гений. Действительно, без своих генералов и своих солдат он не смог бы одержать победу. Массена способствовал результату своей непревзойденной обороной Генуи; Моро, сдерживая рейнскую армию; Ланн, своей железной стойкостью на равнине Монтебелло; Дезэ, быстротой, с которой он бросился на помощь, как только его машина услышала далекий грохот пушек Маренго; и Келлерман, своей замечательной кавалерийской атакой с фланга. Но именно гений Наполеона спланировал могущественную комбинацию, которая пробудила и направила энтузиазм генералов, которая вселила в солдат бесстрашие и придала им сил для борьбы и которая с помощью этих эффективных средств добилась поразительных результатов.

Наполеон разместил свою победоносную армию, теперь увеличенную до восьмидесяти тысяч человек, в богатой долине реки По. Он поручил героическому Массене командование этим торжествующим войском и, приказав взорвать все форты и цитадели, преграждавшие подходы со стороны Франции, 24 июня отправился обратно в Париж. При повторном переходе через

Альпы, у перевала Сенис, он встретил карету мадам Келлерман, которая направлялась в Италию, чтобы присоединиться к своему мужу. Наполеон приказал остановить свой экипаж и, выйдя, с большой учтивостью приветствовал даму и поздравил ее с доблестным поведением ее мужа при Маренго. Однажды, проезжая верхом, Буррьен заговорил о всемирной известности, которой достиг Первый консул.

"Да", - задумчиво ответил Наполеон. "Еще несколько событий, подобных этой кампании, и мое имя, возможно, останется в памяти потомков".

- Я думаю, - возразил Буррьен, - что вы уже сделали достаточно, чтобы снискать себе долгую славу.

"Сделано достаточно!" Ответил Наполеон. "Вы очень хороши! Это правда, что менее чем за два года я завоевал Каир, Париж, Милан. Но если бы я завтра умер, моим подвигам было бы посвящено всего полстраницы всеобщей истории".

Возвращение Наполеона в Париж через провинции Франции было сценой постоянного триумфа. Радость народа доходила почти до безумия. Костры, иллюминации, звон колоколов и грохот артиллерии сопровождали его всю дорогу. Длинные вереницы юных дев, отобранных за их грацию и красоту, образовывали аллеи очарования и улыбок, по которым ему предстояло пройти, и устилали его путь цветами. Он прибыл в Париж в полночь 2 июля, отсутствовав всего восемь недель.

Энтузиазм парижан был безграничен и неистощим. День за днем, ночь за ночью продолжались празднества. Дворец Тюильри всегда был переполнен толпой, жаждущей хоть мельком увидеть спасителя Франции. Все государственные учреждения поздравляли его. Звонили колокола, гремели пушки, пылали костры и иллюминации, ракеты и фейерверки в ослепительном великолепии наполняли воздух, музыкальные оркестры изливали свои буйные мелодии, и объединенный Париж, заполнивший сад Тюильри и хлынувший обратно на Елисейские поля, разрывал небеса оглушительными криками ликования. Когда Наполеон стоял у окна своего дворца, наблюдая это зрелище национальной благодарности, он сказал: "Звуки этих приветствий так же сладки для меня, как голос Жозефины. Как я счастлив, что меня любит такой народ". Немедленно были начаты приготовления к блестящему и внушительному торжеству в ознаменование победы. "Пусть в мою честь не воздвигнут триумфальной арки", - сказал Наполеон. "Я не желаю никакой триумфальной арки, кроме общественного удовлетворения".

Неудивительно, что энтузиазм и благодарность вспыхнули в пылких сердцах французов. За четыре месяца Наполеон поднял Францию из бездн разорения на высочайшую вершину процветания и славы. Анархию он заменил законом, банкротство - хорошо пополненной казной, позорное поражение - блистательной победой, всеобщее недовольство - всеобщим удовлетворением. Захватчики были изгнаны из Франции, враждебный союз разорван, и теперь измученной войной нации были обещаны благословения мира.

Во время этой кампании была представлена очень интересная иллюстрация удивительной способности Наполеона предвидеть ход грядущих событий. Однажды, незадолго до начала кампании, Буррьен вошел в кабинет министров в Тюильри и обнаружил огромную карту Италии, развернутую на ковре, а Наполеон растянулся на ней. С помощью булавок, головки которых были покрыты красным и черным сургучом, обозначавших французские и австрийские войска, Наполеон изучал все возможные комбинации и эволюции двух враждебных армий. Буррьен

молча, но с глубоким интересом наблюдал за ходом этой кампании. Наполеон, расставив булавки с красными головками там, где он намеревался провести французские войска, и черные булавки, обозначающие пункт, который, как он предполагал, займут австрийцы, поднял глаза на своего секретаря и сказал:

- Ты думаешь, я побью Меласа?

"Да откуда мне знать!" Ответил Бурьен.

"Ах ты, простофиля, - игриво сказал Наполеон, - ты только посмотри сюда. Мелас находится в Александрии, где у него штаб-квартира. Он останется там до капитуляции Генуи. В Александрии у него есть свои склады, свои госпитали, своя артиллерия, свои резервы. Перейдя здесь Альпы, - он ткнул булавкой в Большого Сенбернара, - я нападу на Меласа с тыла; я перережу его сообщение с Австрией. Я встречаю его здесь, в долине Бормиды. С этими словами он воткнул красную булавку в равнину Маренго.

Бурьен рассматривал это маневрирование кеглями как простое развлечение. Его лицо выражало совершенное недоверие. Наполеон, заметив это, обратился к нему с несколькими своими обычными обращениями, которыми он привык шутливо пользоваться в моменты расслабления, такими как "Ты, дурочка, ты, гусыня", и свернул карту. Прошло десять недель, и Бурьен оказался на берегах Бормиды, где писал под диктовку Наполеона отчет о битве при Маренго. Пораженный тем, что ожидания Наполеона столь точно оправдались, он откровенно признался в своем восхищении проявленной таким образом военной проницательностью. Сам Наполеон улыбнулся справедливости своей предусмотрительности.

За два дня до того, как известия о битве при Маренго достигли Вены, Англия заключила новый договор с Австрией для более энергичного ведения войны. Этой конвенцией было предусмотрено, что Англия должна ссудить Австрии десять миллионов долларов без каких-либо процентов в течение всего конфликта. И австрийский кабинет обязался не заключать мира с Францией без согласия Сент-Джеймского двора. Император Австрии был теперь прискорбно смущен. Его чувство чести не позволило бы ему нарушить свое обещание королю Англии и заключить мир. С другой стороны, он трепетал при мысли о том, что снова увидит армии непобедимого Наполеона, марширующие на его столицу. Поэтому он решил тянуть время и, чтобы выиграть, отправил посла в Париж. Полномочный представитель вручил Наполеону письмо, в котором император заявлял: "Вы будете отдавать должное всему, что граф Жюльен скажет с моей стороны. Я ратифицирую все, что он предпримет". Наполеон, быстрый в действиях и осведомленный о новом договоре между Фердинандом и Георгом III, немедленно распорядился составить предварительные условия мира, которые были подписаны французским и австрийским министрами. Кабинет министров в Вене, разгневанный на своего посла за то, что он не затянул обсуждение, отказался ратифицировать мирный договор, отозвал графа Жюльена, отправил его в изгнание, проинформировал Первого консула о договоре, который обязывал Австрию не заключать мира без согласия Великобритании, заверил Францию в готовности английского кабинета вступить в переговоры и настаивал на немедленном открытии Конгресса в Люневиле, на который должны быть направлены полномочные представители от каждой из трех великих соперничающих держав. Наполеон был крайне возмущен этим двуличием и вероломством. И все же, сдерживая свой гнев, он согласился на переговоры с Англией и с этой целью предложил военно-морское перемирие с владычицей морей. Англия категорически отказалась согласиться с этим предложением,

поскольку оно позволило бы Франции перебрасывать припасы в Египет и на Мальту, которые Англия осаждала. Военно-морское перемирие, несомненно, отвечало бы интересам Франции. Но континентальное перемирие было столь же бесспорно неблагоприятным для ее интересов, позволив Австрии оправиться от поражений и укрепить свои армии. Наполеон, полностью убежденный, что Англия, находясь в недоступном положении, не желает мира и что ее единственной целью в попытке добиться допуска на Конгресс было создание препятствий на пути примирения с Австрией, предложил отказаться от всякого перемирия с Англией и вести с ней отдельные переговоры. На это Англия тоже ответила отказом.

Наступил сентябрь. В этих раздорах и бесплодных переговорах прошло два месяца. Наполеон предпринял все, что было в его силах, чтобы обеспечить мир. Он искренне желал этого. Он уже снискал все лавры, которые только мог пожелать завоевать на поле боя. Перестройка общества во Франции и укрепление его власти потребовали от него всей энергии. Укрепление его власти! Это было именно то, чего боялось правительство Англии. Консолидация демократической власти во Франции была опасна для короля и знати. Уильям Питс, душа аристократического правительства Англии, по-прежнему был полон решимости продолжать войну. Франция не могла причинить вреда Англии. Но Англия со своим непобедимым флотом могла смести торговлю Франции с морей. Фокс и его помощники с большим красноречием и энергией выступали против войны. Однако их усилия оказались тщетными. Народ Англии, несмотря на все усилия правительства очернить личность Первого консула, все еще лелеял убеждение, что, в конце концов, Наполеон был их другом. В последующие годы Наполеон, рассматривая эти сцены своих ранних конфликтов, со свойственным ему красноречием и великодушием высказал следующие чувства, которые, несомненно, как судьба, подтвердит вердикт мира.

"Питт был хозяином европейской политики. Он держал в своих руках моральную судьбу наций. Но он плохо использовал свою власть. Он разжег огонь раздора по всей вселенной; и его имя, как и имя Эрострата, будет вписано в историю среди пламени, стенаний и слез. Двадцать пять лет всеобщего пожара; многочисленные коалиции, которые подлили масла в огонь; революция и опустошение Европы; кровопролитие народов; ужасающий долг Англии, благодаря которому поддерживались все эти ужасы; пагубная система займов, из-за которой угнетаются народы Европы; всеобщее недовольство, которое преобладает сейчас, — все это должно быть приписано Питту. Потомство заклеит его как бич. Человек, которого так превозносили в его время, впоследствии будет считаться гением зла. Не то чтобы я считал его умышленно жестоким или сомневался в том, что он был убежден в правильности своих действий. Но у Святого Варфоломея были и добросовестные защитники. Папа и кардиналы отпраздновали это *Te Deum*; и у нас нет причин сомневаться в том, что они сделали это совершенно искренне. Такова слабость человеческого разума и суждений! Но то, за что потомки, прежде всего, будут ненавидеть память Питта, — это ненавистная школа, которую он оставил после себя; ее наглый макиавеллизм, ее глубокая безнравственность, ее холодный эгоизм и ее полное пренебрежение к справедливости и человеческому счастью. Будь то восхищение и благодарность, или результат простого инстинкта и симпатии, Питт был и останется кумиром европейской аристократии. В его характере действительно было что-то от *Sylla*. Его система сдерживала народное дело и привела к триумфу патрициев. Что касается Фокса, то не следует искать его образец среди древних. Он сам является образцом, и его принципы рано или поздно будут править миром. Смерть Фокса стала одним из роковых событий в моей карьере. Если бы его жизнь продлили, дела приняли бы совершенно другой оборот. Дело народа восторжествовало бы, и мы установили бы новый порядок вещей в Европе".

Австрия действительно желала мира. Поход армий Наполеона на Вену был злом, которого следовало опасаться больше, чем даже укрепления власти Наполеона во Франции. Но Австрия была так связана с Англией займами и договорами, что она не могла заключить мир без согласия Сент-Джеймского двора. Наполеон обнаружил, что с ним просто обошлись. На пути переговоров возникли нескончаемые трудности. Австрия воспользовалась прекращением военных действий только для того, чтобы пополнить свои разбитые армии, чтобы, как только минует приближающаяся зима, она могла с новыми силами обрушиться на Францию. Наступил ноябрь месяц, и горы, побелевшие от снега, были занесены суровыми зимними ветрами. Срок перемирия истек. Австрия обратилась с просьбой о его продлении. Таким образом, Наполеона больше нельзя было обмануть. Однако он согласился на дальнейшую приостановку военных действий при условии, что мирный договор будет подписан в течение сорока восьми часов. Австрия, полагая, что ни один здравомыслящий человек не отправит армию в Германию в разгар зимы и что у нее должно быть достаточно времени для подготовки к весенней кампании, отказалась. Армии Франции немедленно пришли в движение. Император Австрии улучшал каждое мгновение этого кратковременного периода мира, пополняя свои силы. Он лично посетил армию, чтобы вдохновить свои войска энтузиазмом. Командование имперскими войсками было доверено его второму брату, эрцгерцогу Иоанну. Наполеон действовал со своей обычной энергией. Политические потребности Парижа и всей Франции сделали для него невозможным покинуть столицу. Он приказал одной мощной армии под командованием генерала Брюна атаковать австрийцев в Италии, на берегах Минчо, и решительно продвигаться к Вене. При выполнении этой операции генерал Макдональд в разгар зимы совершил свой героический переход через Альпы через перевал Сплуген. Победа сопутствовала их стандартам.

Моро со своей великолепной армией начал зимнюю кампанию на Рейне. Между реками Изер и Инн раскинулся огромный лес протяженностью во много лиг, состоящий из мрачных елей и сосен. Это унылая и почти необитаемая местность с дикими оврагами и заросшим кустарником. Через лес прорублены две большие дороги, и в разных местах его пересекают тропы различных лесорубов. В центре есть маленькая деревушка, состоящая из нескольких жалких хижин, под названием Хоэнлинден. В этом лесу в ночь на 3 декабря 1800 года Моро с шестьюдесятью тысячами человек столкнулся с эрцгерцогом Иоанном с семидесятитысячным австрийским войском. Часы на башнях Мюнхена только что пробили полночь, когда обе армии пришли в движение, каждая надеясь застать другую врасплох. Зловещая зимняя буря завывала над верхушками деревьев, и быстро падавший удушливый снег замел все следы тропинки и сделал почти невозможным перетаскивание через сугробы тяжелой артиллерии. Обе стороны темной и бурной ночью запутались в лесу, и головы их колонн в разных местах встретились. Затем последовала ужасная сцена замешательства, конфликта и резни. Воображение не может передать ужасающего величия этого зрелища. Темная полночь, завывания зимней бури, несущиеся снежные завесы, непрекращающийся грохот артиллерии и ружейной пальбы ста тридцати тысяч бойцов, вспышки молний из орудий, треск падающих деревьев, когда тяжелые пушечные ядра проносились по лесу, барахтанье бесчисленных всадников, сбитых с толку в непроходимом снегу, крики о наступлении, предсмертный визг и взрыв боевой музыки тысячи оркестров - все это вместе представляло сцену ужаса и демонической энергии, которую, вероятно, никогда не видел даже этот затерянный мир. представленный ранее. Тьма в черном лесу была такой густой, а снег падал хлопьями так густо, быстро и ослепляюще, что сражающиеся с трудом могли видеть друг друга. Они часто судили о противнике только по его

положению и стреляли по вспышкам, мерцавшим во мраке. Временами враждебные подразделения смешивались в неразберихе, и врукопашную, штык скрещивался со штыком, меч сталкивался с мечом, они сражались со свирепостью демонов; ибо, хотя армейские офицеры могут находиться под влиянием самых возвышенных чувств достоинства и чести, масса простых солдат всегда была самой жалкой, никчемной и деградировавшей частью человечества. Пока наступающее и отступающее войско колебалось взад и вперед, тысячи раненых были оставлены на склонах холмов и в темных ущельях, их единственным одеялом был занесенный снег, окрашенный кровью; там в одиночестве и агонии они стонали, замерзали и умирали. Какие сцены смерти, должно быть, наблюдало око Божье в ту ночь в уединении этого темного, охваченного бурей и окровавленного леса! Наконец сквозь непроницаемые тучи забрезжило утро, и битва разгорелась с новой яростью. Почти двадцать тысяч изуродованных тел убитых и раненых были оставлены на поле боя, окровавленные волосы примерзли к своим ледяным подушкам и были покрыты снежными насыпями. Наконец, французы одержали победу на каждом этапе. Австрийцы, потеряв двадцать пять тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, сто артиллерийских орудий и огромное количество повозок, в смятении бежали. Этот потрясающий конфликт был увековечен в благородном эпосе о Кэмпбелле, который теперь известен везде, где известен английский язык.

"На Линдене, когда солнце стояло низко, Бескровно лежал нетронутый снег, И темным, как зима, был поток Или Река, быстро катящаяся. "Но Линден увидела другое зрелище, Когда глубокой ночью забили барабаны, Призывая костры смерти осветить темноту ее пейзажа". И с.

Отступающие австрийцы бросились вниз по долине Дуная. Моро с грохотом следовал за ними по пятам, осыпая их ряды ядрами. Победоносные французы были в тридцати милях от Вены, и столица пребывала в состоянии неописуемого смятения. Император снова прислал письмо с просьбой о перемирии. Ходатайство было незамедлительно удовлетворено, поскольку Наполеон боролся только за мир. И все же с непревзойденным великодушием, несмотря на эти поразительные победы, Наполеон не внес существенных изменений в свои условия. Австрия была у его ног. Его армии-завоеватели были почти в поле зрения венских шпилей. Император не мог представить никакой силы, которая помешала бы их безудержному продвижению. Он мог потребовать любых унижительных условий. Но все же он придерживался первых условий, которые сам предложил. Некоторые из его офицеров убеждали Моро продвигаться к Вене. "Нам лучше остановиться, - ответил он, - и довольствоваться миром. Только за это мы сражаемся". Таким образом, австрийский император был вынужден вести переговоры без согласия Англии. Таким образом, непреодолимое препятствие на пути к миру было устранено. В Люневиле Жозеф Бонапарт появился в качестве посла Наполеона, а граф Кобенцель - в качестве полномочного представителя Австрии. Условия договора были вскоре согласованы, и Франция снова была в мире со всем миром, за исключением только Англии. По этому договору Рейн был признан границей Франции. Адидже ограничил владения Австрии в Италии; и Наполеон сделал обязательным условием немедленное освобождение каждого итальянца, заключенного в австрийские застенки за политические преступления. Ни та, ни другая сторона не должна была вмешиваться в деятельность новых республик, возникших в Италии. Им должно было быть разрешено выбирать любую форму правления, которую они предпочитали. Ссылаясь на этот договор, сэр Вальтер Скотт откровенно признает, что "Люневильский мирный договор был для Франции ненамного более выгоден, чем Кампо-Формио. Сдержанность первого консула сразу же показала его стремление к миру на Континенте и глубокое уважение к храбрости и силе Австрии". И Элисон в осторожных, но многозначительных выражениях замечает: "Эти условия

существенно не отличались от тех, которые предлагал Наполеон перед возобновлением войны; замечательное обстоятельство, если вспомнить, насколько обширными и дополнительными были победы при Маренго, Гогенлиндене и Минчо, которые с тех пор привели к преобладанию французских армий".

Действительно, "замечательным обстоятельством" было то, что Наполеон проявил такую беспримерную умеренность при обстоятельствах столь вопиющего унижения. В первой итальянской кампании Наполеона он боролся исключительно за мир. Наконец, он добился его по Кампо-Формийскому мирному договору на условиях, одинаково почетных как для Австрии, так и для Франции. Вернувшись из Египта, он обнаружил, что трехсоттысячная австрийская армия в союзе с Англией вторглась на территорию Республики. Он умолял о мире во имя истекающего кровью человечества на справедливой основе Кампо-Формийского мирного договора. Его враги расценили его мольбу как мольбу о слабости и отнеслись к ней с презрением. С новой силой они обрушили на Францию шквал пуль и снарядов. Наполеон запечатал Альпы и рассеял своих врагов при Маренго, как осенние листья перед Альпами, и рассеял своих врагов при Маренго, как осенние листья перед бурей. Среди дыма, крови и стонов наполе своей победы он снова написал, умоляя о мире; и он написал в выражениях, продиктованных честным и бурным сочувствием гуманного человека, а не в холодной и величественной форме дипломата. Как ни были раздавлены его враги, он не отказался от своих требований, но благородно сказал: "Я по-прежнему готов заключить мир на справедливой основе Кампо-Формийского мирного договора". Его вероломные враги, чтобы выиграть время для набора своих армий, чтобы они могли обрушиться на него с обновленной энергией, согласились на перемирие. Затем они использовали все возможные препятствия на пути переговоров и продлили перемирие до тех пор, пока зимние ветры не свирепствовали над заснеженными холмами Австрии. Они думали, что тогда Наполеону было слишком поздно предпринимать какие-либо действия до весны, и что у них впереди была долгая зима, в течение которой они должны были подготовиться к новой кампании. Они отказались от мира. Сквозь штормы, ледяные порывы ветра и снежный занос армии Наполеона с трудом продвигались к Гогенлиндену. Войска Австрии снова были разбиты и унесены прочь, как летит занесенный снег перед ураганом. Десять тысяч французов лежат замерзшими при смерти - ужасная цена победы. Император Австрии в своих дворцах слышал грохот приближающейся артиллерии Наполеона. Он молил о мире. "Это все, чего я желаю, - сказал Наполеон. - Я сражаюсь не из честолюбия и не ради завоеваний. Я по-прежнему готов заключить мир на справедливой основе Кампо-Формийского мирного договора".

В то время как весь Континент был теперь в мире с Францией, одна Англия с неукротимой решимостью продолжала войну без союзников и без какой-либо видимой или общепризнанной цели. Франция, сравнительно бессильная на море, не могла нанести никаких ударов, которые почувствовали бы жители далеких островов. "По всем пунктам, - говорит сэр Вальтер Скотт, - английские эскадры уничтожали торговлю Франции, сокращали ее доходы и блокировали ее форты". Люневильский мирный договор был подписан 9 февраля 1801 года. Наполеон, сетуя на продолжающуюся враждебность Англии, объявляя об этом мире народу Франции, заметил: "Почему этот договор не является договором о всеобщем мире? Таково было желание Франции. Это было постоянной целью усилий ее правительства. Но его желания бесплодны. Вся Европа знает, что британский министр пытался сорвать переговоры в Люневиле. Напрасно ему

заявляли, что Франция готова вступить в сепаратные переговоры. Это заявление вызвало лишь отказ под предлогом того, что Англия не может бросить своего союзника. С тех пор, когда этот союзник согласился вести переговоры без участия Англии, это правительство искало другие средства, чтобы отсрочить мир, столь необходимый миру. Оно выдвигает претензии, противоречащие достоинству и правам всех наций. Вся торговля Азии и огромных колоний не удовлетворяет ее амбиций. Все моря должны подчиниться исключительному суверенитету Англии". Когда Уильям Питт получил известие об этом поражении своих союзников, он в отчаянии воскликнул: "Сложите карту Европы. Его не нужно будет снова открывать в течение двадцати лет".

Пока шли эти великие дела, Наполеон в Париже с почти чудодейственной силой посвящал свою энергию освоению всех ресурсов великой империи, находившихся под его контролем. Он обладал способностью к абстракции в такой степени, какой, вероятно, никто никогда не достигал. Он мог на сколь угодно продолжительное время сосредоточить все свое внимание на одном предмете, а затем, полностью отложив его в сторону, не тратя никакой энергии на бесплодные тревоги, мог обратиться к другому со всей свежестью и энергией незанятого ума. Непрестанный умственный труд был роскошью его жизни. "Профессия, - говорил он, - моя стихия. Я рожден и создан для нее. Я нашел пределы, за которыми я не мог использовать свои ноги. Я увидел, до какой степени я мог использовать свои глаза. Но я никогда не знал границ своим способностям к применению".

Универсальность гения Наполеона стала теперь наиболее очевидной. Доходы нации пополнились, и все налоги были распределены к удовлетворению народа. Банк Франции был реорганизован, и в его деятельность была влита новая энергия. Несколько миллионов долларов было потрачено на строительство и усовершенствование пяти великолепных дорог, расходящихся от Парижа к границам империи. Разбойники, бродяги из распущенных армий, наводнили дороги, делая путешествия крайне опасными. "Наберитесь терпения", - сказал Наполеон. "Дайте мне месяц или два. Сначала я должен установить мир за границей. Затем я совершу быстрое и полное правосудие над этими разбойниками с большой дороги". Несколько лет назад был проложен очень важный канал, соединяющий Бельгию с Францией. Инженеры не могли прийти к единому мнению относительно наилучшего направления прорыва через высокогорье, отделявшее долину Уазы от долины Соммы. Он лично посетил это место: быстро решил вопрос, и решил мудро, и строительство канала было завершено. Он немедленно распорядился перебросить через Сену в Париже три новых моста. Он начал великолепную дорогу Симплон, пересекающую суровые Альпы широким и ровным шоссе, которое на века останется прочным памятником гению и энергии Наполеона. В благодарность за милости, оказанные ему монахами Большого Святого Бернара, он основал два подобных заведения для помощи путешественникам: одно на горе Сенис, другое на Симплоне, и оба вспомогательных при монастыре на Большом Святом Бернаре. Одновременно с этими грандиозными начинаниями он приступил к составлению гражданского кодекса Франции. К этому предприятию были привлечены самые способные юристы Европы, и вся работа обсуждалась раздел за разделом в Государственном совете, председателем которого был Наполеон. Юристы были поражены, обнаружив, что Первый консул был так же прекрасно знаком со всеми тонкостями юриспруденции и политологии, как и с военной стратегией.

Бурьен упоминает, что однажды было получено письмо от эмигранта, генерала Дюрозеля, который нашел убежище на острове Джерси. Ниже приводится выдержка из письма:

- Вы, должно быть, забыли, генерал, что, когда ваш покойный отец был вынужден забрать ваших братьев из Отенского колледжа, у него не было денег, и он попросил у меня сто двадцать пять долларов, которые я с удовольствием одолжил ему. После его возвращения у него не было возможности расплатиться со мной, и когда я уезжал из Аяччо, ваша мать предложила продать какую-нибудь тарелку, чтобы выплатить долг. На это я возразил и сказал ей, что подожду, пока она не сможет расплатиться со мной в удобное для нее время. До Революции, я полагаю, что это было не в ее власти исполнить свое желание погасить долг. Сожалею, что вынужден беспокоить вас из-за такого пустяка. Но таково мое прискорбное положение, что даже этот пустяк имеет для меня некоторое значение. В возрасте восьмидесяти шести лет, генерал, после шестидесяти лет службы моей стране, я вынужден найти убежище здесь и существовать на скудное пособие, выдаваемое английским правительством французским эмигрантам. Я говорю "эмигранты", потому что я вынужден быть одним из них против своей воли".

Услышав, как читают это письмо, Наполеон немедленно и тепло сказал: "Бурьен, это святое. Не теряйте ни минуты. Отправьте старику сумму в десять раз большую. Напишите генералу Дюрозелю, что он должен быть немедленно вычеркнут из списка эмигрантов. Какой вред натворили эти разбойники из Конвента. Я никогда не смогу все это починить". Наполеон произнес эти слова такой степенью эмоций, которую он редко проявлял раньше. Вечером он с большим интересом осведомился у Буррьена, выполнил ли тот его приказ.

В это время было предпринято много попыток убить Первого консула. Хотя Франция с беспримерным единодушием окружила его восхищением, благодарностью и почитанием, в двух крайних слоях общества, среди якобинцев и неумолимых роялистов, были жестокие люди, которые относились к нему по-своему. Спасение Наполеона от взрыва адской машины, устроенной роялистами, было почти чудом.

Вечером 24 декабря Наполеон собирался в оперу, чтобы послушать ораторию Гайдна "Сотворение мира", которая должна была быть исполнена впервые. Сильно занятый делами, он не хотел ехать; но, чтобы угодить Жозефине, уступил ее настоятельной просьбе. Его экипажу было необходимо проехать по узкой улочке. Проход загромождала тележка, по-видимому, случайно перевернутая. Под тележкой была подвешена бочка, в которой находилась самая смертоносная машина, какую только можно было сконструировать из пороха и всех смертоносных снарядов. Кучеру удалось протолкаться мимо телеги. Едва он проехал мимо, как прогремел взрыв, прогремевший по всему Парижу и, казалось, потрясший город до основания. Восемь человек были мгновенно убиты и более шестидесяти ранены, из которых около двадцати впоследствии скончались. Дома на большом расстоянии, по обе стороны улицы, были страшно разрушены, и многие из них были почти разнесены вдребезги. Карета раскачивалась, как на морских волнах, а окна разлетелись вдребезги. Наполеон побывал в слишком многих сценах ужаса, чтобы его встревожил какой-либо шум или разрушения, которые мог произвести порох. "Ха!" - сказал он с совершенным хладнокровием. "Мы взорваны". Один из его товарищей по вагону, сильно перепуганный, просунул голову в разбитое окно и громко крикнул кучеру, чтобы тот остановился. "Нет, нет!" - сказал Наполеон. "Езжайте дальше". Когда Первый консул вошел в Оперный театр, он казался совершенно спокойным и невозмутимым. Величайший ужас, однако, царил во всех частях дома, поскольку был слышен взрыв, и люди испытывали самые страшные опасения за безопасность обожаемого Наполеона. Как только он появился, гром аплодисментов, от которых сотряслись сами стены театра, стал трогательным свидетельством привязанности народа к его персоне. Через несколько минут в ложу вошла

Жозефина, приехавшая в своем личном экипаже. Наполеон повернулся к ней с совершенным спокойствием и сказал: "Эти негодяи пытались взорвать меня. Где книга с этой ораторией?"

Вскоре Наполеон покинул Оперу и вернулся в Тюильри. Там собралась огромная толпа, привлеченная любовью к его персоне и беспокойством за его безопасность. Жестокость этого покушения вызвала всеобщий ужас и только увеличила и без того почти безграничную популярность Первого консула. К нему немедленно посыпались депутации и обращения из Парижа и всех департаментов Франции, поздравлявшие его с побегом. Сначала думали, что этот заговор был делом рук якобинцев. В Париже насчитывалось более сотни лидеров этой отвратительной партии, получивших кровавую известность во время правления террора. Они были активными членами Клуба Жаколин, жестокого и вульгарного сборища, постоянно замышлявшего свержение правительства и убийство первого консула. Народ их глубоко ненавидел, и община была рада воспользоваться любым благовидным предлогом для их изгнания из Франции. Без достаточных доказательств того, что они действительно были виновны в этом конкретном злодеянии, в сильном возбуждении и негодовании законодательными органами был принят декрет, отправляющий сто шестьдесят из этих запятнанных кровью преступников в изгнание. Было искренне выражено пожелание, чтобы Наполеон незамедлительно наказал их своей собственной диктаторской властью. На самом деле Наполеон приобрел такую безграничную популярность, и нация была настолько поражена его справедливостью и мудростью, что все, что он говорил, делалось. Он, однако, настаивал на том, что дело должно вестись официальными судами и в соответствии с обычными формами права. "Ответственность за эту меру, - сказал Наполеон, - должна лежать на законодательном органе. Консулы безответственны. Но министры - нет. Любой из них, кто подпишет произвольный указ, впоследствии может быть привлечен к ответственности. Ни один человек не должен быть скомпрометирован. Сами консулы не знают, что может произойти. Что касается меня, то, пока я жив, я не боюсь, что кто-то будет убит, и тогда я не смогу отвечать за безопасность двух моих коллег. Теперь твоя очередь править, - сказал он, улыбаясь и поворачиваясь к Камбасересу. - А ты еще не очень твердо держишься в стременах. Будет лучше иметь закон как для настоящего, так и для будущего". В конце концов, после долгих размышлений, было решено, что Государственный совет должен составить декларацию о причинах этого акта. Первый консул должен был подписать указ, а Сенат должен был объявить, конституционен он или нет. Таким образом, Наполеон осторожно действовал в столь волнующих обстоятельствах. Закон, однако, был несправедлив и деспотичен. Хотя эти люди были виновны в других преступлениях, из-за которых они лишились всякого сочувствия, впоследствии выяснилось, что они не были виновны в этом преступлении. Наполеон, очевидно, был охвачен этой неуверенностью в их виновности и не желал, чтобы их обвинили в создании адской машины. "Мы считаем, - сказал он, - что они виновны. Но мы этого не знаем. Они должны быть отправлены в тюрьму за совершенные ими преступления, массовые убийства и заговоры, уже доказанные против них". Указ был принят. Но Наполеон, пользующийся огромной популярностью, настолько убедился в бессилии и ничтожестве этих якобинцев, что указ против них так и не был приведен в исполнение. Они остались во Франции. Но они сознавали, что за ними следит полиция. "Я стремлюсь отомстить не за себя, - сказал Наполеон, - а за себя самого. Моя судьба, которая так часто оберегала меня на поле боя, будет и впредь оберегать меня. Я думаю не о себе. Я думаю об общественном порядке, восстановить который - моя миссия, и о национальной чести, которую мой долг очистить от отвратительного пятна". На бесчисленные поздравления и чувства привязанности, которые вызвало это событие, Наполеон ответил. "Я

был тронут доказательствами привязанности, которые жители Парижа проявили ко мне по этому случаю. Я заслуживаю их. Ибо единственная цель моих мыслей и моих действий - приумножать процветание и славу Франции. В то время как эти бандиты ограничивались прямыми нападениями на меня, я мог бы оставить на усмотрение законов задачу их наказания. Но поскольку они подвергли опасности население столицы в результате преступления, не имеющего аналогов в истории, наказание должно быть столь же быстрым и ужасным".

Вскоре, к большому удивлению Наполеона, было доказано, что этот зверский акт был совершен сторонниками бурбонов. Многие из самых видных лоялистов были замешаны в этом ужасном заговоре. Наполеон чувствовал, что заслуживает их благодарности. Он вмешался, чтобы спасти их от ярости якобинцев. Несмотря на протесты своих друзей, он издал указ, который вернул сто пятьдесят тысяч этих странствующих эмигрантов во Францию. Он сделал все, что было в его силах, чтобы дать им возможность вернуть свои конфискованные поместья. Он был во всех отношениях их другом и благодетелем, и он не поверил бы, пока не было бы неоспоримых доказательств, что они могут так отплатить ему. Коварный Фуше, однако, вытащил все дело на свет божий. Видные заговорщики были арестованы и расстреляны. Следующее письмо, написанное по этому поводу Жозефиной министру полиции, поразительно иллюстрирует доброжелательность ее сердца и выставляет в очень достойном свете характер Наполеона.

"Хотя я все еще трепещу от ужасного события, которое только что произошло, я огорчен из-за страха наказания, которое будет применено к виновным, которые, как говорят, принадлежат к семьям, с которыми я когда-то общался. Меня будут домогаться матери, сестры и безутешные жены, и мое сердце будет разбито из-за моей неспособности получить всю ту милость, о которой я умолял бы. Я знаю, что элементарность Первых, кто, как говорят, принадлежит к семьям, с которыми я когда-то жил в привычках общения. Меня будут домогаться матери, сестры и безутешные жены, и мое сердце будет разбито из-за моей неспособности получить всю ту милость, о которой я умолял бы. Я знаю, что авторитет Первого консула велик — его привязанность ко мне чрезвычайна. Разоблачен не только глава правительства; и именно это сделает его суровым, непреклонным. Поэтому я заклинаю вас сделать все, что в ваших силах, чтобы расследование не зашло слишком далеко. Не выявляйте всех тех лиц, которые были соучастниками этой одиозной сделки. Пусть Франция, так долго пребывавшая в ужасе от публичных казней, не стонет снова под тяжестью таких мучений. Когда зачинщики этой гнусной попытки будут схвачены, пусть суровость уступит место жалости к низшим агентам, соблазненным, как бы они ни были соблазнены опасной ложью или преувеличенными мнениями. Как женщина, жена и мать, я должна чувствовать, что эти страдания будут касаться и меня. Действуйте, гражданин министр, таким образом, чтобы их количество могло быть уменьшено".

Кажется почти чудом, что Наполеону удалось избежать бесчисленных заговоров, которые в то время строились против него. Сторонники бурбонов считали, что если удастся свергнуть Наполеона, бурбоны смогут вернуть себе трон. Только его несгибаемый гений позволил Франции одержать победу над объединенной Европой. Его смерть оставила бы Францию без лидера. Армии союзников могли бы тогда кровавыми маршами дойти до Парижа и посадить на трон ненавистных Бурбонов. Франция знала это и обожала своего спасителя. Монархическая Европа знала это, и поэтому все усилия ее объединенных королей были сосредоточены на Наполеоне. Более тридцати из этих подделок были обнаружены полицией. Лондон был теплицей, где они зародились. На Наполеона были нацелены духовые ружья. Убийцы

преследовали его со своими кинжалами. Был изобретен снаряд-бомба весом около пятнадцати фунтов, который нужно было бросать в окно его кареты и который, взрываясь от собственного сотрясения, сеял бы смерть во все стороны. Заговорщики были совершенно безразличны к чужим жизням, если только они могли разрушить жизнь Наполеона. Агенты адской машины имели варварство заставить молодую девушку пятнадцати лет подержать лошадь, которая тянула машину. Это должно было отвести подозрения. Бедное дитя было разорвано на такие куски, что от ее тела не осталось ни одной части. впоследствии не удалось найти ничего, кроме ступней. Наконец Наполеон пришел в себя и заявил, что он "научит этих бурбонов, что он не тот человек, в которого можно стрелять, как в собаку".

Однажды на острове Святой Елены, надевая фланелевый жилет, он заметил, что Лас Касас пристально смотрит на него.

- Ну! о чем думает ваше превосходительство? - с улыбкой спросил Наполеон.

"Сир, - ответил Лас Касас, - в брошюре, которую я недавно прочитал, я обнаружил, что ваше величество было защищено кольчугой для безопасности вашей личности. Я думал, что смогу представить убедительные доказательства того, что, по крайней мере, на острове Святой Елены все меры предосторожности для личной безопасности были отменены".

"Это, - сказал Наполеон, - одна из тысячи нелепостей, которые только что были упомянуты, и тем более нелепая, что каждый человек вокруг меня хорошо знает, насколько я беспечен в отношении самосохранения. Привыкнув с восемнадцати лет подвергаться опасности и зная бесполезность предосторожностей, я предоставил себя своей судьбе. Когда я встал во главе дела, я, возможно, все еще воображал, что окружен опасностями поля битвы; и я, возможно, рассматривал заговоры, которые были составлены против меня, как множество разорвавшихся снарядов. Но я следовал своим старым курсом. Я доверился своей счастливой звезде и предоставил все меры предосторожности полиции. Я был, возможно, единственным монархом в Европе, который обошелся без телохранителя. Каждый мог свободно подойти ко мне, не проходя, так сказать, через военные казармы. Мария Лусия была очень удивлена, увидев, что меня так плохо охраняют, и она часто замечала, что ее отец был окружен штыками. Что касается меня, то в Тюильри у меня не было лучшей защиты, чем здесь. Я даже не знаю, где найти свою шпагу, - сказал он, оглядывая комнату. - Вы видите ее? Я, безусловно, подвергся большой опасности. Против меня было раскрыто свыше тридцати заговоров. Они были подтверждены подлинными свидетельскими показаниями, без упоминания многих, которые так и не были раскрыты. Некоторые монархи выдумывают заговоры против самих себя; я, со своей стороны, взял за правило тщательно скрывать их, когда только мог. Наиболее серьезный кризис для меня пришелся на период от битвы при Маренго до покушения на Жоржа Кадудаль и дела герцога Энгиенского"

Теперь Наполеон со своей обычной энергией напал на грабителей и быстро расправился с ними. Повстанческие армии Вандеи, насчитывавшие более ста тысяч человек и наполненные авантюристами и головорезами всех мастей, были распущены, когда их вожди присягнули Наполеону. Многие из этих людей, привыкшие к бандитской войне, вышли на большие дороги. Дороги были настолько наводнены ими, что передвижение стало чрезвычайно опасным, и было необходимо, чтобы каждую почтовую карету, выезжавшую из Парижа, сопровождала охрана из вооруженных солдат. Чтобы исправить состояние общества, потрясенное таким образом до глубины души, были организованы специальные трибуналы, состоящие из восьми судей. Они

должны были привлекать к ответственности все такие преступления, как заговоры, грабежи и акты насилия любого рода. Вооруженные банды Наполеона пронеслись по Франции подобно вихрю. Грабители были схвачены, преданы суду и без промедления расстреляны. Порядок был немедленно восстановлен. Люди не думали об опасной власти, которую они передавали в руки Первого консула. Они просили только о командире, который был бы способен и желал подавить смуту времени. Такого командира они нашли в Наполеоне. Они были более чем готовы наделить его всей властью, какую он только мог пожелать. "Вы знаете, что для нас лучше", - говорили люди Наполеона. "Укажи нам, что делать, и мы сделаем это". Таким образом, абсолютная власть добровольно перешла в его руки. При сложившихся обстоятельствах это было настолько естественно, что не могло вызвать никаких подозрений. Его называли первым консулом. Но он уже держал в руках скипетр, более могущественный, чем у цезарей. Но прошло уже шестнадцать месяцев с тех пор, как Наполеон высадился во Фрежюсе. За это время он взошел на трон Франции. Он стал причиной возникновения порядка и процветания из хаоса революции. Своим великодушием он разоружил Россию, своими армиями смирил Австрию и вынудил континентальную Европу заключить почетный мир. Он заслужил благодарность своих соотечественников, и получил ее в полной мере. Во всех этих инцидентах, столь насыщенных событиями и полных трудностей, нелегко указать на какой-либо один поступок Наполеона, который указывает на злонамеренный или малодушный дух.

"Я ничего не боюсь, - сказал Наполеон на острове Святой Елены, - ради своей славы. Потомки воздадут мне должное. В нем будет сравниваться добро, которое я совершил, с ошибками, которые я совершил. Если бы я преуспел, я умер бы с репутацией величайшего человека, который когда-либо существовал. Из ничтожества я превратился, собственными усилиями, в самого могущественного монарха вселенной, не совершив никакого преступления. Мои амбиции были велики, но они основывались на мнении масс. Я всегда думал, что суверенитет принадлежит народу. Империя, какой я ее создал, была всего лишь великой республикой. Призванный на трон голосом народа, я всегда придерживался принципа карьеры, открытой для талантов без различия происхождения. Именно за эту систему равенства европейская олигархия меня ненавидит. И все же в Англии талант и большие заслуги возводят человека в высший ранг. Англия должна была понять меня".

Французская революция, - сказал Наполеон, - была всеобщим движением народных масс против привилегированных классов. Дворяне были освобождены от бремени государства и, тем не менее, исключительно занимали все почетные и доходные должности. Революция уничтожила эти исключительные привилегии и установила равенство прав. Все пути к богатству и величию были одинаково открыты для каждого гражданина в соответствии с его талантами. Французская нация установила императорский трон и посадила на него меня. Трон Франции был дарован ранее Гуго Капету несколькими епископами и дворянами. Императорский трон был передан мне по желанию народа".

Жозеф Бонапарт оказал Наполеону очень важную услугу в дипломатических сношениях того времени. Люсьен также был занят различными делами, и вся семья была взята под защиту Первого консула. На острове Святой Елены Наполеон произнес следующую яркую и правдивую хвалебную речь своим братьям и сестрам: "Какая семья в подобных обстоятельствах действовала бы лучше? Не каждый способен стать государственным деятелем. Для этого требуется сочетание способностей, которое не часто выпадает на долю кого-либо. В этом отношении все мои братья были необычно устроены; они обладали одновременно слишком

большим и слишком малым талантом. Они чувствовали себя слишком сильными, чтобы смириться. слепо подчиняясь наставнику, и в то же время слишком слабыми, чтобы быть предоставленными полностью самим себе. Но в целом у меня, безусловно, есть веские основания гордиться своей семьей. Джозеф был бы честью для общества в любой стране, а Люсьен был бы честью для любого собрания; Джером, по мере того как он продвигался по жизни, развил бы в себе все качества, необходимые монарху. Луи отличился бы в любом звании и в любых жизненных условиях. Моя сестра Элиза была наделена мужской силой ума; она, должно быть, проявила себя философом в своей неблагоприятной судьбе. Каролина обладала большими талантами и способностями. Полин, возможно, самая красивая женщина своего времени, была и останется до конца своей жизни самым любезным созданием в мире. Что касается моей матери, то она заслуживает всевозможного почитания. Как редко такая многочисленная семья заслуживает столько похвал. Добавьте к этому, что, отбросив разногласия в политических взглядах, мы искренне любили друг друга. Со своей стороны, я никогда не переставал питать братскую привязанность ко всем им. И я убежден, что в глубине души они испытывали ко мне те же чувства, и что в случае необходимости они предоставили бы мне все доказательства этого".

Гордая старая знать, которую Наполеон вернул Франции и многим из которых он даровал конфискованные поместья, не проявляла никакой благодарности к своему благодетелю. Они мечтали о повторном восшествии на престол Бурбонов и о возвращении старых добрых времен, когда все должности, связанные с вознаграждением и почестями, были зарезервированы за ними и их детьми, а народ был для них всего лишь рубками по дереву и ящиками с водой. По утрам, как нищие, они толпились в приемной Первого консула со своими прошениями. Вечером они не удостоили своим присутствием его приемную. Они презрительно отзывались о Жозефине, о ее доброте и желании примирить все стороны. Они осуждали все, что делал Наполеон. Он, однако, не обращал внимания на их ропот. Он не снизошел бы даже до того, чтобы наказать их пренебрежением. В той самой возвышенной гордыне, которая побудила его сказать, что в своем управлении он хотел бы подражать Божественному началу, он старался действовать в интересах всех, как злых, так и неблагодарных. Его слава должна была состоять не в том, чтобы отомстить своим врагам, а в том, чтобы возвеличить Францию.

В то время заведение Наполеона в Тюильри скорее напоминало жилище очень богатого дворянина, чем двор монарха. Жюно, один из его помощников, был женат на мадемуазель Пермон, молодой леди, чье имя запомнят в связи с анекдотом о "Коте в сапогах". Ее мать была одной из самых надменных представительниц древней знати, которая делала вид, что смотрит на Наполеона с презрением, как на человека не королевской крови. Вечером после свадьбы мадам Жюно должна была быть представлена Жозефине. После Оперы она поехала в Тюильри. Было около одиннадцати часов. Поскольку Жозефина назначила час, ее ждали. Эжен, услышав стук колес экипажа, спустился во двор, подал руку мадам Жюно, и они вместе вошли в большой салон. Это были великолепные апартаменты, великолепно обставленные. Две люстры, затянутые прозрачной тканью, чтобы смягчить яркий свет, проливали приглушенный и благодарный свет на комнату. Жозефина сидела перед гобеленовой рамой и вышивала. Рядом с ней сидела Гортензия, фигурой похожая на сильфиду, с необычайно нежными и грациозными манерами. Наполеон стоял рядом с Жозефиной, заложив руки за спину, и был занят беседой со своей женой и ее прелестной дочерью. При появлении мадам Жюно Жозефина немедленно встала, взяла ее за руки и, нежно поцеловав, сказала: "Я слишком долго была другом Жюно, чтобы не испытывать тех же чувств к его жене, особенно к той, которую он выбрал".

"О, Жозефина! - воскликнул Наполеон, - это продолжается очень быстро. Откуда ты знаешь, что этот маленький огурчик стоит того, чтобы его любить?" Что ж, мадемуазель Лулу (вы видите, что я не забываю имен своих старых друзей), у вас нет для меня словечка? Сказав это, он нежно взял ее за руку и привлек к себе.

Молодая невеста была очень смущена, но все же изо всех сил старалась сохранить гордость своего происхождения. "Генерал!" - ответила она, улыбаясь. "Не мне говорить первой".

- Очень хорошо парировано, - игриво заметил Наполеон, - духом матери!
А как поживает мадам Пермон?

"Очень болен, генерал! В течение двух лет ее здоровье вызывало у нас большое беспокойство".

- Неужели, - сказал Наполеон, - все так плохо? Мне жаль это слышать, очень жаль. Передайте ей мои наилучшие пожелания. У нее дурная голова, гордый дух, но у нее великодушное сердце и благородная душа. Я надеюсь, что мы будем часто видеться с вами, мадам Жюно. Мое намерение состоит в том, чтобы собрать вокруг себя многочисленную семью, состоящую из моих генералов и их молодых жен. Это будут мои жены и Гортензии, поскольку их мужья - мои друзья. Но вы не должны ожидать встретить здесь своих знакомых из древней знати. Они мне не нравятся. Они мои враги и доказывают это клеветой.

Это были всего лишь утренние сумерки того императорского великолепия, которое впоследствии ослепляло самых могущественных властителей Европы. Гортензии, которая впоследствии стала женой Луи Бонапарта и матерью Луи Наполеона, который на момент написания этой книги возглавляет правительство Франции, было тогда семнадцать лет. "Она была, - вспоминала мадам Жюно, - свежа, как роза. Хотя румянец не подчеркивал ее светлого лица, его было достаточно, чтобы придать ей ту свежесть и цветение, которые были ее главной красотой. Пышные светлые волосы играли шелковистыми прядями вокруг ее мягких и пронизательных голубых глаз. Изящную округлость ее фигуры, стройной, как пальма, подчеркивала элегантная посадка головы. Но что составляло главную привлекательность Гортензии, так это изящество и вкрадчивость ее манер, которые соединяли креольскую беспечность с живостью Франции. Она была веселой, нежной и дружелюбной. Она обладала остроумием, в котором, без малейшей вспыльчивости, было ровно столько злобы, чтобы быть забавной. Безупречное образование улучшило ее природные таланты. Она превосходно рисовала, гармонично пела и превосходно играла в комедии. В 1800 году она была очаровательной молодой девушкой. Впоследствии она стала одной из самых любезных принцесс в Европе. Я видел многих, как при их собственных дворах, так и в Париже, но я никогда не встречал никого, кто претендовал бы на равные таланты. Ее любили все. Ее брат нежно любил ее. Первый консул смотрел на нее как на свое дитя.

Наполеона обвинили в неподобающей привязанности к Гортензии. Мир наполнился клеветой. Бурьен говорит: "Наполеон никогда не питал к ней никаких чувств, кроме настоящей отцовской нежности. После женитьбы на ее матери он любил ее так, как любил бы собственного ребенка. По крайней мере, в течение трех лет я был свидетелем всех их самых интимных поступков, и я заявляю, что никогда не видел ничего, что могло бы дать хоть малейшую почву для подозрений, ни малейшего следа преступной близости. Эта клевета должна быть отнесена к числу тех, которые злой умысел с удовольствием приписывает людям, ставшим знаменитыми, клевета,

которая принимается легко и без размышлений. Наполеона больше нет. Пусть память о нем будет сопровождаться только тем, хорошим или плохим, что действительно имело место. Пусть беспристрастный историк не возводит этот упрек в его адрес. В заключение по этому деликатному вопросу я должен сказать, что его принципы были в высшей степени жесткими, и что какие-либо недостатки его натуры не приходили ему в голову и не соответствовали его морали или вкусу".

Однажды на острове Святой Елены Наполеон просматривал книгу, содержащую отчет о его любовных похождениях. Он улыбнулся, пробежав глазами по страницам, сказав: "Я даже не знаю имен большинства женщин, которые здесь упомянуты. Все это очень глупо. Каждый знает, что у него не было времени на такое развлечение".

Одним прекрасным вечером 1815 года приходской священник Сан-Пьетро, деревни в нескольких милях от Севильи, вернулся очень усталый в свой маленький коттедж, где обнаружил свою престарелую экономку, сеньору Маргариту, поджидавшую его. Несмотря на то, что человек хорошо привык к виду бедности в Испании, невозможно было не поразиться крайней нужде, царившей в доме доброго священника, тем более что все мыслимые приспособления были восстановлены, чтобы скрыть наготу стен и убогость мебели. Маргарита приготовила для своего хозяина довольно маленькое блюдо олла-подрига, которое, по правде говоря, состояло из остатков ужина, с большим мастерством приправленных и замаскированных, с добавлением какого-то соуса и названием. Когда она ставила пикантное блюдо на стол, священник сказал: "Мы должны поблагодарить Бога за этот вкусный ужин, Маргарита: от этой олла-подриги у человека текут слюнки. Друг мой, ты должен быть благодарен за то, что нашел такой вкусный ужин в доме своего хозяина! При слове "хозяин" Маргарита подняла глаза и увидела незнакомца, который последовал за ее матерью. Выражение ее лица изменилось, и она выглядела раздраженной. Она с негодованием взглянула сначала на незнакомца, а затем на священника, который, опустив глаза, сказал тихим голосом и с робостью ребенка: "Того, что достаточно для двоих, всегда достаточно и для троих; и, конечно, вы не хотели бы, чтобы я позволила христианину умереть с голоду? Он уже два дня не ел".

- Христианин! Он больше похож на разбойника! - и Маргарита вышла из комнаты, бормоча достаточно громко, чтобы ее услышали.

Тем временем незванный гость продолжал стоять в дверях. Это был человек огромного роста, полуодетый в лохмотья и покрытый грязью; в то время как его черные волосы, пронзительный взгляд и карабин придавали ему внешность, которую, хотя и трудно было назвать привлекательной, безусловно, было интересно. - Я должен идти? - спросил он.

Священник ответил выразительным жестом: "Тех, кого я привожу под свою крышу, никогда не выгоняют вон, и они никогда не бывают нежеланными гостями. Опусть свой карабин. Давайте произнесем молитву и пойдем к столу.

"Я никогда не расстанусь со своим карабином, потому что, как гласит кастильская пословица, "Два друга - один". Мой карабин - мой лучший друг, и я всегда держу его при себе. Хотя вы позволяете мне входить в ваш дом и не заставляете меня покидать его до тех пор, пока я сам этого не захочу, есть другие, которые без раздумий вытащили бы меня оттуда, и, возможно, утащили бы меня ногами вперед. Заходи — за твое доброе здоровье, хозяин, и пойдем ужинать.

Священник обладал чрезвычайно хорошим аппетитом, но прожорливость незнакомца вскоре вынудила его сдаться, ибо, не удовлетворившись тем, что съел, вернее, проглотил почти всю олла-подригу, гость доел большой ломоть хлеба, не оставив ни крошки. Во время еды он беспрестанно озирался с выражением беспокойства на лице; он вздрагивал при малейшем звуке; и однажды, когда от сильного порыва ветра захлопнулась дверь, он вскочил на ноги и схватил свой карабин с таким видом, который показывал, что в случае необходимости он дорого продаст свою жизнь. Выяснив причину тревоги, он снова сел за стол и закончил трапезу.

"Теперь, - сказал он, - я хочу попросить тебя еще об одном. Я был ранен, и вот уже восемь дней моя рана не перевязывалась. Дай мне несколько старых тряпок, и ты больше не будешь обременен моим присутствием".

"Я не тороплю вас уходить", - ответил священник, чьи поиски, несмотря на его постоянную бдительность, были очень интересными. - Я кое-что смыслю в хирургии и перевяжу вашу рану.

С этими словами он достал из шкафа футляр, в котором было все необходимое, и приступил к делу, как сказал. У незнакомца было сильное кровотечение, пуля пробила ему бедро; и то, что он путешествовал в таком состоянии, да еще страдая от недостатка пищи, свидетельствовало о силе, которая вряд ли казалась человеческой.

"Вы, вероятно, не сможете продолжить свое путешествие сегодня", - сказал хозяин. "Вы должны провести ночь здесь. Небольшой отдых придаст тебе сил, уменьшит воспаление раны и...

- Я должен уехать сегодня, и немедленно, - перебил незнакомец. "Есть те, кто ждет меня", — добавил он со вздохом, - "и есть те, кто следует за мной". И мимолетная мягкость исчезла с его лица между пунктами предложения, уступив место выражению почти свирепости. - Итак, все закончено? Это хорошо. Видишь, я могу ходить так твердо, как будто меня никогда не ранили. Дай мне немного хлеба, заплати себе за гостеприимство этим золотым и прощай".

Священник с неудовольствием положил золото обратно. "Я не трактирщик, - сказал он, - и я не продаю свое гостеприимство".

- Как вам будет угодно, но простите меня, а теперь прощайте, мой добрый хозяин.

С этими словами он взял хлеб, который Маргарита, по приказу своего хозяина, очень неохотно отдала ему, и вскоре его высокая фигура скрылась в густой листве леса, окружавшего дом, вернее, хижину. Не прошло и часа, как поблизости послышались мушкетные выстрелы, и неизвестный появился снова, смертельно бледный, с глубокой раной возле сердца, из которой текла кровь.

— Возьми это, — сказал он, протягивая золотые монеты своему покойному хозяину. - Это для моих детей ... у ручья... в долине.

[недостающие страницы]

смертоносная сила, которую он мог проявить. Казалось бы, даже дорога, ведущая вверх и вниз по горе, не всегда безопасна от этих опасных злоумышленников. Она скалистая и уединенная, и повсюду окаймлена мрачными ущельями и пропастями, все заполнено густыми и запутанными зарослями, в которых и в похожих на пещеры скалах, из которых состоят слои горы, дикие звери

и вредные животные всех видов находят безопасное убежище. Монахи рассказывают, что не так много лет назад служитель монастыря, которого послали с горы в Хайфу сопровождать путешественника, по возвращении подвергся нападению пантеры и был схвачен ею. Однако пантера, вместо того чтобы немедленно предать свою жертву смерти, начала играть с ним, как кошка играет с мышью, которую ей удалось превратить в свою добычу, - некоторое время нежно держала его когтями, а затем, немного отступив, снова бросалась на него, словно для того, чтобы повторить и возобновить удовольствие от захвата такого приза. Это продолжалось так долго, что крики перепуганного пленника привлекли внимание нескольких человек, случайно оказавшихся поблизости, когда пантера, в свою очередь, испугалась и убежала в лес; и тогда человек был спасен из своего ужасного положения целым и невредимым.

По этим и подобным причинам путешественники, которые поднимаются в монастырь на горе Кармель, пользуются там небольшой свободой, но в большинстве случаев ограничивают свои исследования постройками монахов и некоторыми ближайшими пещерами древних отшельников. Тем не менее, это место настолько привлекательно благодаря целебному воздуху, внутренней красоте местности, великолепию перспективы и доброму и внимательному поведению монахов, что некоторые посетители рекомендовали его как место постоянного отдыха для тех, кто покидает свои дома на Западе в погоне за здоровьем или в поисках уединения и покоя. Правило, требующее, чтобы те, кто гостит в монастыре более двух недель, уступали место другим, прибывшим совсем недавно, на самом деле не представляет серьезных трудностей. В таких случаях всегда можно прийти к какому-то соглашению, хотя редко возникает какой-либо повод, требующий этого. Помещения тоже, хотя и простые, удобны и опрятны, и хотя посетитель несколько ограничен, по причинам, которые уже были названы, в отношении исследования самой горы, в стране внизу можно совершить множество экскурсий очень привлекательного характера. Он может посетить Хайфу, он может прокатиться верхом или пройти пешком по пляжу до Акко; он может отправиться в Назарет или спуститься по побережью, обогнув западный склон горы. В этих и подобных им прогулках он будет находить привлекающие его постоянно новые сцены и повсюду будет окружен формами и обычаями восточной жизни.

Путешественник, который приходит на гору Кармель между прочим из Назарета и равнины Езраэлон, удаляясь от нее, обычно огибает западный склон горы, а оттуда направляется на юг, по пути к морю. Достигнув подножия спуска, где горная тропа для мулов выходит на главную дорогу, как показано на карте в начале этой статьи, он резко сворачивает налево и огибает основание мыса, с одной стороны которого находятся высокие склоны горы, а с другой - густые леса, лежащие между дорогой и берегом. По мере того как он проходит дальше, дорога, живописная и романтическая с самого начала, постепенно становится дикой, уединенной и пустынной. Иногда она ведет его через запутанные заросли, иногда под выступающие скалы, а иногда неожиданно выводит на берег моря, где он видит прибой, набегающий на пляж у его ног, и далеко над водой заходящее солнце, опускающееся на отдых за западный горизонт. Наконец сумерки постепенно рассеиваются, и по мере того, как надвигаются вечерние тени, в уединенных деревнях, которые он проезжает по пути, мерцают огни; но в их сиянии нет для него приветствия. Наконец, когда он считает, что пришло время завершить свое дневное путешествие, он ставит свою палатку на обочине дороги в каком-нибудь безлюдном месте и, прежде чем отправиться на ночной отдых, выходит, чтобы еще раз взглянуть на темную и мрачную гору, которую он собирается покинуть навсегда. Он стоит у входа в свою палатку и долго и серьезно смотрит на нее, прежде чем попрощаться, в равной

степени пораженный возвышенным великолепием ее расположения и формы, а также торжественным величием ее истории.

Теперь Франция жила в мире со всем миром. Все признавали, что Наполеон был великим умиротворителем. Он был кумиром Франции. Массы людей в Европе повсюду считали его своим защитником и другом, врагом аристократической узурпации и великим поборником равенства. Народ Франции больше не требовал свободы. Долгие годы горя научили их с радостью отказываться от этого блага. Они желали только правителя, который заботился бы о них, управлял ими, защищал их от власти союзнического деспотизма и давал им равные права. Хотя Наполеон теперь имел всего лишь титул первого консула, а Франция номинально была республикой, на самом деле он был самым могущественным монархом в Европе. Его трон утвердился в сердцах почти сорока миллионов людей. Его слово было законом.

Следует помнить, что Жозефина с глубокой заботой созерцала необычайное величие, которого достиг ее муж. Она видела, что в его руки перешло нечто большее, чем обычная королевская власть, и ей было не чуждо сильное желание, оживлявшее его сердце, иметь наследника, которому можно было бы передать свое имя и свою славу. Она знала, что многие намекали ему на то, что наследник необходим для спокойствия Франции. Она была полностью проинформирована о том, что на разводе настаивали как на одной из суровых государственных потребностей. Однажды, когда Наполеон был занят в своем кабинете, Жозефина тихо вошла через боковую дверь, нежно присела к нему на колени и, нежно проведя рукой по его волосам, сказала ему в порыве нежности: "Умоляю тебя, мой друг, не делай себя королем. Это Люсьен подталкивает тебя к этому. Не слушай его." Наполеон ласково улыбнулся ей и сказал, "Ах, моя бедная Жозефина, ты сошла с ума. Ты не должна слушать эти басни, которые рассказывают тебе старые вдовы. Но сейчас ты меня перебиваешь; я очень занята; оставь меня в покое."

Записано, что Люсьен осмелился намекнуть Жозефине, что закон, более высокий, чем закон обычной морали, требует, чтобы она стала матерью, даже если для достижения этой цели ей необходимо нарушить свои брачные обеты. Грубая и вульгарная неверность уничтожила во Франции почти всю святость семейных уз. Жозефина, инстинктивно добродетельная и благоговейная перед религией своего детства, которую восстановил ее муж, разразившись слезами, возмущенно воскликнула: "Это ужасно. Несчастливым был бы я, если бы кто-нибудь предположил, что я способен без ужаса выслушать ваше гнусное предложение. Ваши идеи ядовиты, ваш язык ужасен". "Что ж, сударыня, - ответил Люсьен, - все, что я могу сказать, это то, что от всего сердца мне жаль вас".

Временами Жозефина была почти в бреду, предчувствуя грозившее ей ужасное бедствие. Она знала силу любви своего мужа. Она также знала о безграничности его амбиций. Она не могла закрывать глаза на очевидную важность для государственной политики того, чтобы у Наполеона был наследник. Она также прекрасно понимала, что во всей Франции брак долгое время рассматривался лишь как партнерство по расчету, которое можно было заключить и расторгнуть почти по собственному желанию. "Брак, - сказала мадам де Сталь, - стал всего лишь таинством прелюбодеяния". Нация, находящаяся под влиянием этих взглядов, осудила бы ее за эгоистичный отказ согласиться на соглашение, очевидно, необходимое для спокойствия Франции и Европы в целом. Никогда еще женщина не подвергалась более ужасному испытанию. Никогда еще честолюбивый человек не подвергался более сильному искушению. Отбросив авторитет христианства и рассматривая этот вопрос в свете простой

целесообразности, Наполеону и Жозефине казалось очевидным долгом расстаться. Но это великолепно иллюстрирует непреложную истину слова Божьего, что даже в такой критической ситуации, как эта, путь, указанный Библией, был единственным путем безопасности и мира. "Расставшись с Жозефиной, - сказал впоследствии Наполеон, - и женившись на Марии Луизе, я поставил ногу на пропасть, усыпанную цветами".

Дочь Жозефины, Гортензия, красивая, блестящая и дружелюбная, которой тогда было всего восемнадцать лет, была сильно привязана к Дюроку, одному из помощников Наполеона, очень модному и красивому мужчине. Однако Жозефине пришла в голову мысль выдать Гортензию замуж за Луи Бонапарта, младшего брата Наполеона. Однажды она сказала Буррьену: "Два моих зятя - мои решительные враги. Вы видите все их интриги. Вы знаете, сколько беспокойства они мне причинили. Этот предполагаемый брак с Дюроком оставляет меня без всякой поддержки. Дюрок, независимо от дружбы Бонапарта, ничто. У него нет ни состояния, ни положения, ни даже репутации. Он не может обеспечить мне никакой защиты от вражды братьев. Я должна иметь более надежную опору на будущее. Мой муж очень любит Луи. Если мне удастся соединить с ним мою дочь, он станет сильным противовесом клевете и преследованиям моих шуринов". Об этих замечаниях было доложено Наполеону. Он ответил: "Жозефина трудится напрасно. Дюрок и Гортензия любят друг друга, и они поженятся. Я привязан к Дюроку. Он благородного происхождения. Я отдал Каролину Мюрату, а Полину Ле Клерку. С таким же успехом я могу отдать Гортензию Дюроку. Он храбрый. Он не хуже других. Он дивизионный генерал. Кроме того, у меня другие взгляды на Луи.

Во дворце сердце может трепетать от тех же радостей и горестей, что и в коттедже. В преддверии предполагаемого брака Дюрок был отправлен со специальной миссией поздравить императора Александра с его восшествием на престол. Дюрок часто писал Гортензии в свое отсутствие. Когда личный секретарь шептал ей на ухо посреди блестящей толпы в Тюильри: "У меня письмо", она немедленно удалялась в свои апартаменты. Когда она вернулась, друзья увидели, что ее глаза увлажнились от слез умиления и радости. Жозефина лелеяла надежду, что, если ей удастся объединить Гортензию с Луи Бонапартом, если Гортензия родит сына, Наполеон будет считать его своим наследником. Ребенок будет носить имя Бонапарт; кровь Бонапартов будет циркулировать в его жилах; и он будет отпрыском Гортензии, которую Наполеон считал своей собственной дочерью и которую любил с самой сильной родительской привязанностью. Таким образом, ужасный развод мог быть предотвращен. Движимая столь могущественными мотивами, Жозефина не оставляла без применения средств для достижения своей цели.

Луи Бонапарт был прилежным, задумчивым человеком с богатым воображением, обладал большими моральными достоинствами, хотя и не обладал большой силой характера. Он был горько разочарован в своих привязанностях и устал от мира. Когда ему было всего девятнадцать лет, он очень сильно привязался к молодой леди, с которой познакомился в Париже. Она была дочерью дворянина-эмигранта, и потому все его существо было поглощено любовной страстью. Наполеон, находившийся тогда в разгар тех побед, которые проложили ему путь к трону Франции, опасался, что союз его брата с одной из старых роялистских семей может поставить под угрозу его собственные честолюбивые планы. Поэтому он отправил его на военную службу и добился, с помощью своего могущественного инструмента, брака молодой леди с другим человеком. Разочарование глубоко тронуло сердце чувствительного молодого человека. Все честолюбивые замыслы умерли в нем. Он любил одиночество и старательно

избегал государственных забот и помпезности. Наполеон, не подозревавший о чрезвычайной силе привязанности своего брата, когда увидел рану, которую тот ему нанес, постарался загладить все, что было в его силах. Гортензия была прекрасна, полна грации и живости. В конце концов Наполеон разделил взгляды Жозефины и решил, объединив их, вознаградить своего брата, насколько это возможно, оказывая им большие милости.

Прошло много времени, прежде чем Людовик согласился выслушать предложение о его браке с Гортензией. Его чувства все еще были привязаны к утраченному объекту его идолопоклонства, и он не мог без боли думать о союзе с другой. Действительно, более неподходящий союз трудно было себе представить. Ни в чем их вкусы не были схожи. Но кто мог устоять перед сочетанием такта Жозефины и силы Наполеона. Все препятствия были сметены, и девушку, любящую веселье жизни и ее самые веселые сцены празднества и великолепия, неохотно привели к молчаливому, задумчивому ученому, который так же неохотно принял ее как свою невесту. Гортензия в какой-то степени примирилась с этим браком, поскольку ее могущественный отец пообещал обеспечить им высокое положение в обществе. Людовик смирился со своей участью, чувствуя, что земля больше не сулит ему радости. В честь этого брака был устроен великолепный праздник, на котором возродилось все великолепие древней королевской семьи. Луи Наполеон Бонапарт, который на посту президента Французской Республики сменил Луи Филиппа, короля Франции, был единственным ребенком от этого брака, пережившим своих родителей.

Наполеон организовал в сердце Италии республику с населением около пяти миллионов человек. Эта республика никоим образом не могла бы противостоять монархиям Европы без помощи Франции. Наполеон, окруженный враждебно настроенными королями, считал необходимым для безопасности Франции заручиться в Италии нацией с близкими симпатиями и интересами, с которой он мог бы заключить союз сердечной дружбы. Итальянцы, все неопытные в самоуправлении, считая Наполеона своим благодетелем и единственным сторонником, обратились к нему за конституцией. Трое самых влиятельных людей Цизальпинской республики были отправлены в качестве делегатов в Париж для консультаций с Первым консулом по организации своего правительства. Под руководством Наполеона была составлена конституция, которая, учитывая характер итальянского народа и враждебные монархические влияния, окружавшие его, была в высшей степени либеральной. Президент и вице-президент должны были выбираться на десять лет. Должен был быть Сенат из восьми членов и Палата представителей из семидесяти пяти членов. Все они должны были быть выбраны из числа 300 землевладельцев, 200 представителей духовенства и видных литераторов. Таким образом, были представлены все важные интересы государства.

В Италии, как и во всех других странах Европы в то время, существовало три видные партии. Лоялисты стремились к восстановлению монархии и исключительных привилегий королей и знати. Умеренные республиканцы хотели установить твердое правительство, которое обеспечивало бы порядок и предоставляло всем равные права. Якобинцы хотели уничтожить все различия, разделить собственность и управлять с помощью слепой энергии толпы. Италия долгое время находилась в подчинении духовных ужасов священников и штыков австрийцев. Века рабства ослабили народ, и не было итальянских государственных деятелей, способных встать у руля правительства в таком бурном море проблем. Наполеон решил выдвинуть себя на пост президента, а затем, оставив за собой верховное руководство, делегировать детали ведения дел выдающимся итальянцам до тех пор, пока они в какой-то степени не будут обучены

столь новым для них обязанностям. Так говорят они. "Этот план с его стороны был продиктован не честолюбием, а скорее большим здравым смыслом. Его взгляды по этому поводу, несомненно, были чистыми и возвышенными". Но ничто не может более поразительно продемонстрировать почти чудесную энергию ума Наполеона и его совершенную уверенность в себе, чем готовность, с которой, в дополнение к заботам о Французской империи, он взял на себя ответственность за организацию и развитие другой нации с пятью миллионами жителей. Это было в 1802 году. Наполеону было тогда всего тридцать три года.

Снова отдать тех итальянцев, которые в трудную минуту сплотились вокруг армий Франции, австрийскому господству было бы актом предательства. Бросить их, по неопытности, на растерзание якобинской толпе, с одной стороны, и роялистским интригам - с другой, значило бы обеспечить гибель Республики. Но, предоставив детали управления итальянцам и в то же время поддерживая конституцию своей собственной могущественной рукой, существовала вероятность того, что республика могла бы достичь процветания и независимости. Поскольку из-за деловой суеты Наполеону было чрезвычайно трудно покинуть Францию, был разработан план проведения обширного конгресса итальянцев в Лионе, примерно на полпути между Парижем и Миланом, для впечатляющего принятия республиканской конституции. Четыреста пятьдесят два депутата были избраны для перехода через замерзшие Альпы в декабре месяце. Необычайная бдительность и предусмотрительность Первого консула обеспечили им все удобства в пути. В Лионе были сделаны роскошные приготовления к их приему. Великолепные залы были украшены в высшем стиле земного великолепия для торжественности этого события. Недавно высадившаяся египетская армия, загоревшая под африканским солнцем, была великолепно одета, чтобы усилить величие зрелища. Лионская молодежь, ликующая от гордости, была сформирована во внушительный отряд кавалерии. 11 января 1802 года Наполеон в сопровождении Жозефины прибыл в Лион. Все население соседней страны собралось вдоль дороги, с тревогой ожидая его прибытия. По ночам огромные костры освещали его путь, пылая на каждом склоне холма и в каждой долине. Непрерывный крик "Да здравствует Бонапарт!" прокатился вместе с каретой от Парижа до Лиона. Был поздний вечер, когда Наполеон прибыл в Лион. Блистательный город пылал величием полудня. Карета Первого консула проехала под триумфальной аркой, увенчанной спящим львом, эмблемой Франции, и Наполеон поселился в отеле "Девиль", который с царственной роскошью был украшен к его приему. Итальянцы обожали Наполеона. Они чувствовали себя лично облагороженными его славой, поскольку считали его своим соотечественником. Итальянский язык был его родным, и он говорил на нем с совершеннейшей беглостью и элегантностью. В тот момент, когда депутатам предложили назвать Наполеона президентом Республики, это было встречено криками восторженного одобрения. К Первому консулу была немедленно направлена депутация, чтобы выразить единодушное и сердечное пожелание конвента, чтобы он принял этот пост. В то время как происходили эти события, Наполеон, всегда очень занятый, инспектировал своих солдат-ветеранов Италии и Египта на публичном смотре. Стихии, казалось, сговорились придать этому событию величие. День был безоблачным, солнце ярким, небо безмятежным, воздух бодрящим. Все жители Лиона и население прилегающей страны толпились на улицах. Никакое перо не сможет описать восторг, с которым встречали героя, когда он ехал вдоль рядов этих ветеранов, которых он так часто вел к победе. Солдаты кричали в неистовом энтузиазме. Старики, юноши и мальчишки подхватили этот крик, и он разнесся по улицам одним непрерывным ревом. Матроны и девицы, размахивая знаменами и носовыми платками, плакали от избытка чувств. Букеты цветов сыпались из окон, устилая его

путь, и делались все мыслимые демонстрации самой пылкой любви. Сам Наполеон был глубоко тронут этой сценой. Некоторых старых гренадеров, которых он узнал, он вызвал из рядов, любезно поговорил с ними, расспрашивая об их ранениях и нуждах. Он обратился к нескольким офицерам, которых видел во многих встречах, пожал им руки, и бред возбуждения охватил все умы. Вернувшись в отель "Девиль", он встретил делегацию конвента. Они вручили ему обращение, в котором настоятельно призывали его принять пост президента Цизальпинской республики. Наполеон получил адрес, дал понять, что принимает его, и пообещал на следующий день встретиться с конвентом.

Следующее утро озарило город ярким светом. Большая церковь, украшенная богатейшей драпировкой, была подготовлена к торжественным мероприятиям по этому случаю. Наполеон вошел в церковь и занял свое место на возвышении, окруженный своей семьей, французскими министрами и большим количеством выдающихся генералов и государственных деятелей. Он обратился к собравшимся на итальянском языке с такой легкостью манер, элегантностью выражений и беглостью речи, как будто вся его жизнь была посвящена развитию ораторского искусства. Он объявил о своем согласии с достоинством, которым они его облекут, и высказал свое мнение относительно мер, которые он принял для обеспечения процветания Итальянской Республики, как отныне должно было называться новое государство. Многократные взрывы аплодисментов прервали его речь, и по окончании ее один непрерывный возглас одобрения свидетельствовал о согласии и восторге собравшейся толпы. Наполеон оставался в Лионе двадцать дней, очевидно, ежеминутно занятый обширными делами, которые тогда поглощали его внимание. И все же он находил время ежедневно писать в Париж, призывая продвигать грандиозные начинания нового правительства Франции. Следующие краткие выдержки из этой свободной и конфиденциальной переписки дают интересное представление о мотивах, которые двигали Наполеоном в то время, и о великих объектах его честолюбия.

"Я медленно продвигаюсь в своих операциях. Все утро я провожу, давая аудиенции депутациям соседних департаментов. Улучшение благосостояния Франции очевидно. За последние два года население Лиона увеличилось более чем на 20 000 душ. Все производители говорят мне, что их работы находятся в состоянии повышенной активности. Кажется, что все умы полны энергии, но не той энергии, которая опрокидывает империи, а той, которая восстанавливает их и ведет к процветанию и богатству".

"Я особенно прошу вас позаботиться о том, чтобы все неуправляемые члены, которых мы имеем в официальных органах власти, были удалены. Желание нации состоит в том, чтобы правительству не препятствовали в его усилиях действовать на благо общества, и чтобы голова Медузы больше не появлялась ни на наших трибунах, ни в наших собраниях. Поведение Сийеса в данном случае полностью доказывает, что, внеся свой вклад в разрушение всех конституций с 91-го года, он теперь хочет попробовать свои силы в настоящем. Ему следовало бы поставить восковую свечу Пресвятой Богородице за то, что он так удачно и так неожиданно выбрался из передраги. Но чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, что каждый человек должен исполнять свое предназначение. Я рекомендую вам убедиться, действительно ли были отправлены провизия для Сан-Доминго. Я считаю само собой разумеющимся, что вы приняли надлежащие меры для сноса Шатле. Если Морскому министру понадобятся фрегаты неаполитанского короля, он может ими воспользоваться. Генерал Журден дает мне удовлетворительный отчет о состоянии Пьемонта".

"Я хочу, чтобы гражданина Руайе отправили в 16-ю военную дивизию для проверки счетов казначея. Я также желаю, чтобы какой-нибудь человек, например гражданин Руайе, выполнял тот же долг в 13-й и 14-й дивизиях. Жалуются на то, что получатели хранят деньги так долго, как только могут, и что распорядители средств откладывают выплату так долго, как это возможно. Казначей и получатели - самая большая неприятность в государстве".

"Вчера я посетил несколько заводов. Я был доволен промышленностью и суровой экономией, царившей на этих предприятиях. Если зимняя погода останется суровой, я не думаю, что 25 000 долларов в месяц, которые министр внутренних дел выделяет на благотворительные цели, будет достаточно. Необходимо будет добавить пять тысяч долларов на раздачу дров, а также на разжигание костров в церквях и других крупных зданиях, чтобы дать тепло большому количеству людей".

Наполеон прибыл в Париж 31 января. Тем временем состоялись новые выборы членов трибуната и Законодательного корпуса. Все те, кто проявил какое-либо несогласие с мерами Наполеона по восстановлению христианства и принятию нового гражданского кодекса, были исключены, и их места заняли те, кто одобрял меры Первого консула. Теперь Наполеон мог действовать без смущения. Повсюду царила покорность. Все должностные лица государства сразу же по его возвращении попросили аудиенции и в тех пышных выражениях, на которые вдохновляли его величественные поступки и характер, преподнесли ему свои поздравления. Он уже был сувереном, обладавшим королевской властью, какой не обладал ни один другой монарх в Европе. На одной цели была сосредоточена вся энергия его могучего ума. Франция была его поместьем, его диадемой, его всем. Слава Франции была его славой, счастье Франции - его счастьем, богатство Франции - его богатством. Никогда еще отец с таким неутомимым самоотречением и тяжелым трудом не трудился на благо своей семьи, как Наполеон, который в течение нескольких дней титанического напряжения и бессонных ночей посвящал всю энергию тела и души величию Франции. Он не любил легкости, он не любил потакания своим желаниям, он не любил чувственных удовольствий. Возвышение Франции до процветания, богатства и власти было безграничным стремлением. Почти сверхъестественный успех, который до сих пор сопровождал его усилиям, лишь усиливал его желания и вселял надежды. У него не было желания возвышать Францию на руинах других наций. Но он хотел сделать Францию образцом совершенства, выдающимся лидером во главе всех наций, ведущим их к интеллекту, богатству и счастью. Таково было в то время грандиозное честолюбие Наполеона, самое благородное и всеобъемлющее, которое когда-либо охватывало представление о человеке. Конечно, такие амбиции не соответствовали равенству других наций, поскольку он решил, что Франция должна быть первой. Но он не проявлял склонности разрушать процветание других; он лишь хотел дать такой импульс человечеству во Франции посредством культуры ума, чистоты нравов, внутренней промышленности, внешней торговли, великих национальных трудов, чтобы вывести Францию вперед на пути к величию. В этой гонке у Франции был только один противник — Англия. Во Франции проживало почти сорок миллионов человек. На острове Великобритания проживало всего около пятнадцати миллионов. Но Англия со своими колониями опоясывала земной шар и со своим флотом господствовала на всех морях. "Франция, - сказал Наполеон, - также должна иметь свои колонии и свой флот". "Если мы допустим это, - возразил государственный деятель Англии, - мы можем стать второстепенной державой и, таким образом, оказаться во власти Франции". Это было неоспоримо. Неужели история будет слепа к такому фатальному исходу, как этот? Настолько ли умерен человек в час триумфа честолюбия, что мы можем желать, чтобы он достиг власти, которая отдает нас в его милость? Англия была

всемогуща на морях. Она стала высокомерной, злоупотребляла этой властью и сделала себя оскорбительной для всех наций. Наполеон не проявил особой кротости характера, указывающей на то, что он, гордясь своей силой, перед которой не могла устоять ни одна нация, будет более умеренным и покладистым. Искренность не может порицать Англию за нежелание уступить свое высокое положение— отказаться от своего господства на морях — стать второстепенной державой - позволить Франции стать ее хозяином. И кто может осудить Францию за то, что Она стремится к созданию колоний, расширению торговли, дружественному союзу с другими нациями и созданию флотов для защиты ее от агрессии на океане, а также на суше? Сам Наполеон с тем удивительным великодушием, которое всегда было ему свойственно, хотя временами и приходил в ярость от враждебности, с которой он теперь столкнулся, все же часто с уважением отзывался о влияниях, воодушевлявших его врагов. Следует сожалеть, что его противники так редко отвечали взаимностью на это великодушие. Здесь, несомненно, было и правильное, и неправильное. Но человеку нелегко точно установить баланс. Только Бог может решить исход. Ум омрачается, блуждая по лабиринтам совести и страсти, чистых мотивов и нечистых амбиций. Это, действительно, падший мир. Драма народов - это трагедия. Меланхолия - удел человека.

Англия ежедневно с растущей тревогой наблюдала за быстрыми и колоссальными успехами, которых добивалась Франция. Энергия Первого консула казалась сверхчеловеческой. Его действия свидетельствовали о самой глубокой проницательности, о самом далеко идущем предвидении. Сегодня до Лондона доходит весть о том, что Наполеон избран президентом Итальянской Республики. Таким образом, за час к его империи прибавляется пять миллионов человек! Завтра объявляется, что он основывает колонию на Эльбе, что огромная экспедиция отправляется в Сан-Доминго, чтобы реорганизовать там колонию. Англия в замешательстве. Снова провозглашается, что Наполеон купил Луизиану у Испании и готовится заселить плодородную долину Миссисипи колонистами. Тем временем вся Франция находится в состоянии активности. Повсюду возникают фабрики, дороги, мосты, каналы, укрепления. Звук корабельного молота разносится по всем гаваням Франции, и с каждым месяцем французский флот увеличивается. Масса английского народа с восхищением взирает на это проявление энергии. Государственные деятели Англии взирают на это с ужасом.

В течение нескольких месяцев Наполеон, помимо всех своих прочих забот, разрабатывал обширную систему общественного воспитания молодежи Франции. Он собственноручно составил план их школ и предложил курс обучения. Немного странно, что при его сильных научных пристрастиях он поставил на первое место классические исследования. Возможно, это объясняется его глубоким восхищением героями древности. Его собственный разум самым тщательным образом хранил все сокровища греческой и римской истории. Все эти школы были сформированы по военному образцу, поскольку Франция находилась среди монархий, в глубине души враждебных друг другу, и он считал необходимым, чтобы нация была повсеместно обучена владению оружием. Религиозное обучение должно было проводиться во всех этих школах капелланами, военное - старыми офицерами, ушедшими из армии, а классическое и научное - самыми образованными людьми, которых могла предоставить Европа. Первый консул также уделял особое внимание женским школам. "Ничто так не способствует возрождению Франции, - сказал он, - как хорошие матери". Чтобы привлечь молодежь Франции в эти школы, был выделен миллион долларов на более чем шесть тысяч бесплатных выставок для учеников. Было основано десять юридических школ, девять медицинских школ и учреждение механического искусства под названием "Школа мостов и дорог", первая модель тех

художественных школ, которые существуют во Франции до наших дней и которые считаются бесценными. В этих учебных заведениях не было исключительных привилегий. В них царила система совершенного равенства. Ученики всех классов были размещены на одном уровне, перед ними была беспрепятственная арена. "Это только начало, - сказал Наполеон. - постепенно мы будем делать больше и лучше".

Другой проект, который теперь представил Наполеон, был категорически отвергнут — учреждение ордена Почетного легиона. Одним из ведущих принципов революции было полное упразднение всех почетных званий. К каждому человеку, высокого или низкого положения, следовало обращаться просто как к гражданину. Наполеон хотел ввести систему наград, которая должна была стимулировать к героическим поступкам и которая должна была облагораживать тех, кто заслуживал блага человечества. Со времени заключения мира Францию заполнили бесчисленные знатные иностранцы. Он заметил, с каким рвением население провожало этих иностранцев, с восторгом взирая на их яркое убранство. Двор Тюильри всегда был переполнен, когда эти знаменитые иностранцы прибывали и отбывали. Наполеон в своем совете, где он всегда был красноречив и силен, таким образом отстаивал свои взгляды:

"Взгляните на это тщеславие, которое гений так сильно презирает. Население придерживается иного мнения. Оно любит эти разноцветные ленты, как и религиозную пышность. Философ-демократ называет это тщеславием. Тщеславие да будет так. Но это тщеславие - слабость, общая для всего человечества, и из него могут проистекать великие добродетели. Из этих столь презираемых побрякушек создаются герои. Религиозному чувству должно быть поклонение. Должны быть видимые различия для благородного чувства славы. Нации должны стремиться быть особенными не больше, чем отдельные люди. Притворство в том, что они действуют не так, как весь остальной мир, - это притворство, которое порицается всеми здравомыслящими и скромными людьми. Ленты используются во всех странах. Пусть они будут в ходу во Франции. Это будет еще одно дружеское отношение, установленное с Европой. Наши соседи дарят их только человеку благородного происхождения. Я отдам их достойному человеку — тому, кто лучше всех служил в армии или в государстве, или кто создал самые прекрасные произведения".

Было высказано возражение, что учреждение ордена Почетного легиона было возвращением к аристократии, которую упразднила революция. "Что может быть аристократического, - воскликнул Наполеон, - в отличии чисто личном и только на всю жизнь, даруемом человеку, проявившему заслуги, будь то злые или военные, — даруемом ему одному, даруемом только для его жизни и не переходящем к его детям. Такое различие противоположно аристократическому. Суть аристократии в том, что ее титулы передаются от мужчины, который их заслужил, сыну, который не обладает никакими заслугами. Древний режим, сильно пострадавший от революции, более целостен, чем принято считать. Все эмигранты держат друг друга за руки. Вандейцы тайно зачисляются. Священники в глубине души не очень дружелюбны к нам. При словах "законный король" тысячи людей могут взяться за оружие. Необходимо, чтобы люди, принимавшие участие в революции, были связаны узами единения и перестали зависеть от первого несчастного случая, который может обрушиться на одну-единственную голову. В течение десяти лет мы создавали только руины. Теперь мы должны основать здание. Будьте уверены, борьба с Европой не окончена. Будьте уверены, что борьба начнется снова"

Затем некоторые настаивали на том, что орден Почетного легиона должен быть полностью ограничен военными заслугами. "Ни в коем случае, - сказал Наполеон, - Награды не должны присуждаться только солдатам. Все люди за заслуги - братья. Мужество президента Конвента, оказавшего сопротивление населению, следует сравнить с мужеством Клебера, поднявшегося на штурм Акко. Справедливо, что гражданские добродетели должны иметь свою награду, так же как и военные. Те, кто выступает против этого курса, рассуждают как варвары. Они проповедуют нам религию грубой силы. Разум имеет свои права перед правами силы. Сила без разума - ничто. В варварские века вождем был человек с самыми крепкими мускулами. Теперь генерал - самый умный из храбрых. В Каире египтяне не могли понять, как получилось, что Клебер с его величественной фигурой не был главнокомандующим. Когда Мурад бей внимательно понаблюдал за нашей тактикой, он смог понять, как получилось, что я, и никто другой, должен был быть генералом армии, руководимой таким образом. Вы рассуждаете, как египтяне, когда пытаетесь ограничить награды военной доблестью. Солдаты рассуждают лучше вас. Идите на их бивуаки; послушайте их. Неужели вы воображаете, что они испытывают высочайшее уважение к самому высокому из их офицеров и самому внушительному по своему телосложению? Неужели вы воображаете даже, что самый храбрый стоит у них на первом месте? Без сомнения, они презирали бы человека, в храбрости которого сомневались; но они ставят выше просто храброго человека того, кого считают самым умным. Что касается меня, неужели вы думаете, что я правлю Францией только потому, что меня считают великим полководцем? Нет! Это потому, что мне приписывают качества государственного деятеля и магистрата. Франция никогда не потерпит правительство меченосцев. Те, кто так думает, странным образом ошибаются. Потребовалось бы провести в униженном рабстве пятьдесят лет, прежде чем это могло произойти. Франция - слишком благородная, слишком умная страна, чтобы подчиняться материальной власти. Давайте почтим ум, добродетель, гражданские качества; короче говоря, давайте воздадим им во всех профессиях аналогичную награду".

Истинный дух республиканизма, безусловно, заключается в равенстве прав, а не достижений и почестей; в отмене наследственных различий и привилегий, а не тех, которые основаны на заслугах. Знак Почетного легиона должен был вручаться всем, кто благодаря гению, самоотречению и тяжелому труду завоевал известность. Награды могли получить самые скромные крестьяне в стране. Тем не менее, народная враждебность к любому институту, который имел сходство с аристократией древнего дворянства, была настолько сильной, что, хотя большинство проголосовало за эту меру, имелась сильная оппозиция. Наполеон был удивлен. Он сказал Бурьенну: "Вы правы. Предубеждения все еще против меня. Мне следовало подождать. Не было причин для спешки выдвигать это. Но дело сделано; и вы скоро обнаружите, что вкус к этим различиям еще не прошел. Это вкус, присущий природе человека. Вы увидите, что это приведет к экстраординарным результатам".

Орден состоял из шести тысяч членов. Он состоял из четырех званий: великие офицеры, командоры, старшины и рядовые легионеры. Значок представлял собой просто красную ленточку в петлице. Первому рангу было назначено годовое жалованье в размере 1000 долларов; второму - 400 долларов; третьему - 200 долларов; четвертому - 50 долларов. Таким образом, рядовой, отставной ученый и искусный художник были награждены тем же знаком отличия, который красовался на груди генералов, дворян и монархов. То, что этот институт был своеобразно приспособлен к состоянию Франции, видно из того факта, что он пережил все революции последующих лет. "Несмотря на столь недавнее происхождение, — говорят они, - оно уже освящено, как будто прошло сквозь века; до такой степени оно стало наградой за

героизм, знания, заслуги всякого рода - настолько его почестей жаждали вельможи и принцы Европы, наиболее гордящиеся своим происхождением".

Популярность Наполеона теперь была безгранична. Было выражено самое общее и искреннее желание вручить Первому консулу великолепное свидетельство национальной благодарности — свидетельство, достойное прославленного человека, который должен был его получить, и могущественной нации, от которой оно должно было быть вручено. Председатель Трибунала обратился к этому органу следующим образом: "Во всех нациях объявлены общественные почести людям, которые блестящими поступками прославили свою страну и спасли ее от великих опасностей. Какой человек когда-либо имел более сильные претензии на национальную благодарность, чем генерал Бонапарт? Его доблесть и гений спасли французский народ от крайностей анархии и от бедствий войны; и Франция слишком велика, слишком великодушна, чтобы оставить такие блага без награды".

Немедленно была выбрана депутация для обсуждения с Наполеоном вопроса о дани признательности и расположения, которую он должен был получить. Окруженный своими коллегами и высшими должностными лицами государства, он принял их на следующий день в Тюильри. С серьезностью и скромностью он выслушал высокий панегирик своим достижениям, который был произнесен, а затем заменен. "Я с искренней благодарностью принимаю пожелание, выраженное трибуналом. Я не желаю никакой другой славы, кроме того, что полностью выполнил возложенную на меня задачу. Я не стремлюсь ни к какой другой награде, кроме любви моих сограждан. Я буду счастлив, если они будут полностью убеждены, что зло, которое они могут испытать, всегда будет для меня самым тяжким из несчастий; что жизнь дорога мне исключительно за те услуги, которые я должен оказать своей стране; что сама смерть не будет для меня горечью, если мои последние взгляды смогут увидеть счастье республики столь же прочно обеспеченным, как и ее славу.."

Но как должен был быть вознагражден Наполеон? Это был большой трудный вопрос. Должно ли было быть даровано ему богатство! О богатстве он не заботился, в его распоряжении были миллионы, и он перевел их все в казну Франции. Легкость, роскошь, потакание своим желаниям не привлекали его. Должны ли были быть воздвигнуты памятники в его честь, титулы расточены в честь его имени? Наполеон считал это всего лишь средствами для достижения цели. Сами по себе они были ничем. Единственное, чего он желал, - это власти, власти добиваться огромных результатов для других и, таким образом, обеспечить себе славу, которая должна быть чистой и нетленной. Но как можно было увеличить власть Наполеона! Он уже был почти абсолютным. Чего бы он ни пожелал, он добивался. Сенаторы, законодатели и трибуны - все сотрудничали, придавая энергию его планам. Следует помнить, что Наполеон был избран первым консулом сроком на десять лет. Казалось, что не было абсолютно ничего, что могло бы доставить удовольствие Первому консулу, кроме как продлить срок его Консульства, либо добавив к нему еще один десятилетний период, либо продлив его при его жизни. "Чего он хочет?" - был всеобщий вопрос. Были испробованы все возможные средства, но тщетно, чтобы добиться от него хоть одного слова, выражающего его желания. Один из сенаторов отправился в Камбасерес и спросил: "Что доставило бы удовольствие генералу Бонапарту? Желает ли он быть королем? Только позвольте ему сказать это, и мы все готовы проголосовать за восстановление королевской власти. Мы охотно сделаем это за него, ибо он достоин этого положения ". Но

Первый консул замкнулся в непроницаемой замкнутости. Даже его самые близкие друзья не могли уловить ни малейшего намека на его тайные желания. Наконец вопрос был задан ему прямо и серьезно. С видимым смирением он ответил: "Я ни на чем не заикливался. Мне будет достаточно любого свидетельства общественного доверия, и оно наполнит меня удовлетворением". Затем обсуждался вопрос о том, прибавить ли ему десять лет консульства или сделать его пожизненным первым консулом. Камбасерес хорошо знал безграничные амбиции Наполеона и полностью осознавал, что любой ограниченный период пребывания у власти не соответствовал бы его планам. Он осмелился сказать ему: "Вы неправы, что не объясняетесь. Ваши враги, поскольку, несмотря на ваши заслуги, у вас кое-кто остался даже в Сенате, будут злоупотреблять вашей сдержанностью". Наполеон спокойно ответил: "Оставьте их в покое. Большинство Сената всегда готово сделать больше, чем от него просят. Они пойдут дальше, чем вы себе представляете".

Вечером 8 мая 1802 года было принято постановление о продлении полномочий Первого консула на десять лет. Наполеон, вероятно, был удивлен и разочарован. Однако он решил дать ответ с благодарностью и сказать, что не от Сената, а только от народного голосования он может согласиться на продление той власти, до которой его возвысили их голоса. Следующий ответ был передан в Сенат на следующее утро:

"Почетное доказательство вашего уважения, данное в ходе вашего обсуждения 8-го числа, навсегда останется выгравированным в моем сердце. За три только что прошедших года удача улыбнулась республике. Но фортуна непостоянна. Сколько мужчин, которых она осыпала милостями, прожили на несколько лет дольше, чем следовало. Стремление к моей славе и моему счастью, по-видимому, ознаменовало бы конец моей общественной жизни в тот момент, когда был провозглашен мир во всем мире. Но слава и счастье гражданина должны умолкнуть, когда интересы государства и общественное приращение призывают его. Вы считаете, что я обязан принести новую жертву народу. Я сделаю это, если желания народа будут соответствовать тому, что позволяет ваше избирательное право".

Наполеон немедленно покинул Париж и отправился в свою загородную резиденцию в Мальмезоне. Этот прекрасный замок находился примерно в десяти милях от столицы. Жозефина купила это мирное загородное убежище по просьбе Наполеона во время его первой итальянской кампании. Впоследствии большие суммы были потрачены на расширение и благоустройство территории; и это всегда было любимой территорией; и это всегда было любимой резиденцией как Жозефины, так и Наполеона. Камбакриш созвал внеочередное заседание Государственного совета. После долгих размышлений подавляющим большинством голосов было решено, что народу следует представить следующий предлог: "Должен ли Наполеон Бонапарт быть пожизненным первым консулом? Затем было решено задать второй вопрос: "Будет ли первый консул иметь право назначать своего преемника? Это действительно было восстановление монархии под республиканским названием.

Камбасерес немедленно отправился в Мальмезон, чтобы представить эти резолюции Наполеону. Ко всеобщему изумлению, он немедленно и твердо отклонил второй вопрос. Энергично он сказал: "Кого бы вы хотели, чтобы я назначил своим преемником? о братьях? Но согласится ли Франция, которая согласилась, чтобы ею управляли Жозеф или Люсьен? Должен ли я назначить вас консулом, Камбасерес? Вы? Осмелитесь ли вы взять на себя такую задачу? И тогда воля Людовика XIV не была уважена; вполне вероятно, что моя была бы уважена? Мертвый

человек, пусть он будет кем захочет, - никто ". Вопреки всей срочности, он приказал стереть второй вопрос, а первый передать только народу. Невозможно угадать мотив, повлиявший на Наполеона в самом неожиданном решении. Некоторые предполагают, что уже тогда он имел в виду Империю и наследственную монархию и что он хотел оставить брешь в организации правительства в качестве причины для будущих перемен. Другие предполагали, что он боялся соперничества, которое возникло бы между его братьями и племянниками из-за того, что в его распоряжении был такой великолепный дар, как Французская империя. Но историк вступает на опасную почву, когда начинает судить о мотивах. То, что на самом деле сделал Наполеон, было в высшей степени умеренным и благородным. Он отказался от права назначать своего преемника и предоставил свое избрание голосованию народа. Большинство из 3 568 885 проголосовали за пожизненное консульство и только восемь тысяч и несколько сотен - против. Никогда ни до, ни после этого раннее правительство не было создано таким единоличным большинством. Никогда еще монарх не имел более неоспоримого права на свой трон. По этому случаю Лафайет добавил к своему голосованию следующие уточняющие слова: "Я не могу голосовать за такую магистратуру, пока общественное освобождение не будет достаточно гарантировано. Когда это будет сделано, я отдам свой голос Наполеону Бонапарту". В частной беседе с Первым консулом он добавил: "Свободное правительство и вы во главе его - вот что соответствует всем моим желаниям". Наполеон заметил: Теоретически Лафайет, возможно, прав. Но что такое теория? Простая мечта применительно к массам человечества. Он думает, что все еще находится в Соединенных Штатах - как если бы французы были американцами. Он не имеет ни малейшего представления о том, что требуется для этой страны".

Был назначен день грандиозного дипломатического праздника, когда Наполеон должен был принимать поздравления официальных властей и иностранных послов. Солдаты в блестящей форме выстроились в двойную линию от Тюильри до Люксембурга. Первый консул восседал в великолепной колеснице, запряженной восемью лошадьми. Его сопровождал пышный кортеж. Весь Париж заполонил улицы, по которым он проезжал, и самые восторженные аплодисменты сотрясали небеса. На поздравительный адрес Сената Наполеон ответил: "Жизнь гражданина принадлежит его стране. Французский народ желает, чтобы моя жизнь была всецело посвящена Франции. Я подчиняюсь его воле. Благодаря моим усилиям, с вашей помощью, граждане-сенаторы, с помощью властей, а также благодаря доверию и поддержке этого могущественного народа свобода, равенство и процветание Франции будут защищены от капризов судьбы и неопределенности будущего. Самая добродетельная из наций будет самой счастливой, как она того заслуживает; и ее благополучие будет способствовать общему счастью всей Европы. Гордый тем, что по велению той Силы, от которой исходит все сущее, я призван вернуть на землю порядок, справедливость и равенство, и когда приблизится мой последний час, я сложу с себя полномочия, не заботясь о мнении будущих поколений".

На следующий день новые статьи, вносящие изменения в конституцию в соответствии с изменением консульства, были представлены в Государственный совет. Председательствовал Первый консул и со своей обычной энергией и проницательностью объяснял причины каждой статьи, пересказывая их одну за другой. Статьи содержали положение о том, что Наполеон должен назначить своего преемника в Сенат. После небольшого сопротивления он уступил, и теперь Франция испытала самое глубокое удовлетворение. Даже Жозефина начала успокаиваться и радоваться, ей казалось, что все мысли о королевской власти и наследовании теперь ушли в прошлое. Она без всякого беспокойства размышляла о силе, которой Наполеон искренне сочувствовал ей в ее глубоком удовлетворении тем, что Гортензия скоро станет

матерью. В их сердцах этот ребенок уже был избранным наследником власти Наполеона. 15 августа Париж пышно отпраздновал годовщину рождения Первого консула. Это было очередное введение монархических обычаев. Все высшие власти Церкви и государства, а также иностранные дипломатические учреждения обратились к нему с поздравлениями. В полдень во всех церквях метрополии пропели Те Дин в благодарность Богу за дар Наполеона. Ночью город сверкал иллюминациями. Великолепие и этикет королевской семьи теперь быстро вводились в обиход; и те же самые непостоянные слои населения, которые так недавно топтали принцев и троны до крови и разорения, теперь были очарованы повторным введением этого отброшенного великолетия. Вскоре Наполеон обосновался в прекрасном замке Сен-Клу, который по его приказу был отремонтирован с большим великолепием. В субботу Первый консул вместе с Жозефиной неизменно посещали богослужение. Их примеру вскоре последовало большинство членов двора, и нация как единое целое вернулась к христианству, которое, даже в своей самой испорченной форме, спасает человечество от тех бездн деградации, в которые его ввергает неверие. Сразу после богослужения он беседовал в галерее замка с посетителями, которые тогда ждали его. Блеск его интеллекта и высокая известность вызывали у окружающих чувство благоговения. К его словам прислушивались с величайшим рвением. Он был исключительным объектом наблюдения и внимания. Ни один земной властитель никогда не достигал такой степени почитания, чистого и искреннего, какое сейчас окружало Первого консула.

Наполеон очень хотел, чтобы его двор был образцом благопристойности и морали. Люсьену принадлежал красивый загородный особняк недалеко от Нейи. Однажды он пригласил Наполеона и всех обитателей Мальмезона посетить несколько частных театрализованных представлений в его доме. Люсьен и Элиза были исполнителями в пьесе под названием "Альзир". Пылкость их декламации, свобода жестов и, прежде всего, бестактность костюма, который они надели, чрезвычайно не понравились Наполеону. Как только спектакль закончился, он воскликнул: "Это скандал. Я не должен терпеть такие непристойности. Я дам Люсьену понять, что больше этого не потерплю". Как только Люсьен вошел в салон, переодевшись в свою обычную одежду, Наполеон обратился к нему перед всей компанией и попросил его впредь воздерживаться от всех подобных представлений. "Что? - воскликнул он. - Когда я пытаюсь восстановить чистоту нравов, моим брату и сестре приходится выставлять себя на помост почти в обнаженном виде! Это оскорбление!"

Однажды в это время Бурьен, направлявшийся из Мальмезона в Рюэль, потерял красивые часы. Он сообщил о своей потере посыльному в Рюэле. Час спустя, когда он садился обедать, крестьянский мальчик принес ему часы, которые он нашел на дороге. Наполеон узнал об этом происшествии. Он немедленно навел справки об этом молодом человеке и его семье. Услышав о них хороший отзыв, он дал трем братьям работу и щедро вознаграждал честного парня. "Доброта, - говорит Бурьен, - была очень заметной чертой характера Наполеона".

Если мы теперь сделаем краткий обзор того, чего достиг Наполеон после своего возвращения из Египта, то должны признать, что в мировых архивах тщетно искать подобное описание. Ни один смертный человек прежде не достигал так много или делал это так хорошо за столь короткое время.

Давайте на мгновение вернемся к его высадке во Фрежюсе 8 октября 1799 года, пока он не был избран пожизненным первым консулом в августе 1802 года, то есть не прошло и трех лет.

Отправившись в Париж почти в одиночку, он сверг Директорию и захватил верховную власть; восстановил порядок в управлении правительством, установил новую и очень эффективную систему сбора налогов, увеличил государственный кредит и обеспечил нужды страдающей армии. Проявив огромную энергию и человечность, он немедленно положил конец ужасам этой противоестественной войны, которая в течение многих лет опустошала Вандею. Снисходительный до позиции просителя, он умолял Европу о мире. Европа выбрала войну. Благодаря величественному замыслу военных комбинаций он отправил Моро с огромной армией в Рим; побудил Массену к самому отчаянному сражению в Генуе, а затем, создав как по волшебству армию из материалов, которые вызывали лишь насмешки его врагов, он взобрался с артиллерией, конницей и всем военным снаряжением на ледяные вершины Альп и обрушился подобно лавине на своих врагов на равнине Маренго. Имея гораздо меньшую численность, он вырвал победу у победителей и в ликующий час самого знаменательного завоевания снова написал с кровавого поля, умоляя о мире. Его враги, униженные и находящиеся в его власти, с радостью воспользовались его милосердием и пообещали лечить. Вероломно они лишь искали время, чтобы восстановить свои силы. Затем он отправил Моро в Гогенлинден и под стенами Вены добился мира с континентальной Европой. Англия все еще вела войну. Первый консул своим гением завоевал сердце Павла Российского, завоевал расположение Пруссии, Дании и Швеции и сформировал союз всей Европы против Владычицы Морей. Занимаясь этой работой, он расплатился с государственными кредиторами, учредил Банк Франции, нанес полный разгром грабителям с большой дороги и восстановил безопасность во всех провинциях; перерезал великолепные коммуникации через Альпы, основал больницы на их вершинах, окружил неприступные города укреплениями, открыл каналы, построил мосты, проложил великолепные дороги и приступил к составлению гражданского кодекса, который навсегда останется памятником его трудов и его гения. Вопреки протестам своих лучших друзей, он восстановил христианство, а вместе с ним провозгласил совершенную свободу совести. Повсюду были учреждены общественные работы, поощрявшие трудолюбие. Были основаны школы и колледжи, всевозможные заслуги поощрялись щедрыми вознаграждениями. В Париже были проведены масштабные улучшения, улицы были очищены и орошены. Посреди всех этих забот он защищал Францию от нападений самой могущественной нации на земном шаре; и он готовил, в качестве своего последнего средства, огромную армию, чтобы перенести войну в сердце Англии. Несмотря на самые чудовищные наветы, которыми Англия была полна против него, его слава сияла среди всех них, и он был популярен среди английского народа. Многие из самых выдающихся английских государственных деятелей выступали за его дело. Его гигантский противник Уильям Питт, побежденный гением Наполеона, был вынужден уйти в отставку с поста министра — и во всем мире воцарился мир.

Трудности, недоумения, замешательства, с которыми приходилось сталкиваться на этих предприятиях, были бесконечны. Наполеон говорит с тем великодушием, которое история должна признать и которому следует аплодировать: "Нам говорили, что все, на что должен был рассчитывать Первый консул, - это вершить правосудие. Но перед кем он должен был вершить правосудие? К собственникам, которых революция насильственно лишила их собственности только за то, что они были верны своему законному суверену, принципу чести, который они унаследовали от своих предков; или к тем новым собственникам, которые приобрели эти владения, рискуя своими деньгами, полагаясь на законы, исходящие от незаконной власти? Должен ли он воздать должное тем солдатам-роялистам, изувеченным на полях Германии, Вандеи и Киберона, выстроившимся под белыми знаменами бурбонов в твердой уверенности,

что они служат делу своего короля против узурпирующей тирании, или миллионам граждан, которые, воздвигнув вокруг границ медную стену, так часто спасали свою страну от закоренелой вражды ее врагов и возносили на столь непостижимую высоту славу французского орла? Должен ли он был воздать должное этому духовенству, образцу каждой христианской добродетели, лишенному права первородства, награды за полторы тысячи лет благотворительности, или недавним богачам, которые превратили монастыри в мастерские, церкви - в склады и использовали для нечестивых целей все, что веками считалось самым святым?"

"В этот период, - говорят они, - Наполеон казался таким умеренным, после такой победы он показал себя таким глубоким законодателем, после того, как проявил себя таким великим полководцем, он проявил такую любовь к искусству мира, после того, как преуспел в военном искусстве, что вполне мог внушить иллюзии Франции и всему миру. Лишь немногие из пасторалей, допущенных к его советам, которые были способны судить о будущем по настоящему, были полны не только восхищения, но и тревоги, видя неутомимую деятельность его ума и тела, энергию его воли и стремительность его желаний. Они трепетали даже при виде того, как он творил добро, тем способом, которым он это делал, — так не терпелось ему совершить это быстро и в огромных масштабах. Мудрый и проницательный Тронше, который восхищался им, любил его и смотрел на него как на спасителя Франции, тем не менее однажды с глубоким чувством сказал Камбрасеру: "Этот молодой человек начинает как Цезарь; я боюсь, что он кончит так же, как он".

Возведение Наполеона к пожизненной верховной власти было с удовлетворением воспринято большинством государств континентальной Европы как стремление уменьшить страшное влияние республиканизма и ассимилировать Францию с окружающими монархиями. Даже в Англии премьер-министр мистер Аддингтон заверил французского посла в сердечном одобрении британским правительством мероприятия, призванного укрепить порядок и власть во Франции. Король Пруссии, император Александр и эрцгерцог Австрийский Карл прислали ему свои дружеские поздравления. Даже Екатерина, надменная королева Неаполя, мать императрицы Австрии, находясь тогда в Вене, горячо выражая свою признательность французскому послу, сказала: "Генерал Бонапарт - великий человек. Он причинил мне много вреда, но это не мешает мне признать его гениальность. Остановив беспорядки во Франции, он оказал услугу всей Европе. Он стал правителем своей страны, потому что больше всего этого достоин. Я каждый день представляю его в качестве образца для подражания молодым принцам императорской семьи. Я призываю их изучить эту выдающуюся личность, научиться у него тому, как руководить народами, как с помощью гения и славы сделать ярмо власти невыносимым".

Но в отношениях между Англией и Францией быстро нарастали трудности. Англичане были сильно разочарованы тем, что не нашли сбыта своей продукции, на который они рассчитывали. Хлопчатобумажная и железоделательная промышленность были богатейшими отраслями промышленности Англии. Наполеон, в высшей степени преданный развитию производственных ресурсов Франции, поощрял эти производства почти абсолютным запретом конкурирующих товаров. Уильям Питт и его сторонники, все еще сохранявшие огромное влияние, с крайней ревностью относились к быстрым шагам, которые Наполеон делал к власти, и непрестанно выступали в газетах против честолюбивых намерений Франции. Большинство эмигрантов-роялистов, отказавшихся признать новое правительство и все еще преданных делу бурбонов,

нашли убежище в Лондоне. Они были союзниками Англии в долгой войне против Франции. Английское правительство не могло не посочувствовать им в их страданиях. Было бы неблагородно не сделать этого. Многие из эмигрантов содержались за счет пенсий, выплачиваемых им Англией. В то же время они постоянно замыслили заговоры против жизни Наполеона и подсылали убийц, чтобы застрелить его. "Я еще научу этих бурбонов, что я не тот человек, в которого можно стрелять, как в собаку". Наполеон горько жаловался на то, что его враги, пытавшиеся тогда его убить, находились на жалованье у британского правительства. Бдительность французской полиции почти ежедневно выявляла заговоры этих эмигрантов.

Памфлетист из династии Бурбонов по имени Пелтье широко распространил по Англии самую отвратительную клевету на Первого консула, его жену, ее детей, его братьев и сестер. Их обвиняли в самых низких, унижающих достоинство и отвратительных пороках. Эти обвинения широко распространились по Англии и Америке. Они произвели глубокое впечатление. Им поверили. Многие были заинтересованы в распространении этих сообщений, желая подорвать популярность Наполеона и подготовить население Англии к возобновлению войны. Наполеон протестовал против того, чтобы в Англии допускались столь позорные изображения его характера. Но ему сообщили, что британская пресса свободна; что нет иного выхода, кроме как преследовать за клевету в британских судах; и что относиться к такой клевете с презрением - это часть истинного величия. Но Наполеон чувствовал, что такие ложные обвинения раздражают народы, прокладывают путь к тому, чтобы снова втянуть Европу в войну, и что причины, ведущие к таким бедам, слишком сильны, чтобы их презирать.

Алжирцы теперь бороздили своими паретическими кораблями Средиземное море, взимая дань со всех христианских держав. Французский корабль потерпел крушение у побережья, а команда попала в плен. Два французских судна и неаполитанский корабль также были захвачены и доставлены в Алжир. Это вызвало возмущение Наполеона. Он послал офицера к Дэю с письмом, в котором сообщал ему, что, если пленники не будут освобождены и захваченные суда немедленно восстановлены, а также если будет дано обещание уважать в будущем флаги Франции и Италии, он пошлет флот и армию и сокрушит его. Дей слышал о карьере Наполеона в Египте. Он был основательно напуган, вернул корабли и пленников, умолял о помиловании и с варварской несправедливостью обрек на смерть тех, кто захватил корабли, повинаясь его приказам. Их жизни были спасены только благодаря заступничеству французского министра, после чего Наполеон совершил один из самых благородных актов вежливости по отношению к Папе римскому. У слабого монарха не было средств защитить свое побережье от пиратов, которые все еще кишели в этих морях. Наполеон выбрал два прекрасных брига из военно-морского арсенала в Тулоне, с большой элегантностью оснастил их, наиболее эффективно вооружил, наполнил их военно-морскими припасами и, присвоив им апостольские имена Святого Петра и святого Павла, отправил их в подарок понтифику. Со свойственным ему величием действий он зашел так далеко, что послал катер за экипажами, чтобы папская казна не пострадала от расходов. Достопочтенный папа, в порыве своей благодарности, настоял на том, чтобы отвезти французских моряков в Рим. Он обращался с ними со всем возможным вниманием; показал им собор Святого Петра и ослепил их пышностью соборного богослужения. Они вернулись во Францию, нагруженные скромными подарками и чрезвычайно довольные добротой, с которой их приняли.

В Амьенском мирном договоре было оговорено, что и Англия, и Франция должны эвакуировать Египет и что Англия должна передать Мальту ее древним правителям. Мальта, неприступная в

своих укреплениях, господствовала над Средиземным морем и была ключом к Египту. Поэтому Наполеон, хотя и заявлял о готовности лично отказаться от всех притязаний на остров, настаивал на том, чтобы Англия сделала то же самое, как на существенном пункте. Вопросом, от которого зависел этот договор, была капитуляция Мальты нейтральной державе. Договор был подписан. Наполеон быстро и скрупулезно выполнил свои соглашения. Несколько затруднений, за которые Англия не несла ответственности, на несколько месяцев задержали эвакуацию Мальты. Но теперь с момента подписания договора прошел почти год. Все препятствия были устранены с пути полного ее выполнения, и все же английские войска оставались как в Египте, так и на Мальте. Вопрос о том, обязана ли Англия выполнить свои обязательства, серьезно обсуждался в парламенте и в английских журналах, поскольку Франция становилась столь угрожающе могущественной. Великодушно и красноречиво Фокс воскликнул: "Я поражен всем, что я слышу, особенно когда я думаю о том, кто они, говорящие такие слова. Действительно, я больше, чем кто-либо из уважаемых друзей и коллег мистера Питта, опечален растущим величием Франции, которая с каждым днем расширяет свою власть в Европе и Америке. Что во Францию, которую теперь обвиняют во вмешательстве в чужие дела, мы вторглись с целью навязать ей правительство, которому она не подчинилась, и вынудить ее принять семью Бурбонов, чье иго она отвергла. Одним из тех возвышенных движений, которым история должна рекомендовать подражать и сохранить в вечной памяти, она отразила своих захватчиков. Несмотря на горячую привязанность к делу Англии, мы почувствовали невольное сочувствие к этому великодушному порыву свободы, и у нас нет желания скрывать это. Без сомнения, Франция велика, гораздо больше, чем следовало бы желать хорошему англичанину, но это не должно быть мотивом для нарушения торжественных договоров. Но поскольку Франция сейчас кажется нам слишком великой — более великой, чем мы думали о ней поначалу, — разорвать торжественную помолвку, например, сохранить Мальту, было бы недостойным нарушением веры, которое поставило бы под угрозу честь Британии. Я уверен, что если бы в Париже было собрание, подобное тому, которое обсуждается здесь, о британском военно-морском флоте и его господстве на морях говорили бы в тех же терминах, в каких мы говорим в этом зале о французских армиях и их господстве на суше".

Наполеон искренне желал мира. Он строил огромные сооружения, чтобы украсить и улучшить империю. Тысячи рабочих были заняты прокладкой великолепных дорог через Альпы. Он с живейшим интересом наблюдал за ростом укреплений и прокладкой каналов. Он обладал абсолютной властью, был окружен всеобщим восхищением и, наслаждаясь глубоким миром, поздравлял себя с тем, что стал умиротворителем Европы. Он распустил свои армии и направил все ресурсы нации на стимулирование промышленности. Поэтому он не оставил без применения средств снисхождения и примирения, чтобы предотвратить бедствия войны. Он с большим почетом принял лорда Уитворта, английского посла в Париже. Этой даме, герцогине Дорсет, оказывалось самое деликатное внимание. В Тюильри и Сен-Клу в их честь были даны великолепные приемы. Талейран посвятил им все ресурсы своих изысканных манер. Два заместителя консула, Камбасерес и Лебрум, также не уставали оказывать им знаки внимания. Тем не менее, все эти усилия со стороны Наполеона по установлению дружественных отношений с Англией были безрезультатны. Британское правительство по-прежнему, в открытое нарушение договора, сохраняло Мальту. Честь Франции была поставлена на карту при обеспечении соблюдения священных договоров, Мальта была слишком важным постом, чтобы оставлять его в руках Англии. Наконец Наполеон решил лично переговорить с лордом Уитвортом и со всей откровенностью изложить ему свои чувства и решения.

Вечером 18 февраля 1803 года Наполеон принял лорда Уитворта в своем кабинете в Тюильри. Большой письменный стол занимал середину комнаты. Наполеон пригласил посла занять место на одном конце стола, а сам сел на другой. "Я хотел, - сказал он, - поговорить с вами лично, чтобы полностью убедить вас в моих истинных взглядах и намерениях". Затем с той силой языка и той проницательностью, которыми никто никогда не отличался, он пересказал свои сделки с Англией с самого начала; что он предложил мир сразу после вступления в должность консула; что в заключении мира было отказано; что он с готовностью возобновил переговоры, как только смог это сделать, и что он пошел на большие уступки, чтобы обеспечить Амьенский мир. "Но мои попытки, - сказал он, - жить в хороших отношениях с Англией не встретили дружественного отклика. Английские газеты дышат против меня одной враждебностью. Журналам эмигрантов разрешено злоупотреблять, что не оправдано британской конституцией. Жоржу и его сообщникам, которые замышляют мое убийство, назначены пенсии. Эмигранты, находящиеся под защитой в Англии, постоянно совершают поездки во Францию, чтобы разжечь гражданскую войну. Принцев Бурбонов принимают со знаками отличия древней королевской семьи. Агенты направляются в Швейцарию и Италию, чтобы создавать трудности Франции. Каждый ветер, дующий из Англии, приносит мне только ненависть и оскорбления. Теперь мы оказались в ситуации, из которой должны выбраться сами. Будете ли вы выполнять Амьенский мирный договор или нет? Я выполнил его со своей стороны со скрупулезной точностью. Этот договор обязывал меня эвакуировать Неаполь, Таренто и Римские государства в течение трех месяцев. Менее чем через два месяца все французские войска были выведены из этих стран. С момента обмена ратификационными грамотами прошло десять месяцев, а английские войска все еще находятся на Мальте и в Александрии. Бесполезно пытаться обмануть нас в этом вопросе. Будет ли у вас мир или война? Если вы за войну, только скажите об этом; мы будем вести ее безжалостно. Если вы хотите мира, вы должны эвакуировать Александрию и Мальту. Мальтийская скала, на которой было возведено так много укреплений, является, с морской точки зрения, объектом огромной важности, бесконечно большей, поскольку она затрагивает честь Франции. Что сказал бы мир, если бы мы позволили нарушать торжественный договор, подписанный с нами! Это поставило бы под сомнение нашу энергию. Что касается меня, то мое решение твердо. Я бы предпочел видеть вас во владении высотами Монмартра, чем во владении Мальтой".

"Если вы сомневаетесь в моем желании сохранить мир, послушайте и оцените, насколько я искренен. Хотя я еще очень молод, я обрел силу, известность, к которым было бы трудно прибавить. Неужели вывоображаете, что я готов рискнуть этой властью, этой славой в отчаянной борьбе? Если у меня будет война с Австрией. Я постараюсь найти дорогу в Вену. Если у меня будет с вами война, я отниму у вас всех союзников на Континенте. Вы будете блокировать нас; но я, в свою очередь, буду блокировать вас. Вы превратите Континент в тюрьму для нас; но я сделаю моря тюрьмой для вас. Однако, чтобы завершить войну, должна быть более непосредственная эффективность. Должно быть собрано 150 000 человек и огромная флотилия. Мы должны попытаться пересечь пролив, и, возможно, я похороню в морских глубинах свое состояние, свою славу, свою жизнь. Это ужасная безрассудность, милорд, - вторжение в Англию. Здесь, к изумлению лорда Уитворта, Наполеон откровенно и убедительно перечислил все опасности предприятия: огромные приготовления, которые необходимо было бы провести с кораблями, людьми и военным снаряжением, трудность ускользнуть от английского флота. "Вероятность того, что мы погибнем, - сказал он, - значительно больше, чем вероятность того, что мы добьемся успеха. И все же, милорд, как бы ужасна ни была эта дерзость, я намерен

рискнуть, если вы вынудите меня к этому. Я рискну своей армией и своей жизнью. Со мной это великое предприятие будет иметь шансы, которых оно не может иметь ни с каким другим. Теперь посмотрим, должен ли я, процветающий, могущественный и миролюбивый, каким я сейчас являюсь, рисковать властью, процветанием и миром в таком предприятии. Посудите сами, если, когда я говорю, что желаю мира, я неискренен. Так будет лучше для вас; для меня лучше оставаться в рамках договоров. Вы должны покинуть Мальту. Вы не должны укрывать моих убийц в Англии. Позвольте, если вам угодно, английским журналам оскорблять меня, но не этим несчастным эмигрантам, которые пренебрегают защитой, которую вы им предоставляете, и которых Закон об иностранцах разрешает вам выдворять из страны. Ведите себя со мной сердечно, и я обещаю вам, со своей стороны, полную сердечность. Посмотрите, какую власть мы могли бы иметь над миром, если бы могли объединить наши две нации. У вас есть военноморской флот, с которым, при непрерывных усилиях в течение десяти лет, в использовании всех ресурсов я не смог бы сравниться. Но у меня есть 500 000 человек, готовых выступить под моим командованием, куда бы я ни решил их повести. Если вы хозяева морей, я хозяин суши. Давайте тогда думать об объединении, а не о войне, и мы будем в свое удовольствие вершить судьбы мира, Франция и Англия, объединившись, могут сделать все для интересов человечества".

Англия, однако, по-прежнему отказывалась, под тем или иным предлогом, уступить Мальту; и обе стороны становились все более и более раздраженными и постепенно готовились к возобновлению военных действий. Наполеон временами давал волю своему негодованию. "Мальта, - сказал он, - дает господство над Средиземноморьем. Никто не поверит, что я соглашаюсь уступить Средиземное море англичанам, если только я не боюсь их могущества. Таким образом, я теряю самое важное море в мире и уважение Европы. Я буду сражаться до последнего за обладание Средиземным морем, и если я когда-нибудь доберусь до Дувра, с этими морскими тиранами будет покончено. Кроме того, поскольку рано или поздно нам придется сражаться с народом, для которого величие Франции невыносимо, чем скорее, тем лучше. Я молод. Англичане неправы; больше, чем они когда-либо будут неправы снова. Я предпочел бы решить этот вопрос немедленно. Они не получают Мальту".

Тем не менее Наполеон согласился на предложение вести переговоры с англичанами об уступке какого-нибудь другого острова в Средиземном море. "Пусть они получают порт для захода", - сказал он. "Против этого у меня нет возражений. Но я твердо решил, что у них не будет двух Гибралтаров в этом море, одного у входа, а другого посередине". Однако Англия отказалась согласиться с этим предложением.

Затем Наполеон предложил передать остров Мальта в руки российского императора, оставив его в его доверительном управлении до тех пор, пока не будут решены разногласия между Францией и Англией. Случилось так, что император только что предложил свое посредничество, еслитакое возможно, чтобы предотвратить войну. Это английское правительство также отклонило под предлогом того, что оно не думает, что Россия будет готова принять возложенную на нее таким образом должность. Английский посол теперь получил инструкции потребовать, чтобы Франция уступила Англии Мальту на десять лет и чтобы Англия в качестве компенсации признала итальянскую республику. Послу было приказано обратиться за паспортами, если эти условия не будут приняты в течение семи дней. Франция не согласилась на это предложение. Английский посланник потребовал свои паспорта и покинул Францию. Английский флот немедленно начал атаковать французские торговые суда, где бы они ни находились. И мир снова погрузился в войну.

Франция записала свою прошлую историю и свое нынешнее состояние в королевских дворцах, которые она воздвигла. На этих монументальных стенах буквами, более разборчивыми, чем египетские иероглифы, и такими же невыразимыми, начертана долгая и унылая история царского порока, сладострастия и гордыни, а также народного раболепия и угнетения. Бездумный турист прогуливается по этим великолепным салунам, на которые были расточены богатства принцев и многовековой труд, и восхищается их великолепным великолепием. В мраморных полах, позолоченных потолках, дамасских гобеленах и всех предметах безграничной роскоши он видит только триумфы искусства и, сбивый с толку ослепительным зрелищем, забывает о жгучем возмущении правами человека, которые оно провозглашает. Наполовину очарованный, он бродит по бесчисленным акрам роц, лужаек и цветочных клумб, украшенных озерами, фонтанами, каскадами и самыми роскошными скульптурами, где пировали короли и королевы, и он не задумывается о миллионах тех, кто трудился с росистого утра до сумерек ночи, долгие и безрадостные годы, питаясь черным хлебом, одетый в грубую одежду — мужчина, женщина, бык, товарищи по труду, товарищи по мыслям, — чтобы служить этому удовольствию. Но дворцы Франции трубным голосом провозглашают позор Франции. Они обращаются к ее королям. Узрите неоспоримые памятники вашей гордыни, вашего ненасытного вымогательства, вашей безмерной расточительности и роскоши. Они говорят людям: "Узрите доказательства бесчинств, которые ваши отцы претерпевали на протяжении бесчисленных веков. Они жили в глинобитных лачугах, чтобы их распущенные короли могли надменно буйствовать в украшенных золотыми балдахинами покоях Версаля, Тюильри и Сен-Клу - дворцов Франции. Разум политического экономиста болезненно задерживается на них. Они великолепны как образцы искусства. Они священны как памятники прошлого. Один только вандализм разрушил бы их до основания. Тем не менее, говорится в судебном решении, для политического возрождения Франции было бы лучше, если бы, подобно Бастилии, сами ее основания были вспаханы и засеяны солью. Ибо они являются постоянной провокацией для каждого мыслящего человека. Они возбуждают непрекращающийся демократический гнев против аристократического высокомерия. Тысячи благородных женщин, проходя по этим великолепным залам, чувствуют, как в их душах разгорается тот огонь негодования, который пылал в груди мадам Ролан. Тысячи молодых людей с поджатыми губами и увлажнившимися глазами прислоняются к этим мраморным колоннам, погруженные в раздумья, и почти оправдывают даже демоническую и кровожадную беспощадность Дантона, Марата и Робеспьера. Эти дворцы являются постоянным стимулом и провокацией для правительственной агрессии. Вот они стоят, во всем своем великолепии, пустые, подметенные и украшенные. Они ослепительно красивы. Они обеспечены всеми удобствами, каждой роскошью. Там жили король и император. Почему бы и нет президенту? Следовательно, дворец становится домом президента-республиканца. Дворцовые расходы, дворцовая свита, придворный этикет дворца становятся требованиями хорошего вкуса. В Америке глава правительства в своем удобном и уместном особняке получает зарплату в размере двадцати пяти тысяч долларов в год. Во Франции президент Республики получает четыреста тысяч долларов в год, и все же, даже располагая такой огромной суммой, он не может содержать заведение в полном соответствии с великолепием жилищ, которые приглашают его занять и которые непрестанно и непреодолимо побуждают к царственной помпезности и царственной расточительности. Дворцы Франции оказывают огромное влияние на нынешнюю политику Франции. Существует непрекращающийся конфликт между этими мраморными стенами монархического великолепия и принципами республиканской простоты. Этот конкурс еще не скоро завершится, и его результат никто не может предвидеть. Никогда еще я не испытывал такого сильного

негодования, как тогда, когда час за часом бродил по сладострастной роскоши Версаля. Триумфы вкуса и искусства достойны восхищения, их не под силу описать пером. Но мораль невыносимого угнетения глубоко запечатлена во всех. В кратком описании дворцов Франции. Я представлю их в том порядке, в каком мне довелось их посетить.

1. Palais des Thermes .В давно минувшие века, которые канули в лету, кочующее племя варваров высадилось из своих каноэ на маленьком острове в Сене и там воздвигло свои хижины. Они назывались Parisii. Над ними медленно текли столетия, были войны и бедствия, бракосочетания и похороны, и все же они увеличивались в количестве и силе и укрепляли свой маленький остров от вторжений своих врагов; ибо человек, будь то цивилизованный или дикий, всегда был самым свирепым диким зверем, с которым человеку приходилось сталкиваться. Но вскоре топот римских легионов послышался на берегах Сены, и вся Галлия с ее шестьюдесятью племенами оказалась под властью цезарей. Обширные болота и мрачные леса окружали деревню варваров; но постепенно были введены римские законы и институты; и римская энергия изменила облик страны. Гордые завоеватели немедленно приступили к возведению дворца для губернатора провинции. Вырос Дворец Теплых ванн, с его массивными стенами и внушительным величием. Римские копья гнали людей на работу; и римская изобретательность хорошо знала, как вымогать у населения необходимый доход. Большие остатки этого дворца сохранились до наших дней. Это самый интересный памятник прошлого, который сейчас можно найти во Франции. Великолепие его пропорций до сих пор внушает зрителю благоговейный трепет. "Взгляните, - говорит писатель, ступавший по его мраморным полам почти тысячу лет назад, - взгляните на Дворец королей, башни которого пронзают небеса, а фундаменты проникают даже в империю мертвых". Юлий Цезарь гордо взирал на эти башенки; и здесь крики римских легионов, полторы тысячи лет назад провозгласивших Юлиана императором; и римские девушки с трепещущими сердцами кружились по этим этажам в причудливом танце. Никто не может войти в большой зал хатов, не будучи глубоко впечатлен величественным видом здания и величием его гигантских пропорций. Почти двухтысячелетний упадок оставил на этих стенах свой почтенный отпечаток. Здесь гордо вышагивали римские военачальники, закованные в медь и сталь, и звон их оружия эхом отдавался под этими сводами. В этих гниющих каменных ваннах они омывали свои жилистые конечности. Но где сейчас эти свирепые воины? Какими занятиями были заняты их беспокойные души, пока поколение за поколением сменялось на земле, разыгрывая комедии и трагедии жизни? Подготовило ли их грубое воспитание в лагере и гордое слушание в суде к любви, доброте, кротости, преданности Небес? На полях возмущения, шума и крови, безумно бросаясь в атаку, исступленно крича, железной рукой нанося повсюду разрушения и смерть, приобрели ли они вкус к "зеленым пастбищам и тихим водам"? Увы! ради тайны нашего бытия! Они ушли, и ушли навсегда! Их имя исчезло — их язык забыт.

"Буря, которая разрушает зимнее небо. Не более нарушает их глубокий покой, Чем нежнейший знак летнего вечера, закрывающий розу".

На части ромов этого старого дворца цезарей более современные древние воздвигли еще один дворец, где царили веселье и разгул, где гордость возвышала свою надменную голову, а тщеславие выставляло напоказ свои дорогие одежды — но над всеми этими великолепными сценами смерть катила свои волны забвения. Около четырехсот лет назад на части полуразрушенных стен этого старинного римского особняка был возведен дворец Ключи. На протяжении трех столетий этот дворец был одной из резиденций королей Франции. Волна

королевской жизни то затихала, то текла через эти салоны и по этим коридорам. Здесь находится комната, где Мария Английская, сестра Генриха VIII и вдова Людовика XII, провела тяжкие годы своего вдовства. Его до сих пор называют покоями "белой королевы" из-за обычая королей Франции носить траур белого цвета. Триста лет назад эти готические башенки и великолепно украшенные окна в стиле лукерне сияли иллюминацией, когда молодой король Шотландии Яков V. вел Мадлен, цветущую дочь Франциска I., к алтарю новобрачных. Здесь надменная семья Гизов демонстративно выставляла напоказ свою царственную свиту, соперничая с королями Франции в великолепии и превосходя их по могуществу. Эти два дворца, ныне слившиеся следами упадка в один, превращены в музей древностей — безмолвное хранилище памятников умершим. С грустью бродишь по их опустевшим залам. Они представляют одну из самых интересных достопримечательностей Парижа. В рефлексирующем сознании они пробуждают эмоции, которые не описать пером.

2. Лурр.—Когда Париж состоял всего лишь из маленького островка на Сене, а короли и феодалы с вином и закусками пировали в китайских салунах, в густом лесу, раскинувшемся по берегам реки, было разбито охотничье поместье. По мере того как город расширялся, а лес исчезал, охотничье поместье расширялось, укреплялось и превратилось в крепость и государственную тюрьму, так продолжалось триста лет. В его мрачных застенках стонали и умирали государственные узники и жертвы преступлений; и там происходили бесчисленные трагедии деспотической власти, о которых может рассказать только Судный день. Триста лет назад Франциск I разрушил полуразрушенные стены этого старого замка и возвел на их фундаменте великолепный дворец Лувр. Но для его возведения потребовалась свеча, в то время как Гилпин, который был выше и сильнее любого из других мальчиков, просверлил отверстие в двери в том месте, которое указал Родольфус. Когда отверстие было просверлено, мальчики вставили в него железный стержень. и, просунув этот стержень под засов, они подняли засов и открыли дверь. Они открыли дверь и затем, к своей великой радости, оказались в кабинете в полной безопасности.

Они поставили потайной фонарь на стол и прикрыли его экраном, а затем минуту или две прислушивались, не переставая свистеть, чтобы убедиться, что никто не приближается.

- Иди и посторожи у двери сарая, - сказал Гилпин Рудольфусу, - пока мы откроем стол.

И Родольфус направился к двери сарая. Он выглянул наружу и оглядел деревенскую улицу, но все было тихо.

Вскоре он услышал какой-то раскалывающийся звук в кабинете, который, как он знал, был вызван открыванием крышки письменного стола. Очень скоро мальчики поспешно вышли — Грифф с фонарем, а Гилпин с коробкой.

- Ты понял? - спросил Родольфус.

- Да, - сказал Грифф.

- Посмотрим, - сказал Родольфус.

Грифф протянул коробку Рудольфусу. Она была очень тяжелой, и они могли слышать звон денег внутри. Все трое мальчиков казались почти обезумевшими от трепета и возбуждения. Однако

Грифф тут же начал торопить их уйти, вырывая у них коробку и приговаривая: "Идемте, идемте, мальчики, мы не должны оставаться здесь дурачиться".

- Подожди минутку, я снова спрячу инструменты! - сказал Родольфус. - а потом мы убежим.

Родольфус спрятал инструменты за поленницей дров в сарае, где они стояли раньше, а затем мальчики вышли на улицу. Они крались крадучись в тени домов и в самых темных и безвестных местах, пока не добрались до таверны, откуда им предстояло свернуть в переулок, ведущий к кукурузному амбару. Как только они благополучно добрались до этой тропинки, они почувствовали облегчение и пошли дальше уже более беззаботно; и когда, наконец, они забрались под кукурузный амбар, то почувствовали себя в полной безопасности.

"Ну вот, - сказал Грифф, - не так уж хорошо все было сделано!"

- Да, - сказал Родольфус, - и теперь все, что нам нужно сделать, - это открыть шкатулку.

- Мы можем разбить его камнями, - сказал Грифф.

- Нет, - сказал Гилпин, - это произведет слишком много шума. Мы закопаем его под этой соломой на несколько дней и так или иначе мало-помалу откроем, когда они перестанут искать коробку. Ты можешь раздобыть для нас настоящий ключ от него, Родольфус, не так ли?

"Как я могу это получить?" - спросил Родольфус.

- О, я не сомневаюсь, ты сможешь придумать какой-нибудь способ заполучить это у старины Кербера. В любом случае, лучше всего похоронить это сейчас.

С этим планом все мальчики согласились. Они убрали солому, которая была расстелена под кукурузным сараем, и вырыли яму в земле под ней, работая частично палками, а частично пальцами. Когда яма была достаточно глубокой, они положили туда коробку и засыпали ее. Затем они засыпали ее. Затем они расстелили солому, как и раньше.

Все это время фонарь стоял совсем рядом на ящике, который поставили туда мальчики, чтобы свет падал на то место, где они копали. Как только с работой было покончено, мальчики тихонько вышли на улицу посмотреть, свободен ли для них путь домой, оставив фонарь на ящике; и пока они стояли за углом сарая снаружи, смотрели на дорогу и шептались друг с другом, они внезапно увидели, как изнутри забрезжил свет. Они вбежали внутрь и обнаружили, что фонарь упал, а солома вся объята пламенем. Они немедленно начали наступать на огонь и пытаться потушить его, но в тот момент, когда они это сделали, все были поражены появлением четвертого человека, который ворвался к ним снаружи. Все они закричали от ужаса и бросились бежать. Родольфус отделился от остальных и на мгновение присел на корточки за каменной стеной, но сразу же после этого, почувствовав, что здесь для него не будет безопасности, он снова пустился в путь и побежал через какие-то задние поля и сады в направлении дома мистера Кербера. Время от времени он оглядывался назад и обнаруживал, что свет быстро увеличивается. Вскоре он начал слышать крики о пожаре. Он бежал, пока не добрался до дома; он перелез через заборы на задний двор, взобрался на сарай, прокрался под трубами к окну своей комнаты, забрался внутрь так быстро, как только мог, разделся и лег в постель, и только успел натянуть на себя одежду, как услышал громкий стук в дверь и голос миссис Кербер снаружи, кричавшей ему, что в деревне, по-видимому, пожар и что он должен как можно быстрее встать и помочь его потушить.

Экспедиция в Египет была одним из самых великолепных предприятий, когда-либо задуманных человеческими амбициями. Возвращение во Францию сочетает в себе еще больше, если это возможно, элементов морального возвышения. Если бы не катастрофическое уничтожение французского флота, планы Наполеона в отношении Востока, вероятно, увенчались бы триумфальным успехом. По крайней мере, не подлежит сомнению, что огромные перемены произошли бы во всем восточном мире. Теперь эти планы были безнадежны. Армия была изолирована и отрезана от всех подкреплений и всех поставок. лучшее, что Наполеон мог сделать для своих войск в Египте, - это вернуться во Францию и применить свое личное влияние для отправки им помощи. Его возвращение означало продолжение самой благородной преданности тем солдатам, которых он поневоле оставил после себя. Секретность его отъезда была необходима для его успеха. Если бы об этой смелой попытке заподозрили, она, несомненно, была бы сорвана возросшей бдительностью английских крейсеров. Бесстрашие предприятия должно вызвать всеобщее восхищение.

Задумайтесь на мгновение о моральных аспектах этого предприятия. Тридцатимиллионную нацию в течение десяти лет сотрясали ужаснейшие конвульсии. Нет такого зверства, которое язык мог бы назвать, которое не опустошило бы обреченную землю. Все страсти, способные осквернить сердце павшего человека, с шумом пронеслись по городам и весям Франции. Пожары превратили дворцы богачей в руины, а зеленые лужайки, на которых играли их дети, были залиты кровью отцов и сыновей, матерей и дочерей. Гигантская система грабежа захватила дома, земли и все виды собственности и превратила тысячи богатых людей в нищету, разорение и смерть. Загрязнение окружающей среды было узаконено голосом богопротивной похоти, и Франция, прекрасная Франция, превратилась в отвратительный склад позора. Закон рукой самоубийцы уничтожил сам себя, и решения законодательной власти раскачивались взад и вперед в соответствии с отвратительными криками толпы. Гильотина с канавами, вечно забитыми человеческой кровью, была единственным аргументом, к которому анархия снизошла до использования. Фактически это заставило замолчать любой протестующий язык. Конституция за конституцией вырастали, как грибы, за ночь, и как грибы погибали за день. Гражданская война бушевала во Франции с яростью ищейки, монархисты и якобинцы боролись друг с другом с яростью отчаяния. Короли-союзники Европы, которые своим союзом раздули это пламя ярости и разорения, с ужасом смотрели на зловещее чудо и окружали Францию своими флотами и армиями.

На протяжении веков люди были поработаны королем и знатью. Их угнетение было отвратительным, и оно стало абсолютно невыносимым. "Мы, миллионы, - восклицали они в своем гневе, - больше не будем потакать вашему сладострастию, гордыне и похоти". "Вы должны, наглые собаки, - воскликнули король и знать, - мы не обращаем внимания на ваш лай". "Вы должны", - повторил папа под зловещие раскаты грома в Ватикане. "Ты сделаешь это", - донеслось эхом из венских дворцов, из кремлевского купола, из турецкого сераля и, более глубокими, сильными, решительными тонами, из конституционной, свободолюбивой, счастливой Англии. Тогда Франция была вулканом, и потоки его лавы затопили Европу. Люди были в отчаянии. В слепой ярости своей неистовой самозащиты они потеряли всякое соображение. Замки знати были всего лишь памятниками прошлых налогов и рабства. С криками ненависти разъяренное население сравнивало их с землей. Королевские дворцы, где на протяжении бесчисленных веков распутные монархи предавались изнуряющим и запретным для небес удовольствиям, были всего лишь национальными символами рабства народа. Возмущенная толпа пронеслась сквозь них, подобно наводнению в Миссисипи, оставляя на

мраморных полах, разрисованных карикатурами стенах и потолках следы своей ярости. В один миг Франция перешла от деспотизма к анархии. Царственный тиран в золотой короне и железном скипетре, окруженный богатой знатью и распутными красавицами, исчез, и его место заняло многоголовое чудовище, хищное и кровожадное, вульгарное и отвратительное, вышедшее из шахт, мастерских и подвалов порока и нищеты, подобно одному из призраков сказок. Франция перешла от монархии не к здоровому республиканизму, а к якобинству, к правлению толпы. Наполеон питал крайнее отвращение к тирании короля. Он также испытывал крайнее отвращение к деспотизму вульгарного, жестокого, кровожадного якобинского правления. К последнему он относился с еще более глубоким отвращением, чем к первому. "Я откровенно признаюсь, - снова и снова повторял Наполеон, - что если мне придется выбирать между гнетом бурбонов и насилием толпы, я бесконечно предпочитаю первое.

Таково было положение Франции, по существу, в течение почти десяти лет. Огромная масса народа была измучена страданиями и жаждала покоя. Земля была полна заговоров и контрзаговоров. Но не было ни одного человека, обладающего достаточной известностью, чтобы увлечь за собой нацию. Правительство презирали. Франция находилась в состоянии хаотического разорения. Множество голосов тут и там начали вопрошать: "Где Бонапарт, завоеватель Италии, покоритель Египта?" Он один может спасти нас". Его всемирная известность обратила взоры нации к нему как к их единственной надежде.

При таких обстоятельствах Наполеон, тогда еще молодой человек двадцати девяти лет от роду, которому всего три года назад не были известны ни слава, ни богатство, решил вернуться во Францию, свергнуть жалкое правительство, опозорившее страну, подавить анархию внутри страны и агрессию извне и спасти тридцать миллионов людей от разорения. Предприятие, несомненно, было великолепным по своему величию и благородной цели. Ему предстояло столкнуться с двумя врагами, каждый из которых был грозен: роялистами объединенной Европы и парижской чернью. Спокойная и несомненная уверенность в себе, с которой он приступил к этому предприятию, является одним из самых замечательных событий за всю его выдающуюся карьеру. Он не взял с собой армии, чтобы подавить сопротивление. Он не участвовал в каком-либо глубоко заговоренном и широко распространенном заговоре. Полагаясь на энергию своего собственного ума и на симпатии огромной массы людей, он отправился один, всего с одним или двумя товарищами, которым не открывал своих мыслей, чтобы собрать в свои руки разбросанные бразды правления. Никогда он не сталкивался с более страшной опасностью. Крейсера Англии, России, Турции, европейских союзников, выступивших с оружием в руках против Франции, заполонили Средиземное море. Как он мог надеяться спастись от них? Гильотина была красной от крови. Каждый, кто осмелился выступить против толпы, погиб на ней. Как мог Наполеон отважиться в одиночку сразиться с этим ужасным львом в его логове?

Было десять часов вечера 22 августа 1799 года, когда Наполеон поднялся по борту фрегата "Мюиرون" во Францию. Его сопровождали несколько его верных охранников и восемь спутников, будь то офицеры армии или члены научного корпуса. На борту кораблей находилось пятьсот солдат. На сирийском небе ярко сияли звезды, и в их мягком свете голубые волны Средиземного моря мирно расстилались перед ними. Фрегаты распустили паруса. Наполеон, молчаливый и погруженный в свои мысли, долго ходил по шканцам корабля, глядя на низкие очертания Египта, которые в тусклом свете звезд исчезали вдаль. Его спутники были опьянены восторгом перед предстоящим возвращением во Францию. Наполеон не был ни в приподнятом

настроении, ни в унынии. Безмятежный и безмолвный, он общался сам с собой, и всякий раз, когда нам удастся мельком увидеть эти тайные общения, мы обнаруживаем, что они всегда несут на себе отпечаток величия. Хотя у Наполеона была привычка навещать солдат у их походных костров, садиться и беседовать с ними с величайшей свободой и фамильярностью, величие его характера внушало благоговейный страх его офицерам, а обожание и сдержанность смешивались с их любовью. Хотя в его поведении не было надменности, он обычно возвышался над ними всеми. Их разговоры были о картах, вине, хороших женщинах. Мысли Наполеона были об империи, о славе, о том, как вершить судьбы народов. Они смотрели на него не как на компаньона, а как на мастера, чьи желания они любили предвосхищать; ибо он, несомненно, привел бы их к богатству, славе и преуспеванию. Он рассматривал их не как равных и доверчивых друзей, а как эффективные и ценные инструменты для достижения своих целей. Мюрат был для Наполеона отрядом из десяти тысяч всадников, всегда готовых к безжалостной атаке. Ланн представлял собой фалангу пехоты, оцетинившуюся штыками, которую ни артиллерия, ни кавалерия не могли сокрушить. Ожеро представлял собой вооруженную колонну непобедимых войск, черных, плотных, массивных, стремительных, не знающих сопротивления, двигавшихся гигантской поступью туда, куда указывал палец завоевателя. Это были всего лишь члены тела Наполеона, члены, послушные могучей душе, которая ими управляла. Они не были спутниками его мыслей, они были только слугами его воли. Было мало людей, с которыми душа Наполеона могла бы пребывать в сочувственной дружбе, — очень мало.

Наполеон очень низко оценивал человеческую природу и, следовательно, делал большую скидку на недостатки, присущие человечеству. Буррьен сообщает, что он сказал: "Дружба - это всего лишь название. Я никого не люблю; нет, даже своих братьев. Джозефа, возможно, немного. А если я и люблю его, то по привычке и потому, что он старше меня. Дюрок! Ах, да! Я тоже люблю его. Но почему? Его характер мне нравится. Он холодный, сдержанный и решительный, и я действительно верю, что он никогда не проронил ни слезинки. Что касается меня, я хорошо знаю, что у меня нет ни одного настоящего друга. Пока я остаюсь тем, кто я есть, у меня может быть столько притворных друзей, сколько мне заблагорассудится. Мы должны оставить чувствительность женщинам. Это их дело. Мужчины не должны иметь ничего общего с войной или правительством. Я не дружелюбный. Нет, я не дружелюбный. Я никогда им не был. Но я справедлив".

В другом расположении духа, более нежном, более сдержанном, он заметил на острове Святой Елены в ответ Лас Касасу, который с большой суровостью осуждал тех, кто бросил Наполеона в час его невзгод: "Вы не знакомы с мужчинами. Их трудно понять, если кто-то хочет быть строго справедливым. Могут ли они понять или объяснить даже свои собственные характеры? Почти все те, кто бросил меня, если бы я продолжал процветать, возможно, никогда и не мечтали бы о собственном отступничестве. Есть пороки и добродетели, которые зависят от обстоятельств. Наши последние испытания были выше всяких человеческих сил! Кроме того, я был скорее оставлен, чем предан; вокруг меня было больше слабости, чем вероломства. Это было отречение от святого Петра. Слезы и раскаяние, вероятно, близки. И где вы найдете на страницах истории кого-либо, у кого было бы больше друзей и приверженцев? Кто был когда-либо более популярен и любим? О ком когда-либо сожалели более горячо и глубоко? Вот с этой самой скалы, наблюдая за нынешними беспорядками во Франции, у кого не возникло бы искушения сказать, что я все еще правлю там? Нет, человеческая природа могла бы предстать в более отвратительном свете".

Лас Касас, который разделил с Наполеоном его тяжелые годы заключения на острове Святой Елены, говорит о нем: "Он смотрит на сложные обстоятельства своей жизни с такой высоты, что отдельные люди ускользают от его внимания. Он никогда не проявляет ни малейшего признака злобности по отношению к тем, на кого, как можно было бы предположить, у него есть наибольшие основания жаловаться. Его сильнейший признак осуждения, и у меня часто были случаи это замечать, заключается в том, что он хранит молчание по отношению к ним всякий раз, когда они упоминаются в его присутствии. Но как часто приходилось слышать, чтобы он сдерживал бурные и менее сдержанные выражения тех, кто его окружает?"

"И здесь я должен заметить, - говорит Лас Касас, - что с тех пор, как я познакомился с характером императора, я ни разу не видел, чтобы он хоть на мгновение проявил малейшее чувство гнева или враждебности по отношению к тем, кто нанес ему самую глубокую рану. Он говорит о них холодно и без обиды, в какой-то мере приписывая их поведение этому месту, а остальное списывая на человеческую слабость".

Лас Касас сурово осудил Мармона, сдавшего Париж союзникам. Наполеон ответил: "Тщеславие погубило его. Потомство справедливо бросит тень на его характер, но его сердце будет цениться больше, чем память о его карьере ". "Ваша привязанность к Бертье, - сказал Лас Касас, - удивила нас. Он был полон претензий и гордыни". "Бертье не был лишен таланта". Наполеон ответил: "И я далек от желания отрицать его заслуги или мое пристрастие; но он был так нерешителен!" Он был очень резок и властолюбив". Лас Касас возразил. "А что, мой дорогой Лас Касас, - ответил Наполеон, - является более властным, чем слабость, которая чувствует себя защищенной силой! Посмотрите, например, на женщин". Этот Бертье с величайшей подлостью бросил своего благодетеля и занял его место перед каретой Людовика XVIII. когда он с триумфом въезжал в Париж. "Единственная месть, которую я желаю этому бедняге Бертье, - сказал тогда Наполеон, - это увидеть его в костюме капитана личной гвардии Людовика".

Говорит Буррьен, отвергнутый секретарь Наполеона: "Характер Наполеона не был жестоким. Он не был ни злобным, ни мстительным. Никто, кроме тех, кто ослеплен яростью, не мог бы назвать его именем Нерона или Калигулы. Я думаю, что изложил его реальную вину с достаточной искренностью, чтобы мне поверили на слово. Я могу утверждать, что Бонапарт, помимо политики, был добр и доступен жалости. Он очень любил детей, а у плохого человека редко бывает такое расположение духа. В привычках частной жизни у него было, и выражение это не слишком сильное, много доброжелательности и большого снисхождения к человеческим слабостям. Противоположное мнение слишком прочно укоренилось в некоторых умах, чтобы я мог надеяться его устранить. Боюсь, у меня найдутся противники; но я обращаюсь к тем, кто ищет истину. Я жил в самом безоговорочном доверии к Наполеону до тридцати четырех лет, и я ничего не продвигаю легко ". Это признание того, кто был отстранен от должности Наполеоном и стал придворным восстановленных бурбонов. Это искреннее признание врага.

Корабли снялись с якоря в ночной темноте, надеясь до рассвета скрыться от английских крейсеров, которые кружили около Александрии. К сожалению, в полночь ветер стих, и наступил почти полный штиль. Опасаясь попасть в плен, некоторые стремились снова найти берег. "Успокойтесь, - сказал Наполеон, - мы пройдем в безопасности".

Адмирал Гантеум пожелал отправиться во Францию кратчайшим путем. Наполеон, однако, приказал адмиралу плыть как можно ближе к побережью Африки и продолжать этот малолюдный маршрут до тех пор, пока корабли не пройдут остров Сардиния. "Тем временем, -

сказал он, - если появится английский флот, мы сойдем на берег в песках и двинемся с горсткой храбрецов и теми немногими артиллерийскими орудиями, которые у нас есть, в Оран или Тунис, а там найдем способ снова погрузиться на корабль". Таким образом, Наполеон в этом рискованном предприятии отважился на все опасности. Самой неминуемой и самой страшной из всех было заключение в английской тюрьме. В течение двадцати дней ветер был настолько неизменно неблагоприятным, что корабли не продвинулись и на триста миль. Многие были настолько обескуражены и так опасались захвата, что даже предлагалось вернуться в Александрию. У Наполеона была привычка мирно смиряться с тем, чего он не мог исправить. В течение всех этих тяжелых недель он казался совершенно безмятежным и довольным. На перешептывание своих спутников он ответил: "Мы прибудем во Францию в безопасности. Я полон решимости продолжать путь, несмотря ни на что. Удача не покинет нас". "Люди часто говорят, - говорит Буррьен, сопровождавший Наполеона в этом путешествии, - о счастливой судьбе, которая сопутствует человеку и даже сопровождает его в подобном предопределении, но, когда я вспоминаю многочисленные опасности, которых избежал Бонапарт в стольких предприятиях, опасности, с которыми он столкнулся, шансы, которыми он пользовался, я могу представить, что другие могут верить в это. Но, долгое время изучая "человека судьбы", я заметил, что то, что называлось его удачей, на самом деле было его гением; что его успех был следствием его замечательной дальновидности — его быстрых, как молния, расчетов и убежденности в том, что смелость часто является самой истинной мудростью. Если бы, например, во время нашего путешествия из Египта во Францию он не настоял на том, чтобы следовать курсом, отличным от того, которым обычно следуют, и этот обычный курс был рекомендован адмиралом, избежал бы ли бы он опасностей, подстерегающих его на пути? Вероятно, нет. И было ли все это результатом случайности. Конечно, нет.

В эти дни напряженного ожидания Наполеон, по-видимому, столь же безмятежный духом, как штиль, который часто серебрил невозмутимую поверхность моря, держал всю энергию своего разума под совершенным контролем. Избранная библиотека, которую он неизменно брал с собой, куда бы ни отправлялся. Он посвящал часы учебным занятиям, находя развлечение в решении сложнейших задач по геометрии, а также в изучении химии и других научных дисциплин, имеющих практическое значение. Он уделял много времени беседам с выдающимися учеными, которых он выбрал себе в сопровождающие. Казалось, вся его душа была поглощена поисками литературных и научных достижений. Он также тщательно и с величайшим интересом изучал Библию и Коран, исследуя взглядом философа антагонистические системы христиан и мусульман. Ограниченность Священных Писаний очаровала его. Он снова и снова с глубоким восхищением перечитывал нагорную проповедь Христа и позвал своих товарищей из-за карточных столов прочесть ее им, чтобы они также могли оценить ее нравственную красоту и красноречие. "Скоро ты сам станешь набожным", - сказал один из его неверующих товарищей. "Хотел бы я стать таким", - ответил Наполеон. "Каким утешением должно быть христианство для того, кто обладает несомненной убежденностью в его истинности". Но практическое христианство он видел только в ряженных папской церкви. Вспоминая посты, бдения, епитимьи, монастыри, бичевания развращенного христианства и противопоставляя их сладострастному раю и чувственным гуриям, которые воспламеняли страстное видение мусульманина, он однажды воскликнул фразой, характерной для его гения: "Религия Иисуса - это угроза, религия Магомета". Религия Иисуса не представляет угрозы. Хотя гнев Божий обрушится на детей непослушания, наш Спаситель с мягкими интонациями приглашает нас к зеленым пастбищам и тихим водам Небесного Ханаана;

к городам, блистающим жемчугом и золотом; к особнякам, архитектором которых является Бог; к песням серафимов и полету херувимов, исследующих на неутомимой шестерне чудеса бесконечности; к покою совести и восторгу, пребывающим в чистом сердце, и к благословенному общению с любящими и возлюбленными; к величию личности и возвышенности интеллекта; к появляйтесь как дети и как аристократы в зале аудиенций Бога; к безнравственному блаженству. Религия Иисуса не представляет угрозы, хотя ее слишком часто таким образом представляли ее ошибочные или коварные защитники.

Однажды вечером группа офицеров беседовала на шканцах о существовании Бога. Многие из них не верили в его существование. Это была тихая, безоблачная, сияющая ночь. Небеса, творение Божьих перстов, великолепно покрывали их. Луна и звезды, предопределенные Богом, сияли на них безмятежным блеском. Когда они легкомысленно излагали аргументы атеизма. Наполеон расхаживал взад и вперед по палубе, не принимая участия в разговоре и, по-видимому, погруженный в свои мысли. Внезапно он остановился перед ними и сказал тем тоном достоинства, который всегда внушал благоговейный трепет: "Джентльмены, ваши аргументы очень убедительны. Но кто создал все эти миры, которые так великолепно сияют над нами? Вы можете мне это сказать? Никто не ответил. Наполеон продолжил свою молчаливую прогулку, и офицеры выбрали другую тему для разговора.

Во время этих напряженных занятий Наполеон впервые начал ценить красоту и возвышенность христианства. До этого его собственный здравый смысл научил его принципам благородной терпимости; и к евреям, христианам и мусульманам он относился в равной степени. Теперь он начал постигать непревзойденное совершенство христианства. И хотя заботы самой напряженной жизни, через которую когда-либо проходил смертный, вскоре поглотили его энергию, эта признательность и восхищение Евангелием Христа заметно возрастали с каждым последующим годом. Он непоколебимо противостоял насмешкам неверующей Европы, восстанавливая христианскую религию в языческой Франции. Он поставил под угрозу свою популярность в армии и пренебрег противодействием своих самых влиятельных друзей из-за своего глубокого убеждения в важности религии для благосостояния государства. С неподражаемой силой своего собственного пламенного красноречия он сказал Монтолону на острове Святой Елены: "Я знаю людей, и я говорю вам, что Иисус Христос - не человек! Религия Христа - это тайна, которая существует своей собственной силой и исходит из разума, который не является человеческим разумом. Мы находим в ней ярко выраженную индивидуальность, породившую ряд слов и максим, неизвестных ранее. Иисус ничего не заимствовал из наших знаний. Он показал себя совершенным примером своих заповедей. Иисус не философ, ибо его доказательствами являются его чудеса, и с самого начала его ученики обожали его. На самом деле, ученость и философия бесполезны для спасения; и Иисус пришел в мир, чтобы раскрыть тайны небес и законы духа. Александр, Цезарь, Карл Великий и я сам основали империи. Но на чем основывались творения нашего гения? на силе. Только Иисус Христос основал свою империю на любви. И в этот момент миллионы людей готовы умереть за него. Я умру раньше времени, и мое тело будет возвращено земле, чтобы стать пищей для червей. Такова судьба того, кого называли великим Наполеоном. Какая пропасть между моим глубоким страданием и вечным царством Христа, которое провозглашается, любимо и обожаемо и которое простирается по всей земле! Вы называете это умиранием? Не вернее ли это жить? Смерть Христа - это смерть Бога!"

Во время вторжения в Египет Наполеон относился ко всем формам религии с равным уважением. И хотя он считал христианство превосходящим по интеллектуальности и утонченности все другие формы богослужения, он не считал ни одну религию божественного происхождения. Однажды, говоря о курсе, которого он придерживался в Египте, он сказал: "Расположение армии было таково, что для того, чтобы заставить их прислушаться к простому упоминанию религии, я был вынужден говорить на эту тему очень легкомысленно; поставить евреев рядом с христианами, а раввинов - рядом с епископами. Но, в конце концов, это было бы не так уж необычно, если бы обстоятельства побудили меня принять исламизм. Но у меня, должно быть, были веские причины для моего обращения. Я должен был быть уверен, что продвинулся по крайней мере до Евфрата. Смена религии в личных интересах непростительна. Но это можно простить, учитывая огромные политические результаты. Генрих IV сказал: "Париж стоит мессы". Скажут ли тогда, что господство на Востоке и, возможно, покорение всей Азии не стоило тюрбана и пары штанов? И, по правде говоря, все дело сводилось к этому. Шейхи изучили, как облегчить нам задачу. Они устранили большие препятствия, разрешили нам пить вино и обошлись без всех материальных формальностей. Мы должны были потерять только нашу скромную одежду и шляпы".

О неверном Руссо Наполеон всегда отзывался с суровым осуждением. "Он был плохим человеком, очень плохим человеком, - сказал он, - он вызвал революцию". "Я не знал, - ответил другой, - что вы считаете Французскую революцию таким явным злом". "Ах, - возразил Наполеон, - вы хотите сказать, что без революции у вас не было бы меня. Тем не менее, без революции Франция была бы более счастлива". Когда его пригласили посетить эрмитаж Руссо, посмотреть на его шапку, стол, большое кресло и т. Д., Он воскликнул: "Ба! У меня нет вкуса к подобным глупостям. Покажи их моему брату Луи. Он достоин их."

Вероятно, следующие замечания Наполеона, сделанные на острове Святой Елены, дадут очень правильное представление о его преобладающем отношении к предмету религии.

"Религиозное чувство настолько утешительно, что его следует рассматривать как дар Небес. Каким ресурсом не было бы для нас здесь обладать им. Каких наград я не имею права ожидать, кто сделал такую экстраординарную, такую бурную карьеру, какой была моя, не совершив ни единого преступления. И все же, в скольких из них я мог бы не быть виновен? Я могу предстать перед судом Божьим, я могу без страха ожидать его суда. Он не сочтет мою совесть запятнанной мыслями об убийствах и отравлениях, о причинении насильственных и преднамеренных смертей - событиях, столь распространенных в истории тех, чья жизнь похожа на мою. Я желал только власти, величия, славы Франции. Все мои способности, все мои усилия, все мои движения были направлены на достижение этой цели. Это не может быть преступлением. Для меня они казались добродетельными поступками. Каким же тогда было бы мое счастье, если бы блестящая перспектива будущего представилась, чтобы увенчать последние мгновения моего существования".

После минутной паузы, во время которой он, казалось, погрузился в свои мысли, он продолжил: "Но как это возможно, что убежденность может найти путь к нашим сердцам, когда мы слышим абсурдные формулировки и становимся свидетелями незаконного поведения большей части тех, чье дело - проповедовать нам. Я окружен священниками, которые непрестанно повторяют, что их правление не от мира сего; и все же они прибирают к рукам все, что могут заполучить. Папа Римский - глава той религии, которая ниспослана с Небес. Чего только не предложил нынешний верховный понтифик, который, несомненно, является хорошим и святым человеком,

за то, чтобы ему разрешили вернуться в Рим. Отказ от управления церковью, от института епископов был для него не таким уж большим подарком, чтобы снова стать светским князем.

"Тем не менее, - продолжил он после еще одной задумчивой паузы, - не подлежит сомнению, что как император я ощущал недоверие, которое было полезно нациям, которыми мне приходилось управлять. Как мог бы я одинаково благоволить сектам, столь противоположным друг другу, если бы присоединился к какой-либо из них? Как я мог бы сохранить независимость своих мыслей и поступков под контролем исповедника, который управлял бы мной, несмотря на страх ада!" Наполеон завершил этот разговор, приказав принести Новый Завет. Начав с начала, он зачитал вслух до конца обращение нашего Спасителя к своим ученикам на горе. Он выразил свое глубочайшее восхищение, созерцая его чистоту, возвышенность и прекрасное совершенство его морального кодекса.

В течение сорока дней корабли подгоняли встречные ветры, и 1 октября они достигли острова Корсика и укрылись в гавани Аяччо. Весть о том, что Наполеон высадился в своем родном городе, пронеслась по острову подобно шторму, и все население столпилось в порту, чтобы увидеть своего прославленного соотечественника. "Казалось, - сказал Наполеон, - что половина жителей обнаружила следы родства". Но прошло несколько лет с тех пор, как жилище мадам Летиции было разграблено толпой, и вся семья Бонапартов, испытывавшая нужду и одиночество, была изгнана из своего дома, совершив побег ночью на открытой лодке. Теперь имя Бонапарта наполнило остров одобрительными возгласами. Но Наполеон был одинаково равнодушен к такому несправедливому порицанию и к таким бездумным аплодисментам. Поскольку проклятие не угнетало, осанна также не вызывала восторга.

После нескольких дней задержки с получением припасов корабли снова снялись с якоря 7 октября и продолжили свое опасное плавание. Вечером следующего дня, когда солнце садилось в необычайном великолепии, на западе появилась английская эскадра, рельефно вырисовывавшаяся на фоне его золотых лучей. Адмирал, видевший по сигналам противника, что за ним наблюдают, настаивал на немедленном возвращении на Корсику. Наполеон, убежденный, что результатом такого маневра станет плен, воскликнул: "Поступить так означало бы отправиться в Англию.

Я отправляю это во Францию. Поднять все паруса. Пусть каждый будет на своем посту. Держи курс на северо-запад. Вперед ". Ночь была темная, ветер попутный. Корабли быстро приближались к побережью Франции, пробираясь сквозь вражескую эскадру и подвергаясь самой неминуемой опасности захвата. Побег казался невозможным. Это была ночь страшных предчувствий и ужаса для всех на борту, за исключением Наполеона. Он решил в случае крайней необходимости броситься в лодку и довериться темноте и веслам. С полнейшим самообладанием и душевным спокойствием он приказал приготовить баркас, отобрал тех, кого хотел взять с собой, и тщательно собрал те бумаги, которые хотел сохранить. Ночью ни один глаз не сомкнулся. Это был действительно страшный вопрос, требующий решения. Окажутся ли эти усталые странники через несколько часов в объятиях своих жен и детей, или в следующий момент им покажут черный корпус английского военного корабля, выступающий из мрака, чтобы обречь их на долгие годы заточения в английской тюрьме? В этот ужасный час никто не мог заметить, что самообладание Наполеона было хоть в малейшей степени поколеблено. Первые утренние лучи открыли их напряженному зрению холмы Франции, простиравшиеся

всего в нескольких лигах перед ними, и далеко, на северо-востоке, вражескую эскадру, исчезающую за морским горизонтом. Французы спаслись. С кораблей раздались самые дикие крики радости. Но Наполеон спокойно взирал на свою любимую Францию, с бледными щеками и мраморным челом, слишком гордый, чтобы проявлять эмоции. В восемь часов утра четыре корабля бросили якорь в маленькой гавани Фрежюса. Это было утром 8 октября. Таким образом, в течение пятидесяти дней Наполеон носился по волнам Средиземного моря, окруженный враждебными силами Англии, России и Турции, и все же ускользнул от их бдительности.

Этот замечательный пассаж о Наполеоне породил множество карикатур, как в Англии, так и во Франции. Одна из этих карикатур, красовавшаяся на витринах лондонских магазинов, содержала столько смысла и исторической правды, что Наполеон, как говорят, от души рассмеялся, увидев ее. Лорд Нельсон, как хорошо известно, при всем своем героизме не был свободен от слабостей человечества. Британский адмирал был представлен как охраняющий Наполеона. Появляется леди Гамильтон, и его светлость настолько поглощен ласками прекрасной чаровницы, что Наполеон убегает у него между ног. Вряд ли это была карикатура. Это была почти историческая истина. В то время как Наполеон боролся с неблагоприятными штормами у берегов Африки, лорд Нельсон, увенчанный лаврами своей великолепной победы, любовно развлекался со своей хрупкой Далилой и нежился при дворах сладострастных и расточительных королей. "Никто, - сказал Наполеон, - не может отдаться во власть любви, не лишившись нескольких пальм славы".

Когда четыре судна вошли в гавань Фрежюса, сигнал на верхушке мачты "Мюирона" сообщил властям на берегу, что Наполеон находится на борту. Весь город мгновенно пришел в волнение. Еще до того, как были брошены якоря, гавань наполнилась лодками, и восторженная толпа окружила корабли, карабкаясь по их бортам, заполняя палубы и оглашая воздух своими приветствиями. Все законы карантина были нарушены. Народ, уставший от анархии и дрожащий перед приближающимся австрийским вторжением, был почти вне себя от восторга, получив таким образом как бы с небес избавителя, в могущество которого они могли безоговорочно верить. Когда их предупредили, что корабли недавно отплыли из Александрии и что существует неминуемая опасность распространения чумы, они ответили: "Мы предпочли бы иметь чуму, чем австрийцев", - нарушая все муниципальные санитарные правила, люди схватили Наполеона почти насильно, поспешно перенесли его через борт корабля к шлюпкам и с триумфом доставили на берег. Весть об этом распространилась от фермы к ферме почти с электрической скоростью, и все население деревни - мужчины, женщины и дети - столпилось на берегу. Даже раненые солдаты в госпитале покинули свои койки и поползли к берегу, чтобы увидеть героя. Толпа стала такой большой, что Наполеон с трудом смог приземлиться. Однако собравшаяся толпа расступилась направо и налево, и Наполеон прошел сквозь них, приветствуемый восторженными криками: "Да здравствует завоеватель Италии, покоритель Египта, освободитель Франции". Мирная маленькая гавань Фрежюса внезапно пришла в состояние неслыханного волнения. Колокола зазвонили самым веселым звоном. Орудия в фортах раскатывали свой самый сильный грохот над холмами и волнами, и восторженные крики все увеличивающейся толпы, окружавшей Наполеона, наполняли воздух. Корабли принесли первые вести о замечательных победах при горе Фавор и Абукире. Французы, униженные поражением, были чрезвычайно воодушевлены этим восстановлением национальной чести. Известие о прибытии Наполеона было немедленно передано по телеграфу в Париж, который находился в шестистах милях от Фрежюса.

Когда вечером 9 октября в Париж прибыла весть о высадке Наполеона во Фрежюсе, Жозефина была на большом приеме в доме мсье Гойе, президента Директории. Там были все самые выдающиеся люди столицы. Разведданные произвели глубочайшую сенсацию. Некоторые, бунтующие из-за служебной добычи, побледнели от страха; хорошо зная гений Наполеона и его безграничную популярность, они опасались новой революции, которая могла бы свергнуть их с постов у власти. Другие были окрылены надеждой; они чувствовали, что Провидение послало во Францию избавителя в тот самый момент, когда избавитель был необходим. Один из депутатов, глубоко опечаленный бедствиями, обрушившимися на Республику, фактически умер от радости, когда услышал о возвращении Наполеона. Жозефина, сильно взволнованная внезапным и совершенно неожиданным заявлением, немедленно ретировалась, поспешила домой, а в полночь, не дав ни часа на отдых, села в свой экипаж вместе с Луи Бонапартом и Гортензией, которая впоследствии стала невестой Людовика, и отправилась встречать своего мужа. Наполеон почти в тот же час со своей свитой покинул Фрежюс. Во время каждой остановки его продвижения его встречали самыми необычайными проявлениями энтузиазма и привязанности. С холмов полыхали костры, торжествовали арки, девушки торопливо расстилали ковер из цветов для колес его колесницы и приветствовали его улыбками и приветственными возгласами. Вечером он выступал в Лионе. Весь город сиял иллюминацией. Огромная толпа окружила его с почти безумными криками радости. Официальные власти встретили его, когда он выходил из кареты. Майор приготовил для этого случая длинную хвалебную речь. У Наполеона не было времени ее слушать. Жестом руки установив тишину, он сказал: "Джентльмены, я узнал, что Франция в опасности, поэтому без колебаний оставил свою армию в Египте, чтобы прийти ей на помощь. Теперь я ухожу отсюда. Через несколько дней, если вы сочтете нужным нанести мне визит, у меня будет свободное время, чтобы выслушать вас." К этому времени к экипажам были привязаны свежие лошади, и кавалькада, которая подобно метеору ворвалась в них, подобно метеору исчезла. Из Лиона по какой-то необъяснимой причине Наполеон свернул с обычного маршрута в Париж и поехал менее оживленной дорогой. Когда Жозефина прибыла в Лион, к своему крайнему ужасу, она обнаружила, что Наполеон покинул город за несколько часов до ее прибытия и что они разошлись разными дорогами. Ее страдания были невыразимы. В течение многих месяцев она не получала ни строчки от своего обожаемого мужа, все сообщения были перехвачены английскими крейсерами. Она знала, что многие, завидуя ее власти, повсюду распространяли ложные слухи о ее поведении. Она знала, что эти люди, ее враги, окружают Наполеона сразу же по его прибытии и воспользуются ее отсутствием, чтобы настроить его против нее. Лион находится в 245 милях от Парижа. Жозефина преодолела эти утомительные лиги холмов и долин, продвигаясь вперед без перерыва, днем и ночью, не останавливаясь ни для того, чтобы освежиться отдыхом. Ослабевшая, измученная, с замирающим сердцем от ужасных предчувствий безнадежного отчуждения своего мужа, она получила ужасное известие о том, что скучала по нему. У нее не оставалось иного выхода, кроме как проделать обратный путь с максимально возможной быстротой. Однако Наполеон пробыл бы в Париже один или два дня, прежде чем Жозефина смогла бы, при любой возможности, вернуться в город. Вероятно, во всей Франции в то время не было более несчастной женщины, чем Жозефина.

Тайное несчастье также терзало сердце Наполеона. Кто еще не постиг тайну человеческой любви! Самая сильная любовь и самая сильная ненависть могут в один и тот же момент переплести свои нити в неразрывном единстве. Ни в чем воля не бывает столь бессильной, как в том, чтобы направлять или сдерживать порывы этой всемогущей страсти. Наполеон любил

Жозефину с той почтисверхчеловеческой энергией, которая характеризовала все движения его порывистого духа. Ручей не волновался и не журчал по неглубокому руслу, но он был безмятежен в своих непостижимых глубинах. В мире было только две цели для Наполеона - слава и Жозефина; сначала слава, а затем близкое следование за более существенным идолом.

Многие парижские дамы, гордившиеся более высоким происхождением, чем могла похвастаться Жозефина, чрезвычайно завидовали превосходству, которого она достигла благодаря известности своего мужа. Ее влияние на Наполеона было хорошо известно. Философы, государственные деятели, амбициозные генералы - все они заполняли ее салоны, отдавая ей дань уважения. Они знали, что благосклонное слово Жозефины проложит им путь к славе и богатству. Таким образом, Жозефина из парижских салонов более мягким сиянием отражала величие своего мужа. Она заботилась о том, чтобы заполучить как можно больше друзей, которые могли бы помочь ему в будущих чрезвычайных ситуациях, была так же усердна в "завоевании сердец" дома, как Наполеон в завоевании провинций за границей. Грациозность Жозефины, ее непревзойденная тонкость нравственного восприятия, ее возвышенные интеллектуальные способности, мелодичный тембр ее обаятельного голоса очаровывали как придворных, так и философов и государственных деятелей. Ее салуны всегда были переполнены. Ее развлечения всегда украшались присутствием всех, кто был известен по рангу и власти в столице. И в каких бы кругах она ни появлялась, взгляды джентльменов в первую очередь обращались на нее. Их влекли два непреодолимых влечения. Она была необычайно обворожительна лично и по характеру, и через своего знаменитого мужа могла раздавать самые ценные подарки. Нетрудно представить себе зависть, которая, должно быть, была таким образом возбуждена. Многие надменные герцогини были почти до предела раздражены тем, что Жозефина, безымянная дочь плантатора из Вест-Индии, таким образом завоевала уважение Парижа, в то время как она, с ее гордым положением, остроумием и красотой, была сравнительно незаметна. Жена Моро, в частности, возмущалась превосходством Жозефины как личным оскорблением. Она считала, что генерал Моро имеет право на такое же уважение, как и генерал Бонапарт. Из-за ревности, терзавшей ее саму, ей в конце концов удалось побудить своего мужа к заговору против Наполеона, и таким образом герой Гогенлиндена был погублен. Некоторые из братьев и сестер Наполеона также завидовали главенствующему влиянию Жозефины и с радостью вырвали бы часть его из ее рук. В этих обстоятельствах различными путями до ушей Наполеона осторожно доходили слухи о поведении его жены. Враги-заговорщики становились все более и более дерзкими. Жозефина была представлена как забывшая своего мужа, как упивающаяся женским тщеславием, предающаяся всеобщему флирту; и, наконец, как виновная в грубой неверности. Почти все письма, написанные Наполеоном и Жозефиной друг другу, были перехвачены английскими крейсерами. Хотя Наполеон не верил этим обвинениям полностью, он питал немалую гордость, которая заставила римского монарха воскликнуть: "Жена цезаря не должна быть заподозрена".

Последние месяцы своего пребывания в Египте Наполеон пребывал в смятенном состоянии духа. Однажды он сидел один в своей палатке, разбитой в великой аравийской пустыне. Прошло несколько месяцев с тех пор, как он слышал хоть слово от Жозефины. Могут пройти годы, прежде чем они встретятся снова. Жюно вошел, только что получив по какому-то каналу зависти и недоброжелательства сообщения из Парижа. Осторожно, но полно он раскрыл весь запас парижских сплетен. Жозефина нашла, как он выразился, в любви других достаточную компенсацию за отсутствие мужа. Ее окружали поклонники, с которыми она была вовлечена в непрерывный круговорот интриг и флирта. Невзирая на честь, она отдалась во власть страсти.

Несколько мгновений Наполеон пребывал в состоянии страшного волнения. Торопливыми шагами, как раздосадованный лев, он расхаживал по своей палатке, восклицая: "Почему я так люблю эту женщину? Почему я не могу вырвать ее образ из своего сердца? Я сделаю это. У меня будет немедленный и открытый развод - открытый и публичный ". Он немедленно написал Жозефине, в предельной строгости обвинив ее в том, что она играет в кокетку с половиной мира". Письмо ускользнуло от британских крейсеров, и она его получила. Это почти разбило ее верное сердце. Таковы были обстоятельства, при которых Наполеону и Жозефине предстояло встретиться после восемнадцатимесячного отсутствия. Жозефине очень хотелось увидеть Наполеона до того, как он побеседует с ее врагами. Отсюда та глубина страдания, с которой она услышала, что ее муж ушел от нее. Должно было пройти два или три дня, прежде чем она смогла преодолеть те утомительные мили, которые уже преодолела.

Тем временем карета Наполеона быстро приближалась к столице. Ночью его путь был освещен кострами и иллюминацией. Звон колоколов, грохот артиллерии и одобрителные возгласы толпы сопровождали его на каждом шагу. Но ни одна торжествующая улыбка не играла на его бледных и задумчивых щеках. Он чувствовал, что возвращается в покинутый дом. Мрак царил в его сердце. Он въехал в Париж и быстро поехал к своему дому. Вот, Жозефины там не было. Сознание вины, думал он, заставило ее бояться встречи с ним. Тщетно пытаться проникнуть в тайную муку души Наполеона. В том, что его гордый дух, должно быть, испытал сильное горе, никто не может сомневаться. Злейшие враги Жозефины немедленно окружили его, охотно пользуясь ее отсутствием, чтобы ловкими намеками еще сильнее разжечь его ревность и гнев. Юджин сопровождал его в его возвращении из Египта, и его нежное сердце всегда светилося любовью и восхищением к своей матери. С тревогой, доходящей до тоски, он ждал ее приезда из окна. Один из них сказал Наполеону, злонамеренно пытаясь предотвратить возможность примирения: "Жозефина предстанет перед вами со всеми своими прелестями. Она все объяснит. Вы все простите, и спокойствие будет восстановлено". "Никогда!" - воскликнул Наполеон с побледневшими щеками и дрожащими губами, нервно шагая взад и вперед по комнате. "Никогда! Я прощаю! навсегда! Затем, внезапно остановившись и дико глядя собеседнику в лицо, он воскликнул, страстно жестикулируя: "Вы меня знаете. Если бы я не был уверен в своем решении, я бы вырвал это сердце и бросил его в огонь".

Как странна жизнь человеческого сердца. Из этой беседы следует, что Наполеон через два часа после своего прибытия в Париж, всей душой взволнованный суматохой домашнего горя, отправился в Люксембургский дворец, чтобы навестить Директорию и составить свои планы по свержению правительства Франции. Бледный, задумчивый, безрадостный, его непреклонные амбиции не поколебались — его железная энергия не сдалась. Жозефина была идолом. Он ненавидел ее и обожал. Он любил ее самым страстным образом. Он ненавидел ее самым яростным образом. В одно мгновение он мог прижать ее к своей груди жгучими поцелуями; в следующее мгновение он оттолкнул бы ее от себя, как самую отвратительную негодяйку. Но слава была еще более почитаемым идиолом, перед чьим святилищем он преклонялся с непоколебимым обожанием. Он стремился забыть о своем домашнем убожестве, с новой энергией претворяя в жизнь свои грандиозные планы. Когда он поднимался по лестнице Люксембургского дворца, несколько гвардейцев, которые были с ним в Италии, узнали его, и его немедленно приветствовали восторженными криками. "Да здравствует Бонапарт". Этот шум, подобно раскату грома, прокатился по просторным залам дворца и, подобно похоронному звону, достиг ушей Директоров. Толпа, собравшаяся на тротуаре, уловила этот звук и эхом разнесла его по улицам. Представления в театрах и песни в опере были прекращены, чтобы со

сцены можно было объявить, что Бонапарт прибыл в Париж. Мужчины, женщины и дети одновременно вскочили на ноги, и дикий взрыв восторженной радости наполнил ночной воздух. Весь Париж был в смятении. Имя Бонапарта было у всех на устах. Энтузиазм был заразителен. Иллюминации начали вспыхивать тут и там, без согласования, от всеобщего ликования, пока весь город не залился светом. Один колокол издал свой веселый приветственный звон, затем другой, и еще, и еще, пока каждая колокольня не зазвучала громким приветствием. Раздался выстрел из пушки, раскатившийся своими тяжелыми раскатами над городом. Это был сигнал к мгновенному оглушительному реву артиллерии и ружей, всех батальонов метрополии. Вест о великих победах при Абукире и горе Фавор достигла Парижа вместе с Наполеоном. Эти восточные имена выкрикивались на улицах и сияли в глазах восхищенных людей буквами света. Таким образом, через час весь Париж был повергнут в безумие радости, было показано самое триумфальное и великолепное празднество.

Правительство Франции в то время было организовано в некоторой степени по образцу Соединенных Штатов. Вместо одного президента у них пять, называемых директорами. Их Сенат назывался Палатой Древних; их Палата представителей - Советом Пятисот. Пятеро Директоров, как и следовало ожидать, постоянно ссорились между собой, каждый желал получить львиную долю власти. Монархист, якобинец и умеренный республиканец не могли гармонично сотрудничать в правительстве, они только обходили друг друга, в то время как администрация погрузилась в немилость и разорение. Отец аббата был, несомненно, самым способным человеком в Исполнительной власти. Он был гордым патрицием, и о его характере можно судить по следующему анекдоту, который рассказал о нем Наполеон:

- Аббат до революции был капелланом одной из принцесс. Однажды, когда он служил мессу перед ней, ее слугами и большой паствой, произошло нечто такое, из-за чего принцессе пришлось покинуть комнату. Фрейлины и знать, которые посещали церковь скорее из почтения к ней, чем из какого-либо религиозного чувства, последовали ее примеру. Сийес был очень занят чтением своих молитв и в течение нескольких мгновений не заметил их ухода. Наконец, подняв глаза от книги, он увидел, что принцесса, вельможи и весь свет исчезли. С выражением неудовольствия и презрения он захлопнул книгу и спустился с кафедры, воскликнув: "Я не читаю молитв за чернь". Он немедленно вышел из часовни, оставив службу наполовину законченной".

Наполеон прибыл в Париж вечером 17 октября 1799 года. Прошло два дня и две ночи, прежде чем Жозефина смогла преодолеть те утомительные лиги, которые она преодолела. Было около полуночи 19-го, когда послышался стук колес ее экипажа, въезжающего во двор их дома на улице Шантерен. Евгений, с нетерпением ожидавший ее прибытия, немедленно оказался рядом с матерью и заключил ее в объятия. Наполеон тоже услышал о прибытии, но сурово оставался в своей комнате. У него всегда была привычка встречать Джозефину у дверей ее экипажа, даже когда она возвращалась с обычной утренней прогулки верхом. Какие бы занятия ни занимали его мысли, какие бы гости ни присутствовали, он немедленно бросал все дела и спешил к двери, чтобы помочь Джозефине выйти и проводить ее в дом. Но теперь, после восемнадцатимесячного отсутствия, верная Жозефина, полумертвая от изнеможения, стояла у двери, а Наполеон с побледневшим лицом, поджатыми губами и ревностью, терзавшей его грудь, сурово оставался в своей комнате, готовясь обрушить на нее свой гнев.

Джозефина была в состоянии ужасного возбуждения. Ее конечности дрожали, а сердце билось очень сильно. С помощью Эжена и в сопровождении Гортензии она, дрожа, поднялась по лестнице в маленькую гостиную, где так часто удостаивалась ласк своего самого любящего супруга. Она открыла дверь. Там стоял Наполеон, неподвижный, как статуя, прислонившись к каминной полке и скрестив руки на груди. Сурово и молча он бросил испепеляющий взгляд на Жозефину, а затем воскликнул тоном, который, как кинжал, пронзил ее сердце: "Мадам! Я желаю, чтобы вы немедленно отправились в Мальмезон."

Джозефина пошатнулась и упала бы, словно пораженная смертельным ударом, если бы ее не подхватил на руки сын. Горько рыдая от горя, Эжен отнес ее в ее собственные апартаменты. Наполеон тоже был ужасно взволнован. Вид Жозефины пробудил всю его страстную любовь. Но он был полностью уверен, что Джозефина непростительно играла с его чувствами, что она добивалась восхищения множества льстецов и что она унизила себя и своего мужа, разыгрывая из себя кокетку. Гордый дух Наполеона не мог смириться с таким воздаянием за свою пылкую любовь. Быстрыми шагами он пересек комнату, стараясь подавить свое негодование. Рыдания Джозефины глубоко тронули его. Он страстно желал снова прижать ее с нежностью к своему сердцу. Но он гордо решил, что не смягчится. Джозефина, с присущей ей беспрекословной покорностью, немедленно приготовилась выполнить его приказ. Была полночь. Целую неделю она жила в своем экипаже почти без еды и сна. Мальмезон находился в тридцати милях от Парижа. Наполеон не предполагал, что она выйдет из дома до утра. К его большому удивлению, через несколько мгновений он услышал, как Жозефина, Эжен и Гортензия спускаются по лестнице, чтобы сесть в экипаж. Наполеон, даже в гневе, не мог быть таким бесчеловечным. "Мое сердце, - сказал он, - так и не было создано для того, чтобы видеть слезы без умиления". Он немедленно спустился во двор, хотя гордость еще не позволяла ему заговорить с Джозефиной. Однако он, обращаясь к Юджину, призвал всех вернуться и подкрепиться. Джозефина, сама покорность, без колебаний уступила его желаниям и, снова поднявшись по лестнице, в крайнем изнеможении и горе бросилась на кушетку в своей квартире. Наполеон, такой же несчастный, вернулся в свой кабинет. Прошли два дня невыносимых страданий, в течение которых между отчужденными сторонами не было никаких сношений, каждый из которых любил другого почти со сверхчеловеческой силой.

Любовь в сердце, наконец, восторжествует над всеми препятствиями. Борьба была долгой, но постепенно гордость и страсть уступили, и любовь вновь взяла верх. На третий день Наполеон сдался настолько, что переступил порог квартиры Жозефины. Она сидела за туалетным столиком, закрыв лицо руками, и была погружена в глубочайшее горе. Письма, которые она получила от Наполеона и которые, очевидно, читала, были разложены на столе. Гортензия, воплощение горя и отчаяния, стояла в нише окна. Наполеон тихо приоткрыл дверь, и никто не услышал, как он вошел. Нерешительным шагом он приблизился к жене и сказал ласково и печально: "Жозефина!" Она вздрогнула при звуке этого хорошо знакомого голоса и, подняв опухшие глаза, залитые слезами, скорбно воскликнула: "Монами" — моя подруга. Это было ласковое обращение, с которым она неизменно обращалась к своему мужу. Оно вызвало в памяти тысячу восхитительных воспоминаний. Наполеон был побежден. Он протянул руку. Джозефина бросилась в его объятия, положила свою ноющую голову ему на грудь и в порыве смешанной радости и страдания судорожно зарыдала. Последовало долгое объяснение. Наполеон убедился, что с Жозефиной поступили глубоко несправедливо. Примирение было сердечным и полным, и больше оно никогда не прерывалось.

Теперь Наполеон с более сильным сердцем приступил к осуществлению своих планов по спасению Франции от анархии. Он полностью осознал свою способность управлять страной. Он знал, что почти единодушным желанием народа было, чтобы он взял бразды правления в свои руки. Он был уверен в их сердечном сотрудничестве в любых планах, которые он мог бы принять. И все же это было предприятие немалой трудности - сбросить пятерых Директоров с их тронов и получить контроль над Советом Древних и Пятью Сотнями. Никогда еще трудное достижение не было выполнено с таким мастерством и гордостью.

В течение многих дней Наполеон почти полностью скрывался от посторонних глаз, делая вид, что старательно избегает взглядов публики. Он снял свою военную форму и надел мирный костюм Национального института. Иногда он надевал красивую турецкую саблю, подвешенную на шелковой ленте. Это простое платье переносило воображение зрителя в Абукир, гору Фавор и пирамиды. Он старательно искал общества литераторов и уделял им свое внимание. Он приглашал выдающихся людей Института отобедать с ним и, избегая политических дискуссий, беседовал только на литературные и научные темы.

Моро и Бернадотт были двумя соперничающими генералами, которых Наполеон больше всего опасался. Через два дня после своего прибытия в Париж Наполеон сказал Бурьену: "Я полагаю, что против меня будут Бернадотт и Моро. Но я не боюсь Моро. Он лишен энергии. Он предпочитает военную власть политической. Мы заполучим его, пообещав командование. Но в жилах Бернадотта течет мавританская кровь. Он смел и предприимчив. Я ему не нравлюсь, и я уверен, что он выступит против меня. Если он станет честолюбивым, то отважится на что угодно. Кроме того, этого парня не соблазнить. Он бескорыстен и умен. Но, в конце концов, мы только что прибыли. Посмотрим."

Наполеон не создавал заговора. Он никому не доверял своих замыслов. И все же, в своем одиночестве, полностью полагаясь на собственные обширные ресурсы, он изучил положение дел и разработал свои планы. Сийес был единственным, чьих талантов и влияния опасался Наполеон. Аббат тоже с опаской поглядывал на своего грозного соперника. Они стояли в стороне и смотрели друг на друга. Встретившись на званом обеде, каждый был слишком горд, чтобы заигрывать. И все же каждый думал только о другом. Взаимно раздраженные, они расстались, так и не сказав ни слова. "Вы видели этого наглого маленького человечка?" - сказал Сийес. "Он даже не снизошел бы до того, чтобы заметить члена правительства, который, если бы они поступили правильно, приказал бы расстрелять его". "Что, черт возьми, - сказал Наполеон, - могло побудить их включить этого священника в Директорию. Он продан Пруссии. Если вы не будете осторожны, он отдаст вас в руки этой власти". Наполеон обедал с Моро, который впоследствии из враждебности к Наполеону направил пушки России против колонн своих соотечественников. Званный обед был у (Гойе, одного из директоров. Между соперничающими генералами состоялся следующий интересный разговор. Когда их впервые представили друг другу, они некоторое время молча смотрели друг на друга, и Наполеон, сознавая свое собственное превосходство и стремясь заручиться могущественным содействием Моро, сделал первый шаг вперед и с большой учтивостью выразил искреннее желание познакомиться с ним. "Вы вернулись победителем из Египта. - ответил Моро, - а я из Италии после великого поражения. Это был месяц, который генерал Жубер провел с парами после своей женитьбы, что стало причиной наших бедствий. Это дало союзникам время взять Мантую и подтянуть осаждавшие ее силы для участия в сражении. Всегда большее число побеждает меньшее". "Верно, - ответил Наполеон, - всегда бывает так, что большее число"

побеждает меньшее". "И все же, - сказал Гойе, - с небольшими армиями вы часто побеждали большие". "Даже тогда, - возразил Наполеон, - превосходящие силы всегда терпели поражение от низших. Когда с небольшим отрядом я оказался в присутствии большого отряда, собирая свой маленький отряд, я обрушился, как молния, на одно из крыльев вражеской армии и разгромил его. Воспользовавшись беспорядком, который подобное событие неизменно вызывало во всей их линии, я повторил атаку с таким же успехом в другой четверти, по-прежнему всеми своими силами. Таким образом, я подробно отбил ее. Общая победа, которая стала результатом, все еще была примером истинности принципа, согласно которому большая сила побеждает меньшую". Наполеон, благодаря тому очарованию ума и манер, которое позволяло ему завоевывать расположение того, кого он хотел, вскоре приобрел власть над Моро. И когда через два дня в знак своего уважения он прислал ему прекрасный кинжал, усыпанный бриллиантами, стоимостью в две тысячи долларов, работа была выполнена, и Моро был готов выполнить его просьбу. Наполеон устроил небольшой и очень изысканный званый ужин. Был приглашен Гойе. Разговор зашел о бирюзе, которой жители Востока застегивают свои тюрбаны. Наполеон, встав из-за стола, достал из личного ящика две очень красивые броши, богато украшенные драгоценными камнями. Одну он подарил Гойе, другую - своему испытанному другу Десо. "Это маленькая игрушка, - сказал он, - которую мы, республиканцы, можем дарить и получать без зазрения совести". Директор, польщенный деликатностью комплимента и в то же время не испытывающий отвращения ни к чему, предполагающему грубость взятки, от всего сердца преклонился перед Наполеоном.

Республиканская Франция была окружена монархиями, ополчившимися против нее. Их враждебность была настолько закоренелой и, исходя из самой природы дела, настолько неизбежной, что Наполеон считал, что Франция всегда должна быть готова к нападению и что следует тщательно поддерживать военный дух. Республиканской Америке, к счастью, некого бояться, и вся ее энергия может быть направлена на то, чтобы наполнить страну миром и изобилием, но республика в монархической Европе должна спать рядом со своими пушками. "Неужели вы в самом деле, - сказал Наполеон Гойе в этом интервью, - выступаете за всеобщий мир? Вы ошибаетесь. Республика должна идти только на частичные уступки. Она всегда должна умудряться вести какую-нибудь войну под рукой, чтобы поддерживать боевой дух". Мы можем, возможно, найти небольшое смягчение этому замечанию в его очевидной необходимости и под влиянием воинственного пыла, которым был охвачен Наполеон с самого своего младенчества. Даже сейчас следует опасаться, что пройдет много времени, прежде чем народы земли больше не смогут учиться войне.

Лефевр был комендантом гвардии двух законодательных органов. Его сотрудничество было важным. Наполеон прислал специальное приглашение на собеседование. "Лефевр, - сказал он, - неужели ты, один из столпов Республики, допустишь, чтобы она погибла в руках этих законников? Присоединяйся ко мне и помоги спасти его". Сняв со своего бока красивый турецкий ятаган, который он носил, он повесил ленту на шею Лефевра, сказав: "Прими этот меч, который я носил в битве при Пирамидах. Я дарю его тебе в знак моего уважения и доверия". "Да, - ответил Лефевр, чрезвычайно довольный этим сигнальным знаком доверия и великодушия, - давайте бросим юристов в реку".

Вскоре у Наполеона состоялась беседа с Бернадотом. "Он признался, - сказал Наполеон Бурьенну, - что считал нас всех погибшими. Он говорил о внешних врагах, о внутренних врагах и

при этом слове пристально посмотрел мне в лицо. Я тоже бросил на него взгляд. Но потерпи, груша скоро созреет".

В этом интервью Наполеон выступил с резкой критикой насилия и беззакония якобинского клуба. "Ваши собственные братья, - ответил Бернадотт, - были основателями этого клуба. И все же вы упрекаете меня в том, что я поддерживаю его принципы. Именно указаниям кого-то, я не знаю кого, мы должны приписать волнение, которое сейчас преобладает ". "Верно, генерал, - горячо ответил Наполеон, - и я предпочел бы жить в лесу, чем в обществе, которое не представляет никакой защиты от насилия". Этот разговор только усилил отчуждение, уже существовавшее между ними.

Бернадотт, хотя и был храбрым и умелым офицером, был завзятым хвастуном. Во время первой беседы этих двух выдающихся людей, когда Наполеон командовал итальянской армией, они смотрели друг на друга со взаимной неприязнью. "Я видел человека, - сказал Бернадотт, - двадцати шести или семи лет от роду, который принимает вид пятидесятилетнего; и он предвещает Республике что угодно, только не добро". Наполеон без обиняков отмахнулся от Бернадотта, сказав: "У него французская голова и римское сердце".

В настоящее время Францию разделяли три политические партии: старая партия роялистов, выступающая за реставрацию Бурбонов; радикальные демократы, или якобинцы, во главе с Баррасом, поддерживаемые парижской чернью; и умеренные республиканцы во главе с Сийесом. Все эти партии, боровшиеся вместе и боявшиеся друг друга, посреди царившей всеобщей анархии немедленно обратили свое внимание на Наполеона, надеясь заручиться поддержкой его всемогущей руки. Наполеон решил сотрудничать с умеренными республиканцами. О реставрации Бурбонов не только не могло быть и речи, но у Наполеона было не больше сил для достижения этого результата, чем у Вашингтона для приведения Соединенных Штатов к мирному подчинению Георгу III. "Если бы я присоединился к якобинцам, - сказал Наполеон, - я бы ничем не рисковал. Но после победы с ними было бы необходимо почти немедленно победить их. Клуб не может терпеть постоянного руководителя. Он хочет по одному на каждую последующую пассию. Теперь использовать партию в один прекрасный день, чтобы напасть на нее на следующий, под каким бы предлогом это ни было сделано, все равно является актом предательства. Это противоречило моим принципам".

Сийес, глава умеренных республиканцев, и Наполеон вскоре поняли друг друга, и каждый признал необходимость сотрудничества. В правительстве царил хаос. "Наше спасение теперь требует, - сказал хитрый дипломат, - и головы, и меча". У Наполеона было и то, и другое. Через две недели после того, как он высадился во Фрежусе, "груша созрела". Весь план великого конфликта был полностью разработан. Наполеон, пребывавший в уединенном величии, держал свой собственный совет. Он заручился сердечным сотрудничеством, беспрекословным повиновением всех своих подчиненных. Подобно генералу на поле битвы, он должен был просто отдавать приказы, и колонны маршировали, эскадроны шли в атаку, а генералы подметали поле боя в беспрекословном повиновении. Хотя он был полон решимости прорваться и уничтожить существующее правительство, он хотел воспользоваться, насколько это возможно, таинственной силой закона, подобно тому как победитель обращает захваченную батарею против врага, у которого она была отнята. Подобного заговора, такого простого, но в то же время смелого и эффективного, никогда раньше не было. И никто, кроме другого Наполеона, не сможет привести в исполнение еще один подобный заговор. Весь Париж

был в состоянии сильного возбуждения. Предстояло совершить нечто великое. Это должен был совершить Наполеон. Но никто не знал, когда, что и как. Все с нетерпением ждали приказов. Большинство Сената, или Совета Старейшин, консервативное по своим тенденциям и однажды увидевшее во время правления террора ужасы якобинского господства, было готово самым подобоострастным образом сплотиться под знаменем такого решительного лидера, как Наполеон. Они были готовы, без вопросов, провести любое голосование, которое он предложит. Палата представителей, или Совет пятисот, более демократичная по своему составу, содержала большое количество вульгарных, невежественных и страстных демагогов, из всех сил пытавшихся захватить бразды правления. Карно, чьего сотрудничества Наполеон полностью добился, был президентом Сената. Люсьен Бонапарт, брат Наполеона, был спикером Палаты представителей. Эти два органа встретились во дворце Тюильри. Конституция наделила Совет старейшин правом определять место проведения обоих законодательных собраний.

Все офицеры парижского гарнизона и все выдающиеся военные в столице добивались чести быть представленными Наполеону. Без какого-либо публичного объявления каждому было конфиденциально сообщено, что Наполеон примет его утром 9 ноября. Все полки в городе также просили чести провести смотр у выдающегося завоевателя. Им также сообщили, что Наполеон рассмотрит их рано утром 9 ноября. Совет древних был созван в шесть часов утра того же дня. Совет пятисот также должен был собраться в 11 часов того же утра. Это знаменитое 18 Брюмера было днем, предопределенным для начала великой борьбы. Эти назначения были назначены таким образом, чтобы не привлекать общественного внимания. Таким образом, главнокомандующий тихо подготавливал свои силы к важному конфликту. Никому он не раскрывал тех комбинаций, благодаря которым ожидал бескровной победы.

Наступило утро 9 ноября. Солнце с непривычным великолепием взошло над куполами переполненного города. Более яркого дня еще не было. На всех улицах гигантской столицы в первых сумерках дня была слышна музыка военных оркестров, топот батальонов, цокот железных копыт и грохот колес тяжелой артиллерии по мостовой, когда пехотные, артиллерийские и кавалерийские полки в самом гордом строю маршировали по бульварам, чтобы удостоиться чести смотра от завоевателя Италии и Египта. Весь город был в смятении, ведомый невидимой энергией Наполеона, уединявшегося в своем кабинете. В восемь часов дом Наполеона на улице Шантерен был так переполнен прославленными военными в самых блестящих мундирах, что все комнаты были заполнены, и даже улица была запружена блистательными гостями. В этот момент Совет старейшин принял подготовленный Наполеоном декрет о том, что оба законодательных органа должны перенести свои заседания в Сен-Клу, в нескольких милях от Парижа; и что Наполеон Бонапарт должен быть назначен командующим всеми вооруженными силами в городе для обеспечения общественного спокойствия. Переезд в Сен-Клу был милосердной мерой предосторожности против кровопролития. Это обезопасило законодательные органы от жестокого вмешательства парижской толпы. Председателю Совета было поручено лично передать указ Наполеону. Он протолкался сквозь блестящую толпу, запрудившую дверь и апартаменты жилища Наполеона, и вручил ему указ. Наполеон был готов принять его. Он вышел на балкон, собрал перед собой обширную свиту влиятельных гостей и громким и твердым голосом зачитал им указ. "Джентльмены, - сказал он, - можете ли вы мне спасти Республику?" Одновременный взрыв энтузиазма вырвался из уст каждого, когда, вынимая мечи из ножен, они размахивали ими в воздухе и кричали: "Мы клянемся в этом, мы клянемся в этом". Победа была практически одержана. Теперь Наполеон был во главе

французской нации. Ничего не оставалось, кроме как завершить свое завоевание. Его врагам не оставалось пути к отступлению. Едва ли была возможность сплотиться. И теперь Наполеон собрал все свои силы, чтобы сделать свой триумф самым блистательным. Немедленно были отправлены гонцы, чтобы зачитать указ войскам, уже собравшимся с величайшей военной помпой, чтобы поприветствовать кумира армии, и которые были в настроении самым ликующим образом приветствовать его как своего главнокомандующего. Из их рядов вырвался взрыв восторженных возгласов, от которых чуть не разорвались небеса. Наполеон немедленно вскочил на коня и, окруженный самым великолепным личным составом, который он таким образом хитроумно собрал у себя дома, и в сопровождении отряда в полторы тысячи кавалеристов, которых он предусмотрительно разместил неподалеку от своего жилища, направился во дворец Тюильри. Великолепное зрелище подобно видению обрушилось на изумленный Париж. Это было первое публичное выступление Наполеона. Одетый в предельно простой гражданский костюм, он ехал верхом на своем великолепном коне, привлекая всеобщее внимание. Сверкающие знамена, развевающиеся на ветру, и великолепные серебряные и золотые украшения, которыми была украшена его свита, еще ярче подчеркивали величественную простоту его собственной внешности. С помпой и властью восседающего на троне короля Наполеон вошел в Совет Древних. Сами Древние были ослеплены его внезапным появлением в таком внушительном и неожиданном великолепии и силе. Поднявшись в зал суда в сопровождении внушительного эскорта, он обратился к собранию и принес служебную присягу. "Вы, - сказал Наполеон, - воплощаете мудрость нации. Вам надлежит принять совместные меры для спасения Республики. Я прихожу, окруженный нашими генералами, чтобы предложить вам поддержку. Я добросовестно выполняю задачу, которую вы мне доверили. Давайте не будем искать прецеденты. ничто в истории не напоминает восемнадцатый век. Ничто в восемнадцатом веке не напоминает настоящий момент".

В люксембургский дворец была немедленно направлена помощь, чтобы проинформировать пятерых директоров, заседавших там, об этом указе. Двое директоров, Сийес и Дюко, были присягнуты Наполеону и немедленно сложили свои полномочия и поспешили в Тюильри. Баррас, сбитый с толку и возмущенный, отослал своего секретаря с увещеваниями. Наполеон, уже принявший на себя власть императора и говоривший так, словно Франция была его вотчиной, обрушился на него с потоком брани. "Где?" он возмущенно воскликнул: "Неужели та прекрасная Франция, которую я оставил вам, так блистательна? Я оставил вам мир. Я нахожу войну. Я оставил вам победы. Я нахожу только поражения. Я оставил тебе миллионы жителей Италии. Я нахожу налоги и нищету. Где сто тысяч человек, мои товарищи по славе! Они мертвы. Такое положение вещей не может продолжаться. Это приведет к деспотизму". Баррас был в ужасе. Он боялся, что орлиный глаз Наполеона будет расследовать его казнокрадство. Он подал в отставку. Теперь остались только два директора, Гойе и Мулен. Потребовалось большинство из пяти, чтобы составить кворум. Эти двое были бессильны. Отчаявшись в успешном сопротивлении и опасаясь мести, они поспешили в Тюильри, чтобы найти Наполеона. Они были представлены ему в окружении Сийе, Дюко и блестящего штаба. Наполеон принял их сердечно. "Я рад видеть вас", - сказал он. "Я не сомневаюсь, что вы оба подпишете. Ваш патриотизм не позволит вам назначить революцию, которая одновременно неизбежна и необходима". "Я еще не отчаиваюсь, - горячо заявил Гойе, - с помощью моего коллеги Мулена спасти Республику". "Чем вы собираетесь ее спасти?" - воскликнул Наполеон. "С Конституцией, которая разваливается на куски?" Как раз в этот момент вошел посыльный и сообщил директорам, что пивовар Сантери, который во времена террора приобрел кровавую

известность как лидер якобинцев, подстрекает толпу в предместьях к сопротивлению. - Генерал Мулен, - твердо сказал Наполеон, - вы друг Сантера. Скажите ему, что при первом же его движении я прикажу застрелить его". Мулен, раздраженный и в то же время потрясенный, извиняющимся тоном ответил. "Республика в опасности", - сказал Наполеон. Мы должны спасти ее. Такова моя воля. Сийес, Дюко и Баррас подали в отставку. Вы два изолированных и бессильных человека. Я советую вам не сопротивляться". Они по-прежнему отказывались. У Наполеона не было времени на переговоры. Он немедленно отправил их обоих обратно в Люксембург, разделил их и поместил под арест. Фуше, * занимавший важный пост министраполиции, хотя и не пользовавшийся доверием Наполеона, но стремившийся выразить свое почтение восходящему светилу, позвонил Наполеону и сообщил ему, что он закрыл барьеры и таким образом предотвратил любой вход или выход. "Что означает это безумие?" сказал Наполеон. "Пусть эти приказы будут немедленно отменены. Разве мы не выступаем с мнением нации и только ее силой? Пусть ни один гражданин не будет прерван. Пусть все, что делается, будет предано гласности".

"Фуше, - сказал Наполеон, - негодяй всех мастей, террорист и тот, кто принимал активное участие во многих кровавых сценах Революции. Это человек, который может выведать у вас все ваши секреты с видом спокойного и беззаботного человека. Он очень богат; но его богатство было приобретено дурным путем. Он никогда не был моим доверенным лицом. Он никогда не приближался ко мне, не склонившись до земли. Но я никогда не испытывал к нему никакого уважения. Я использовал его просто как инструмент".

Совет Пятисот, пребывающий в большом замешательстве, собрался в одиннадцать часов. Люсьен немедленно сообщил о переносе их заседания в Сен-Клу. Это положило конец всем дебатам. Указ был совершенно законным. Следовательно, не могло быть никакого законного предложения для оппозиции. Наполеон, кумир армии, подчинил своей воле всю военную мощь. Следовательно, сопротивление любого рода было хуже безумия. Дело было сделано умело. В одиннадцать часов дневная работа была завершена. Справочника больше не было. Наполеон был назначен главнокомандующим войсками, и они заполняли улицы восторженными криками "Живого Наполеона". Совет древних был полностью в его распоряжении. Большая группа в Совете Пятисот также была полностью подчинена его воле. Наполеон, гордый, молчаливый, сдержанный, полностью осознающий собственное интеллектуальное превосходство и относящийся к генералам, государственным деятелям и толпе вокруг себя, как мужчина относится к детям, поднялся по парадной лестнице Тюильри, как к своему наследственному дому. Почти все партии объединились, чтобы поддержать его триумф. Наполеон был солдатом. Пушки Парижа радостно гремели, возвещая победу того, кто казался особым любимцем Бога войны. Наполеон был ученым, стимулировавшим интеллект к его величайшим достижениям. Ученые Парижа с благодарностью объединились, чтобы сплести венок для чела своего уважаемого соратника и покровителя. Для тех дней распутства и необузданной похоти Наполеон был образцом чистоты нравов и безукоризненной порядочности. Предложенная миллионная взятка не могла соблазнить его. Танцующие дочери Иродиады, несмотря на все их увещания, не могли отвлечь его от жизни, полной геркулесова труда, и от его величественного патриотизма. Вино, которое блестит в чаше, никогда не побеждало его. В святилище без порока он нашел почитателя. Самые чистые и лучшие люди Франции, испытывая отвращение к позолоченному разврату, превратившему дворцы Бурбонов в гаремы сладострастного греха, и еще более глубокое отвращение к этому вульгарному и отвратительному пороку, превратившему Париж в дом позора, обратили все свои симпатии на

сторону образцового мужа и неподкупного патриота. Наполеон был одним из самых твердых и непоколебимых друзей закона и порядка. Франция устала от анархии и дрожала от предчувствия, что сточные канавы гильотины снова наполнятся кровью. Матери и девушки молились о ниспослании Божьего благословения Наполеону, который явился им как посланник, посланный с Небес для их защиты.

Днем и ночью его комната в Тюильри была переполнена самыми выдающимися государственными деятелями, генералами и учеными Парижа, спешившими заверить его в своей поддержке. Наполеон, совершенно невозмутимый и никогда не растерявшийся в любой чрезвычайной ситуации, отдал свои приказы на следующий день. Ланну был доверен отряд войск для охраны Тюильри. Мюрат, который, по словам Наполеона, "был великолепен при Абукире", с многочисленной кавалерией и отрядом гренадеров находился в Сен-Клу, как молния в правой руке Наполеона. Горе той толпе, в ряды которой может быть брошен этот удар молнии. Моро с пятью сотнями человек был направлен для охраны Люксембургского дворца, где содержались под арестом два непокорных директора. Серрюрье был назначен на командную должность с сильным резервом, готовым к любым неожиданностям. Даже отряд войск был отправлен сопровождать Барраса в его загородную резиденцию, якобы в качестве почетного эскорта, но на самом деле для защиты от любых изменений в этом продажном и разностороннем уме. Немедленно были приняты самые энергичные меры, чтобы не допустить какого-либо объединения недовольных. Повсюду были расклеены объявления, призывающие граждан к спокойствию и заверяющие их в том, что предпринимаются мощные усилия для спасения Республики. Эти мельчайшие предосторожности были характерны для Наполеона. Он верил в судьбу. И все же он ничего не оставлял на волю судьбы. Он всегда стремился предусмотреть все мыслимые непредвиденные обстоятельства. Эти меры были полностью успешными. Хотя Париж был охвачен безумием возбуждения, имели место вспышки незаконного насилия. Ни монархист, ни республиканец, ни якобинец не знали, что намеревался сделать Наполеон. Все сознавали, что он что-то предпримет. Было известно, что якобинская партия в Совете Пятисот на следующий день предпримет отчаянную попытку сопротивления. Сийес, прекрасно знакомый с революционными движениями, убедил Наполеона арестовать около сорока якобинцев, наиболее видных в Совете. Это обеспечило бы легкую победу на следующий день. Наполеон, однако, отверг этот совет, сказав: "Сегодня утром я дал слово защищать национальное представительство. Сегодня вечером я не нарушу свою клятву". Если бы Ассамблея была созвана в Париже, вся толпа предместий поднялась бы, подобно наводнению, в их защиту, и, должно быть, пролились бы потоки крови. Предусмотрительный перенос собрания в Сен-Клу, в нескольких милях от Парижа, спас эти жизни. Мощная военная демонстрация пресекла любую попытку похода на Сен-Клу. Что могла сделать толпа, когда Мюрат, Ланн и Серрюрье, ведомые энергией Наполеона, были готовы обрушить на нее свои мощные колонны!

Деликатность внимания, с которой Наполеон относился к Жозефине, была одной из самых замечательных черт его характера. Нет ничего странного в том, что он должен был завоевать у нее любовь едва ли не большую, чем человеческая. Во время волнующих сцен этого дня, когда никто не мог сказать, ведут ли события его к короне или к гильотине, Наполеон не забывал о своей жене, которая с глубокой тревогой ожидала результата в своей комнате на улице Шантерен. Почти каждый час он отправлял к Джозефине посыльного с наспех написанной строчкой, сообщавшей ей о ходе событий. Поздно вечером он вернулся к себе домой, по-видимому, такой же свежий и не истощенный, как утром. Он подробно рассказал Джозефине о

событиях прошедшего дня, а затем бросился на диван, чтобы часок отдохнуть. Рано утром следующего дня он был верхом на лошади в сопровождении царственной свиты и направлялся в Сен-Клу. Во дворце были приготовлены три зала: один для древних, один для Пятисот человек и один для Наполеона. Таким образом, он занял должность, которую, как он знал, он должен был занять по почти единодушной воле нации. Ночью якобинцы оказали очень мощное сопротивление. Считалось, что Наполеон находится в неминуемой опасности. Его объявили бы предателем. У Сийеса и Дюко было по почтовой карете и шестерке лошадей, ожидавших у ворот Сен-Клу, готовых в случае неудачи спастись бегством. Было много амбициозных генералов, готовых взобраться на гребень любой волны, чтобы уничтожить Наполеона. Бенадотта следовало опасаться больше всего. Был отдан приказ зарубить первого, кто попытается обратиться с речью к войскам. Наполеон, ехавший во главе этого внушительного военного парада, не проявлял никакого волнения. Однако он прекрасно знал окапризности народного голоса и о том, что толпа в один и тот же час могла воскликнуть "Осанна!" и "распни!" Встретились два Совета. Смятение в "Пятистах" было ужасающим. Крики "Долой диктатора!" Крики "Смерть тирану!", "Да здравствует конституция!" наполнили зал и заглушили голоса раздумий. Друзья Наполеона были сметены потоком страстей. Было предложено, чтобы каждый депутат немедленно принес новую присягу в поддержку Конституции. Никто не осмелился подвергать свою жизнь опасности из-за отказа. Даже Люсьен, Спикер, был вынужден подняться со своего стула и принести присягу. Древние, охваченные благоговейным страхом перед неожиданной яростью этой оппозиции в нижней и более популярной палате, начали беспокоиться и отступать. Оппозиция заняла смелую и агрессивную позицию и предложила объявить Наполеона вне закона. Друзья Наполеона, помня прошлые сцены заработка, были робки и уступчивы. Поражение казалось неизбежным. Победа, очевидно, обернулась поражением и смертью. В этой чрезвычайной ситуации Наполеон проявил то же хладнокровие, энергию и такт, с которыми так часто на поле битвы, в самый роковой час, он обращал вспять волну поражения блистательными волнами победы. Его собственный разум был резервным корпусом, который он теперь ввел в бой, чтобы остановить бегство своих друзей. Взяв с собой несколько помощников и отряд гренадеров, он направился к выходу из зала. По пути он встретил Бернадотта. "Вы идете на гильотину", - сурово сказал его соперник. "Посмотрим", - холодно ответил Наполеон. Оставив солдат со сверкающей сталью и развевающимися плюмажами у входа в зал, он поднялся на трибуну. Тишина воцарилась в взволнованном зале. "Джентльмены, - сказал он, - вы находитесь на вулкане. Вы сочли Республику в опасности. Вы призвали меня на помощь. Я повиновался. А теперь на меня обрушиваются тысячи клеветнических измышлений. Они говорят о Цезаре, о Кромвеле, о военном деспотизме, как будто что-то в древности напоминало настоящее.

Опасность давит. Катастрофа нарастает. У нас больше нет правительства. Директора подали в отставку. Пятьсот человек в смятении. Эмиссары подстрекают Париж к восстанию. Агитаторы с радостью восстановили бы революционные трибуналы. Но не бойтесь. С помощью моих товарищей по оружию я защищу вас. Я ничего не желаю для себя, кроме спасения Республики. И я торжественно клянусь защищать свободу и равенство, ради которых мы принесли такие жертвы". "И Конституцию!" - выкрикнул кто-то. Наполеон намеренно опустил Конституцию в своей присяге, поскольку презирал ее и в тот момент добивался ее свержения. Он на мгновение замолчал, а затем с возрастающей энергией воскликнул: "Учреждение! у вас его нет. Вы нарушили, когда Исполнительная власть нарушила права законодательной власти. Вы нарушили его, когда Законодательная власть нанесла удар по независимости исполнительной

власти. Вы нарушили его, когда кощунственной рукой и Законодательная, и Исполнительная власть нанесли удар по суверенитету народа, аннулировав его выборы. Конституция! Это насмешка; на нее ссылаются все, но никто не обращает на нее внимания".

Воодушевленные присутствием Наполеона и этими смелыми словами, его друзья вновь обрели мужество, и две трети Собравшихся поднялись, выражая свое доверие и поддержку. В этот момент пришло известие, что Пятисот человек убеждают Люсьена поставить на голосование объявление Наполеона вне закона. Нельзя было терять ни минуты. В законе есть таинственная сила. Успех этого голосования, вероятно, был бы фатальным. Жизнь и смерть висели на волоске. "Я бы тогда отдал двести миллионов, - сказал Наполеон, - за то, чтобы Ней был на моей стороне". Обращаясь к Древним, он воскликнул: "Если какой-нибудь оратор, которому платят иностранцы, заговорит о том, чтобы объявить меня вне закона, я обращусь за защитой к моим храбрым товарищам по оружию, чьи плюмажи колышутся у двери. Помни, что меня сопровождают Бог удачи и Бог войны".

Он немедленно покинул Древних и в сопровождении своего военного отряда поспешил на Совет Пятисот. По дороге он встретил Ожеро, который был бледен и дрожал, считая Наполеона погибшим. "Вы попали в довольно затруднительное положение", - сказал он с глубоким волнением. "При Арколе дела обстояли хуже", - хладнокровно ответил Наполеон. "Сохраняйте спокойствие. Все изменится через полчаса". Сопровождаемый своими гренадерами, он немедленно вошел в Зал Пятисот. Солдаты остались у двери. Наполеон в одиночестве пересек половину комнаты, чтобы добраться до бара. Это был час, в течение которого ничто не могло спасти его, кроме ресурсов его собственного разума. Яростные крики раздавались со всех концов дома. "Что это значит? долой тирана! "Ветры, - говорит Наполеон, - внезапно вырывающиеся из пещер Эола, могут дать лишь слабое представление об этой буре". Посреди ужасной суматохи он тщетно пытался заговорить. Члены клуба в диком смятении столпились вокруг него. Гренадеры, видя опасность, в которой оказался их командир, бросились ему на помощь. В грудь ему вонзили кинжал. Солдат рукой отразил удар. Штыками они оттеснили членов парламента и, окружив Наполеона, вынесли его из Зала. Едва Наполеон спустился по наружной лестнице, как кто-то сообщил ему, что его брат Люсьен окружен разъяренными депутатами и что его жизнь находится в неминуемой опасности. "Полковник Дюмулен, - сказал он, - возьмите батальон гренадеров и поспешите освободить моего брата". Солдаты ворвались в зал, оттеснили толпу, которая с яростными угрозами окружила Люсьена, и, сказав: "Это по приказу вашего брата", благополучно вывели его с бала во двор. Наполеон, вскочивший на коня, рядом с Люсьеном поехал впереди своих войск". Совет пятисот, - воскликнул Люсьен, - распущен. Это я говорю вам об этом. Убийцы захватили зал собраний. Я призываю вас выступить в поход и очистить его от них". "Солдаты! - сказал Наполеон. - могу ли я положиться на вас!" "Да здравствует Бонапарт", - последовал одновременный ответ, Мюрат взял батальон гренадеров и направился ко входу в зал. Когда Мюрат возглавлял колонну, было хорошо известно, что детских забав не будет. "В штыки, вперед!" - воскликнул он с невозмутимым хладнокровием. Барабаны отбивают атаку. Неуклонно продвигалась ошестинившаяся сталь. Перепуганные депутаты перепрыгивали через скамейки, пробегали по коридорам и выпрыгивали из окон, бросая на пол во время своего стремительного бегства платья, шарфы и шляпы. Через две минуты зал был очищен. Когда представители в смятении разбежались по саду, офицер предложил отдать солдатам приказ открыть по ним огонь. Наполеон решительно отказался, сказав: "Я желаю, чтобы ни одна капля крови не пролилась".

Поскольку Наполеон хотел, насколько это было возможно, воспользоваться формами закона, он собрал вечером оба законодательных органа. Присутствовали только те, кто был дружелюбен к его делу. Единогласно они постановили, что Наполеон заслужил блага своей страны; они отменили Директорию. Исполнительную власть они передали Наполеону, Сийесу и Дюко в звании консулов. Были назначены два комитета по двадцать пять человек в каждом, отобранные из двух Советов, для сотрудничества с консулами в разработке новой Конституции. Вечером до Парижа дошел слух, что Наполеон потерпел неудачу в своем предприятии. Ужас был велик. Масса народа всех рангов, страшась возобновления революционных ужасов и измученная прошлыми потрясениями, страстно желала покоя, Их единственной надеждой был Наполеон. В девять часов вечера было официально объявлено о смене правительства в прокламации, которую победитель продиктовал с быстротой и пылким красноречием, характерными для всех его мыслительных действий. Оно было зачитано при свете факелов собравшимся и глубоко взволнованным группам по всему городу. Долгожданная новость была встречена бурными аплодисментами. В три часа ночи Наполеон бросился в свою карету, чтобы вернуться в Париж. Буррьен сопровождал его. Наполеон, казалось, был настолько погружен в свои мысли, что во время поездки не произнес ни единого слова.

В четыре часа утра он вышел из экипажа у дверей своего дома на улице Шантерен. Жозефина в величайшем беспокойстве наблюдала в окно за его приближением. Наполеон не смог послать ей ни единой строчки во время суматохи и опасностей того богатого событиями дня. Она бросилась ему навстречу. Наполеон порывисто заключил ее в объятия, кратко пересказал события прошедшего дня и заверил ее, что с тех пор, как он принял присягу, он не позволил себе заговорить ни с одним человеком, поскольку хотел, чтобы любимый голос его Жозефины был первым, кто поздравит его с фактическим присоединением к Французской империи. Сердце Жозефины могло оценить такую утонченную и трогательную любовь. Она с полным правом могла бы сказать: "Наполеон - самый обворожительный из мужчин". Это было после четырех часов утра. На рассвете того дня, когда Наполеону предстояло отправиться на новую арену геркулесовых трудов по организации Республики, он бросился на ложе, чтобы несколько минут отдохнуть, и весело воскликнул: "Спокойной ночи, моя Жозефина! Завтра мы будем спать в Люксембургском дворце."

Наполеону было тогда всего двадцать девять лет. И все же, в обстоятельствах невообразимой сложности, без колебаний полагаясь на свои собственные умственные ресурсы, он взял на себя огромную заботу о создании нового правительства для тридцати миллионов человек и управлении им. Никогда он не одерживал победы, в которой проявился бы более непревзойденный гений. Ни при каких обстоятельствах в его жизни его величественная интеллектуальная мощь не проявлялась с таким блеском. Не следует ожидать, что в последующие века мир будет единодушен во мнении относительно этой сделки. Некоторые представляют это как надругательство над законом и свободой. Другие считают это необходимым актом, который положил конец коррупции и анархии. Можно сомневаться в том, что курс, который проводил Наполеон, соответствовал желаниям подавляющего большинства французского народа. Сомнительно, что даже сейчас Франция готова к самоуправлению. Не может быть сомнений в том, что тогда республика потерпела полный крах. Наполеон сказал по поводу этой революции: "Что касается меня, то вся моя доля участия в заговоре была ограничена тем, что я собрал толпу моих гостей в тот же утренний час и двинулся во главе их, чтобы захватить власть. Именно с порога моей двери, без того, чтобы мои друзья заранее знали о моих намерениях, я повел их к этому завоеванию. Именно среди блестящего эскорта, который

они сформировали, их живой радости и единодушного рвения я предстал перед судом Древних, чтобы поблагодарить их за диктатуру, которой они меня наделили. Метафизики спорили и будут долго спорить, не нарушали ли мы законы и не были ли мы преступниками. Но это всего лишь абстракции, которые должны исчезнуть перед властной необходимостью. С таким же успехом можно обвинять моряка в расточительстве и разрушении, когда он срубает мачту, чтобы спасти свой корабль. Факт в том, что если бы не мы, страна была бы потеряна. Мы спасли ее. Авторы этого достопамятного государственного акта должны были бы гордо, подобно римлянину, ответить своим обвинителям: "Мы протестуем против того, что спасли нашу страну. Пойдем с нами и возблагодарим Богов".

За исключением якобинцев, все партии были решительно настроены в пользу этой революции. За десять лет люди настолько привыкли к нарушению законов, что перестали осуждать подобные действия и судили о них только по их последствиям. По всей Франции почти поголовно высказывались в пользу нового правительства. Говорит Элисон, которую, конечно, необвинят в пристрастном отношении к Наполеону: "Наполеон соперничал с Цезарем в элементарности, с которой он использовал свою победу. За победой порядка над революцией не последовало ни проскрипций, ни массовых убийств, ни нескольких арестов или тюремных заключений. Напротив, многочисленные поступки меряя, столь же мудрые, сколь и великодушные, свидетельствовали о возвышении консульского престола. Возвышение Наполеона было не только не запятнано кровью, но даже ни один пленник долго не оплакивал машину победителя. Знаменательный триумф принципов смирения над принципами жестокости, славный как для действующих лиц, так и для эпохи, в которую это произошло: и незабываемое доказательство того, насколько долговечнее победы, одержанные умеренностью и мудростью, чем победы, достигнутые насилием и запятнанные кровью".